

МОСКОВСКИЙ
ВЪСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Марта 11 го дня, 1830 года.

Цензоръ Сергій Глинка

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

1850 годъ.

№ V.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Голосъ дѣтской любви.

Когда приидешь Ты, мой Богъ,
И спанешь, въ славѣ между нами, —
Дитя nevoли и тревогъ,
Я кинусь, съ горькими слезами,
Опець и Богъ передъ Тобой;
И я скажу: О милосердый!
Ты разсуди мени съ судьбой:
Еще я на споцахъ не швердый,
Какъ вѣпка, зыблясь, чуть спояль
И медля жизни у порога:
И коловрашная тревога
И шумъ страстей меня пугаль;
Еще, я робкій, не рѣшался; —
Но мракъ кругомъ меня сгуцался;
И вихоръ духъ мой возмушилъ,
Ошвіляя челну покойа,
Но

Схватилъ, умчалъ, и, сердцемъ ноя,
 Я увлеченъ, лишенный силъ.
 Съ шѣхъ поръ имѣлъ я сполькожь воли,
 Какъ въшромъ мчимое перо . . .
 Какъ съ ѣдкой ржою серебро,
 Какъ ткань, сквозящая отъ моли,
 Такъ жизнь моя! . . и острый грѣхъ
 Въ меня вонзился, какъ заноза;
 Повсюду совѣсть — какъ угроза. . .
 Друзьямъ на плачь, врагамъ ва смѣхъ,
 Я шелъ и падалъ. . . . и въ болонѣ
 Скорбей жишейскихъ я понуль;
 Трудился въ жизни, какъ въ работѣ
 И разъ спокойно не вздохнулъ!
 Какъ дождь, неожиданныя напаси
 Ошвсюду ливня на меня;
 И хитрля въ ловипвахъ спраси,
 Младое сердце полоня,
 Меня манили, звали, мчали,
 И, на пусяхъ внѣ алшаря,
 Стокрапъ, какъ жертву заколали.
 Вошще мольбы мои, паря,
 Ошягощенныя отъ стона,
 Искали Божіяго трона,
 Искали горняго Царя.
 Крутомъ густѣла ночь земная,
 Далекы были небеса.
 Но се! година къ намъ иная
 Иныя сводитъ чудеса!

Идешь Господь . . . и стихли муки ;
 И слышишь все приходъ Ошца ,
 И усладительные звуки
 Зовущъ шайнственнно сердца . . .
 И пробудились ! . . Боже правый !
 Не кто другой , Ты самъ пришелъ ,
 Какимъ же Ты нашъ вѣкъ лукавый ,
 Какимижъ , Боже ! насъ нашель ?
 Но не судися съ нами , Боже !
 Кто , смертный , правъ передъ Тобой ?
 Чшо были праощцы , мы тоже :
 Пусть человекъ съ его судьбой
 Тобой разсудишся , Могучій !
 Перемяни нашъ правъ лешучій ,
 И сердце каменное вынь ,
 Не дай намъ обогряться кровью ,
 И насъ , — подобіе пустынь , —
 Ты насели одной любовью . . .
 Дай силу намъ , чшобъ мы могли
 Сковать разнузданныя спрасни ;
 И горесныхъ сыновъ земли ,
 Дѣшей безъ воли и безъ власпи ,
 Слѣпыхъ , подъ заревомъ наукъ ,
 Ты привлеки Своей рукою ,
 И , изъ Своихъ святѣйшихъ рукъ ,
 За лѣша , за столѣшья мукъ ,
 Дай намъ вкусить хоть мигъ покою ! . .

Федоръ Глинка.

Къ Ал. Ник. Тат-ву.

Здорово, брашь! Поставь сюда двѣ чаши!
 Наполнимъ ихъ и вмѣстѣ вознесемъ
 За Дерпшъ, и Музь, и наслажденья наши
 Свободныя, кипѣвшія виномъ!
 Въ моей груди есть сердце молодое,
 Воспоминашь и чувствовать бывшее:
 Мнѣ ль разлюбишь безоблачные дни
 Опважныхъ думъ, разгульныхъ вдохновеній,
 Живыхъ трудовъ и просвѣщенной лѣни?
 Волшебные — за чѣмъ прошли они?

*

Такъ, за него — за эпоху мѣръ прекрасной
 Все, чѣмъ судьба пѣвнишельна моя,
 Что въ ней земнымъ оковамъ неподвластно,
 Все чистое, святое бышя,
 Чѣмъ радостно пылающъ мысли юны,
 Чѣмъ движущся божественныя струны,
 Чѣмъ дѣйствуетъ возвышенный Поэтъ, —
 Душѣ моей явилъ онъ, свѣшозарный;
 И здѣсь его пишомецъ благодарный,
 Творю ему задравный мой привѣтъ.

*

И мнится мнѣ: исполненъ вдохновенья
 Тебя со мной соединившій часъ;
 О! да хранишь Десница Провидѣнья
 Сады наукъ, взлелѣвшіе насъ!

Будь нашею ошрадою счастливой
 Могущество надежды горделивой,
 Что спанешь намъ на переходъ земной
 Душевныхъ силъ, своихъ и неизмѣнныхъ,
 Веселою свободой пробужденныхъ
 На праздникахъ у младости живой!

*

Таковъ булашь, въ браннолюбивой длани
 Несокрушимъ, однажды закалень!
 Свершился плоды моихъ желаній,
 Сбылся души благословенный сонъ:
 И вошь они, мѣша мои родня!
 Кругомъ лѣса и горы мѣловыя,
 По скашамъ ихъ разбросано село,
 Вонъ Божій храмъ, и барскій домъ, и нивы,
 Луга, рѣки подгорные извивы
 И двухъ прудовъ спокойное стекло.

*

Гдѣжь вы, мои товарищи и други?
 По прежнеумъ увеселяють васъ
 И тихій трудъ, и шумные досуги,
 И родины краснорѣчивый гласъ?
 Нашъ лучший другъ, — пируешь ли онъ съ вами?
 Онъ, видѣвшій учеными глазами
 Злашю Иранъ, и Патріарха горь
 И надъ его священной головою
 Ночныхъ свѣшилъ блискающій красою
 Торжественный, лазоревый шапѣрь?

*

Дай руку, браться! Въ виду страны родимой
 Мы повторимъ ошрадный свой объѣтъ
 Еще узрѣшь тошъ край всегда любимой,
 Привольное гульбище юныхъ лѣтъ,
 Разсадникъ чувствъ и помысловъ высокихъ!
 Вновь обойдемъ своихъ друзей далекихъ,
 Ихъ въ бурную бесѣду соберемъ —
 И чокнутся привѣшшвенныя чаши
 За Дерпшъ, и Музь, и наслажденья наши
 Свободныя, кипѣвшія виномъ!

1830 Января 30.

Языковъ.

~~~~~

Изъ Саади (на кусокъ янтара).

Червь ядовитый скрывался въ землѣ;
 Черныя думы таились во мглѣ.

Червь изгибаяся землю сквернилъ;
 Грѣхъ ненавистный мнѣ душу шягчилъ.

Червь ядовитый облишь яншаремъ,
 Весело взоры почіюшь на немъ.

Къ небу подьемаю я очи съ мольбой,
 Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печашь,
 Грѣхъ мой покрыла Творца благодашь.

Хомяковъ.

~~~~~

С е л а м ъ,

или Языкѣ цвѣтѣвъ (*).

(Опрывокъ).

Прекрасенъ пышный садъ Паши!

Райнѣ шамъ роци молодя (1).

Тамъ, въ очарованной шиши,

Гранаты блещущѣ огневые;

Тамъ померанецъ, и лимонъ,

И апельсинъ благоухающъ,

Тамъ финики на вѣшкѣ шающъ,

И, мнился, воздухъ напоенъ

Роскошнымъ запахомъ сандала (2)

Перенесенный съ южныхъ странъ,

Въ коронахъ блещетъ Мангустанъ (3);

Тамъ съ пышной Амрой сочешала

Пр. Въ скоромъ времени появившя въ свѣтъ книжка подъ заглавіемъ: *Селамъ* или языкѣ цвѣтѣвъ. Чтобы познакомить съ нею нашихъ читатель, мы выпишемъ небольшой опрывокъ изъ стихотворнаго разсказа, предшественствующаго Европейскому Селаму, — то мѣсто въ которомъ сочинитель, изображая садъ Багдадскаго Паши, представляеть Черкешенку изъясняющую свои чувствованія цвѣтами.

- (1) *Райна* бѣлая или серебристолиственная высокая щополь.
 (2) *Santalum album, flavum, rubrum.* Сіе ароматное дерево весьма цѣнится на востокѣ. Бѣлое сандалное дерево, высоко расшущее, почитается лучшимъ. См. Fund-gruben des Orients 5 Часть.
 (3) *Garcinia mangostana.* Linn. На верхушкѣ плода сего дерева находящаяся корона, образованная изъ пяти или шести треугольниковъ, соединенныхъ въ одинъ кругъ,

Краса дубровъ свои листы. (1).
 Опередивши время лѣта,
 Мадгава въ алые цвѣты
 Ошь корня до верху одѣта (2).
 Малати дремлетъ въ сладкомъ снѣ,
 Но вспыхнешь день — она раскрыта (3)!
 Сириха дышетъ при лунѣ (4),
 Шипами острыми покрыва.
 Нагацессары нѣжный цвѣтъ
 Любовь забояливо лелѣтъ;
 Какъ ошь нее прелестно вѣтъ! —
 Ошь сирѣль любви зацвѣтъ нѣтъ (5).
 И ты, любимица ногная (6),
 Сребристый вѣнчикъ вскрыла свой,

и многихъ зеленыхъ вогнутыхъ листьевъ, оставшихся ошь цвѣтка. *Voyage de Cook.*

- (1) Взгляни, Сокоциная, какъ эша юная и свѣжая ма-
 лина, проименованная шобю *Ванодизини* или *краса*
дубровъ, сочешала свои зеленыя листы съ сею ве-
 личесшвенною *Амрою*. *Калидасъ.*
- (2) *Мадраба gaertnera racemosa. Дангле*
- (3) *Jasminum grandiflorum. Linn.*
- (4) *Mimosa siricha. Linn.* шакъ нѣжный цвѣтъ Сири-
 хи развершывается на грубой и покрывшій иглами
 вѣтви. — *Калидасъ.*
- (5) *Нагацессара*, одно изъ прелестнѣйшихъ деревъ на
 земли; по сладосшному аромату цвѣты его помѣ-
 щены въ колчанъ Камадевы, или бога любви. *Сиръ В.*
Жонесъ полагаешъ, что это *pandanus odoratissima.*
Linn. Форстеръ.
- (6) On y trouve encore le sandal malam ou *polianthes tu-
 berosa*; j'en parle à cause de son nom malaci qui signifie
intrigante de nuit.

Къ восторгамъ нѣги призывая,
 На сладкій поцѣлуй ночной.
 Какъ нѣжно пылью золошисшой,
Лотосъ всплывая изъ ручья, (1).
 Вливаешь блескъ въ источникъ чистой!
 Ты здѣсь *подруга Соловья* (2)!
 На пламенныхъ листкахъ прекрасной
 Лежишь холодная роса,
 Быть можешь то блеспитъ слеза
 Любви отверженной и спрасшной;
 Прошла весна и пѣсней нѣшь,
 И овдовѣлъ роскошный цвѣшь.
 Подобный персямъ оной дѣвы,
 Ласкаешь очи *бимбы* плодь; (3)
Чампакъ душистый Камадевы (4)
 Очаровашельно цвѣшешь.
 Туда и Югъ, и Западъ дани
 Снесли своихъ благоуханій; —
 Тамъ всѣ воспочные цвѣшны..
 И рвешь, Черкешенка, ихъ ты!

-
- (1) Въ Индіи находишься два рода водяныхъ Лилій: *Nymphaea Lotus* и *Nymphaea Nelumbo*. Linn. „Золотая пыль его (Лотоса) сообщаетъ цвѣтъ свой источникамъ обители Кассіака, и оставляетъ нѣсколько слѣдовъ на прелестныхъ ланикахъ Сокопшала.“ — *Калндасъ*.
 (2) *Подруга соловья* — роза. Любовь соловья и розы прославлена поэтами востока — Гафицомъ, Саади, Жами и проч. —
 (3) *Motordica monadelphæ*. Linn. —
 (4) *Michelia champacca*. Это одинъ изъ числа пяти цвѣтковъ, которыми вооружены стрѣлы бога любви Камадевы. *Форстеръ*.

И много сорвано; но мало
 Тебѣ всё кажешься, хотя
 Твое ужь полно покрывало,
 Неоцѣненное дитя!
 Прелестной ты тогда казалась;
 О Зара, цвѣшь Кавказскихъ горъ!
 Какъ серна ты всего пугалась,
 Вокругъ бросая робкій взоръ:
 На вѣткѣ ль пшашка вострепещеши,
 Качаясь сонная во снѣ, —
 Листокъ ли съ дерева сорвешся,
 Фоншанъ плеснешъ ли въ шишинѣ, —
 Все тайный страхъ въ тебѣ наводишь,
 Невольно возмущаешь духъ,
 И будшо шепчешь: „вошь Евнухъ
 Вблизи тебя дозоромъ ходишь!“
 Едва дыханье переводишь
 Въ шрепещущей груди она;
 Бѣжишь, огнемъ горяшь ланины,
 Бѣжишь и яркая луна,
 Сребришь стезю молодой Хариты;
 Роскошной прядью на плечахъ
 Черный крыль врана, кудри вѣюшь,
 Усталость томная въ очахъ,
 Уста пурпуровыя шлѣюшь.
 Въ одной рукѣ ея цвѣты,
 Другой покровъ приподнимаешь,
 Бѣжишь — и дернь едва слѣды
 Чудесной ножки сохраняешь.

Пылаешь знойный день давно ;
 Цвѣты стоятъ въ сосудахъ Пашны (1),
 И запахъ въешь ароматный
 Сквозь растворенное окно.
 Предъ нимъ съ невольницей молодою
 Черкешенка одна,
 Склонясь на руку головою,
 Селимъ свой хочешь плеснь она :
 Какоежь дашь цвѣтку значенье ? —
 Любовь наславникъ лучшей намъ,
 Любовь пошлешь ей вдохновенье.
 Любовь внушишь ему умѣнье
 Селамъ сплешенный разгадашь.
 Вошь *розань-лавръ* она сорвала (2) :
 Меня ты чароваль не разъ ;
 Скажи ему, что каждый часъ
 Его любить не преславала,
 Потомъ снимаетъ *Азалею* (3).
 „Какъ ты шомлюся я, блѣдна,
 „Безъ друга милаго, одна,
 „Одна съ печалію моею.“
 Къ ней нѣжной *камалаты* цвѣтъ (4)

(1) *Terre de Patna*, espèce de bois du Mogol. — Изъ нее дѣлають сосуды: вливая въ нихъ вода принимаетъ пріятный запахъ . . . *Tacaletta de Flore*. —

(2) *Nerium oleander*, *rosage*. —

(3) *Azalea Pontica*. Linn.

(4) *Ipomea*. — Камалаша есть одинъ изъ цвѣтковыхъ замѣчательнѣйшихъ по цвѣту и образованію своихъ листьевъ и цвѣтка; его прелестные розоцѣбные

Она мѣзаетъ розовидный;
 Внуча, о гроздѣ любви завидный:
 Леша, преградь ошважныхъ нѣшь!
 Пошомъ — бун таньонгъ душистой (1).
 Она взяла; „своей звѣздой
 Плѣняешь ты семи — лучистой:
 Скорѣй, вечернею порой
 Спѣши увидѣшься со мной!
 А ты, плѣнительный *Мюлати* (2),
 Скажи ему: въ неволѣ я;
 Но жажду я его объятій —
 Къ нему лешить душа моя.
Саржи, цвѣшь бальзамъ паяцій (3):
 Вошь тебѣ мой поцѣлуй горяцій!
 „Пусть *Жинь-Сенгъ* кончишь мой *Селамъ* (4):
 Ты жизнь, ты свѣщъ моимъ очамъ!

вѣвички, были виною, что ему дано названіе Камала-
 ты или гроздѣ любви; цвѣщъ посвященный любви. *Спри*
В. Жонесъ.

- (1) *Mimusops Elengi*. — Сей цвѣшонокъ имѣетъ видъ звѣзды, окруженной семью или осмью лучами: онъ мелшаго цвѣща и прищнаго запаха.
- (2) *Nyctänthes Sambac*. Linn. Онъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ *Аригійскаго лсмина*. *Voу. de Cock*. —
- (3) „Дождь пересталъ на время, уступая мѣсто воздуху сладостному и прохладному, исполненному запахомъ сандала, и обремененному роскошными аромашами, похищенными съ цвѣшковъ *Кадаибы*, *Сарджи* и *Арджуны*.“ — *Гариванса. Shorea robusta*. — Linn. —
- (4) *Panax ginseng*. Linn. — Сему растѣнію приписываютъ въ *Китай* силу продолжашъ жизнь. Надобно лишь только его насшой нѣсколько времени. — *Toilette de Flore*. —

„Иди *Лулу*,“ (такъ имя было (1).
 Невольницы) на Тигрь скорѣй ,
 „Лишь днѣ палящее свѣсило
 „Угасишь блескъ своихъ лучей ,
 „Ладью увидишь ты , и въ ней. . .
 „Въ ней. . . Эшо знашь шебѣ не надо !
 „Брось только въ волны мой Селамъ.
 „Исполнишь ты , за шо въ награду
 „Въ *Фальгу* играшь позволю вамъ (2).
 „Но болѣе , — смотри — вниманье ,
 „Когда увидишь на волнѣ
 „Цвѣшокъ , — удвой свое старанье ,
 „Досхань , и принеси ко мнѣ.“

Лучь угасающей денницы
 На расписныя черепицы (3)
 Мечешей слабо ударяль ;
 Багдадъ , днемъ знойнымъ упоженный ,
 Какъ старецъ , днями ошягченный ,
 Въ мечшаньки сладкомъ засыпаль ,
 Дремали пальмы вѣковыя

(1) *Лулу* у Арабовъ означаетъ перло. Histoire de la Domination des Arabes en Espagne par Conde. —

(2) Сія игра , обыкновенная въ Сералихъ Восшока , состоящая въ томъ , что играющіи бросають другъ въ друга прешо рукою или изъ шрубки красную пыль , называемую *фальгу* , которая вдругъ осыпаетъ всего съ головы до ногъ. — *Ланге*.

(3) Багдадскія мечеша покрыты расписными черепацкими. — *Сликеръ*.

И кипарисы, здѣсь и шамъ,
 По свѣшлымъ Тигра берегамъ.
 Уже Турчанки молодыя
 Несуть подушки пуховыя
 На кровли плоскія домовъ (1);
 Тамъ сонъ имъ кажешся пріятнѣй,
 И воздухъ вѣетъ ароматнѣй
 Отъ зеленѣющихъ садовъ.
 Кто смѣетъ бросить взглядъ пышливый
 На цвѣтъ гарема прихошливый,
 На милоя чершы лица,
 Хошябъ то было издалека,
 Падешъ отъ мѣшкаго свинца
 Сыновъ ревниваго пророка.
 Заботливо, полна шомленья,
 Ждешъ Зара вѣспницы своей.
 Она считаешъ всѣ мгновенья,
 Мигъ вѣкомъ шянешся для ней;
 Но вошь опяшь ладья мелькаешъ.
 Иль это былъ очей обманъ,
 Какъ шощь мучительный туманъ, (2).

-
- (1) Дома въ Багдадѣ устроены съ террасами, на которыхъ спятъ въ лѣтнее время по причинѣ жаровъ необыкновенныхъ; ибо солнце столь знойно въ Багдадѣ, что утверждають даже, будто оно разкаливаешъ мраморъ. *Оттеръ.* —
- (2) Сей феноменъ степей, именующійся *Серабъ* производящій отъ преломленія лучей палищаго солнца въ песокъ, представляешся очамъ жаждущаго странника подъ видомъ ошдаленнаго озера. *Se phenomene, (mirage)*

Который пущника прельщаетъ
 Водой , среди безводныхъ странъ.
 „Нѣтъ , эшо онъ ; среди ясной ночи,
 „Его , его я зрѣла очи!“
 (Любовь такъ видишь далеко)
 Ей стало на душѣ легко. . .
 Она глядишь , — ладья пропала ,
 Лишь смруйка яркимъ серебромъ,
 На лонѣ Тигра голубомъ
 Вилась , и , быстро исчезала.

Дулу пришла ; въ ея рукахъ
 Листъ видишь Зара *дятловинный*.
 „О радость ; пламень нашъ взаимный!
 „Онъ понялъ мысль мою ; но ахъ!
 „Придетъ ли сладкій часъ свиданья?“ —
 Минувшаго воспоминанья
 Къ ней сильно въ грудь пѣсняются вновь.
 Она всю ночь о немъ вздыхаетъ ,
 Все утро лишь о немъ мечтаетъ ,
 И молча въ вазахъ поливаетъ
 Цветы — души своей любовь.

Ознобишинъ.

ge de sable) s'est offert plusieurs fois à nos yeux dans le
 désert ; on ne saurait croire combien le sentiment de la
 soif est irrité par ce jeu de lal umière, qui fait apparaitre
 l'image de l'eau au milieu d'un espace aride. — *Courier*
de l'Égypte N. 31.

Солдатская пѣсня.

(Посвящена Конно - Егерьскому Его Величества
Короля Виртембергскаго Полку).

Кручинушка , кручина ,
 Кручина солдатская !
 Доля наша лютая ,
 Участь безшаланная ; —
 Какъ намъ не кручиниться
 Какъ намъ не завидовашь ?
 Наши сошоварици
 Были всѣ подь Туркою
 Съ врагомъ перевѣдались ,
 Съ бусурманомъ , съ нехристомъ ,
 По свойски раздѣлались ;
 Намъ не въ перлоученку
 Школишь силу вражію ?
 Графъ Сувбровъ башюшка
 Тому училъ праощевъ ,
 Съ нами же Смоленскій Князь ,
 Выгналь рашь могучую
 Изъ родной сторонушки ,
 Изъ Россіи машушки ,
 Царсшва православнаго !
 Чшо же намъ кручиниться ,
 Брашья и шоварици ?
 Коли мы не билися ,
 Такъ за шо молился

За Царя кормилца, —

За своихъ соотчичей, —

И молишвы пеплыя

Дошли до Всевышняго.

Гдѣ шягашься нехрисшямъ

Съ Русскимъ храбрымъ воинствомъ?

Съ нами сила Крешная!

Съ ними же нечисный духъ!

Село Выползово.

А. Б.

П Р О З А.

*Письмо Д. И. Фонъ Визина изъ Фран-
ции (*) 31 Дек. 1777 года.*

. . . Опишу лучше здѣшніе обычаи. Правду скажешь, народъ здѣшній съ природы весьма скопиновать. Я думаю, что такихъ рожовей мало водится. По всемъ улицамъ найдешь кучу людей; а въ срединѣ шарлапана, который выкидываетъ какія нибудь шушки, продаетъ чудныя лекарства и смѣшитъ дураковъ шушками. Часто найдешь на площадяхъ людей около бабы, или мужика, которые поспавя на землю родъ шкафа съ расворенными дверцами, кажутъ въ шкафу куколъ. Баба во все горло поетъ духовные стихи, а мущина играетъ на скрипкѣ; словомъ, народъ праздный и зазевывается охотно, а припомъ и весьма грубый. Лакеи здѣшніе такіе неучи, что въ самыхъ лучшихъ домахъ, бывъ влущены въ переднюю, кто бъ ни прошелъ мимо, дама, или мущина, ниже съ мѣспа про-

(*) Изъ новаго полнаго собранія сочиненій незабвеннаго нашего писателя.

нулся, и, сидя, не снимаюшъ шляпъ. При мнѣ случалось нѣсколько разъ, что самъ представляющій здѣсь Королевскую Особу, Графъ Перигоръ, проходя мимо эшихъ скошовъ, видѣлъ ихъ сидящихъ въ шляпъ съ крайнимъ неучтивствомъ. Въ Парижѣ, сказываюшъ, почтенонько то же. Правда, что и господа изрядные ешъ скопики. Надобно знашъ, что такой голи, каковы Французы, нѣшъ на свѣшъ. Офицеръ при деньгахъ нанимаешъ слугу, а безъ денегъ шапаетъ безъ слуги. Но когда случится копейка въ карманъ, то не только самъ спесивъ, но и слугу учимъ спесивилъся. Словомъ, шы чинала комедию: *Gloxiex*; испинно, все Французскыя таковы; а слуги ихъ все *Razquin*, которыя, надвинувъ на глаза шляпу, кромъ своего господина не смотряшъ ни на кого. Чтобъ тебѣ подробнѣе подать идею о здѣшнихъ сполохъ, то опишу ихъ пространно. Бѣлье споловое во всей Франціи такъ мерзко, что у знашныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается. Оно такъ толсно и такъ скверно вымыто, что гадко рошъ ушерешъ. Я не могъ не изъявить моего удивленія о томъ, что за такимъ хорошимъ споломъ вижу шакое скверное бѣлье. На сіе въ извиненіе сказываюшъ

мнѣ: que cela ne se mange pas, и что для того нѣтъ нужды быть бѣлью хорошему. Подумай, какое глупое заключеніе: для того что салфетокъ не ѣдятъ, нѣтъ будто и нужды, чтобъ онѣ были бѣлы. Ко мнѣ ходятъ очень много весьма благородныхъ людей, съ копорыми я познакомился. Разговаривая съ ними между прочимъ о бѣльѣ, опровергалъ я ихъ заключеніе, представляя, что рубашекъ также не ѣдятъ, но что на нихъ онѣ безъ сомнѣнія тонки и чисты; а припомъ, видя на нихъ прекрасныя кружевныя манжеты, просилъ я ихъ изъ любопытства показатъ мнѣ и рукавъ, чтобъ увидѣть тонкость полотна. Не могли они отказать въ pleas моему любопытству. Я осполбенѣлъ, увидя, какія на нихъ рубашки! Не удержавъ я, чтобъ не спроситъ ихъ: для чего къ такой дерюгѣ пришиваются они тонкія прекрасныя кружева? На сіе въ извиненіе сказали мнѣ: que cela ne se voit pas. Вообще примѣтитъ надобно, что нѣтъ такого глупаго дѣла, или глупой вещи, или глупаго правила, которому бы Французъ тотчасъ не сказалъ резона, хотя и резонъ также сказывается преглупой. Возвращусь теперь къ описанію споловъ. Какъ скоро скажутъ, что кушанье на споль, то всякой мужчина возьметъ даму за руку

и поведешъ къ столу. У каждаго за спуломъ стоишь свой лакей. Буде же нѣтъ лакея, то несчастный госпожь хоще умри съ голоду и съ жажды. Иначе и невозможно: по здѣшнему обычаю блюды кругомъ не обносятъ, а надобно окинуть глазами столъ, и что полюбишь, того спросишь чрезъ своего лакея. Передъ кувершомъ не спавяшь ни вина, ни воды, а буде захочешъ пиць, то всякой посылай слугу своего къ буфету. Разсуди же: коли нѣтъ слуги, кому принести напишься, кому перемѣняшь шарелки, кого послашь спросишь какого нибудь блюда; а сосѣда своего лакея, какъ ни проси, шарелки своей не приметъ, а ошвѣчаель: *je ne sers que mon maître*. Подумай же, какая жалость: кавалеры Свяшаго Людовика, люди заслуженные, не имѣющіе слугъ, не сядящя за столъ, а ходящя съ шарелкою около сидящихъ, и просящя, чтобъ кушанье на шарелку имъ положили. Какъ скоро съѣсть, то побѣжишь въ переднюю къ поставленному для мытія посуды корыту, самъ бѣдный шарелку свою вымоешь, и выпря какую нибудь ошымалкою, побредеть опяшь просишь чего нибудь съ блюды. Я самъ видѣлъ все это, и вижу вседневно при столѣ самаго Графа Перигора. Чашо не сажусь я ужинашь и хожу око-

ло дамъ; а своему слугѣ велю служить какому-нибудь заслуженному нищему. Фишеръ и Петрушка одѣшны у меня въ ливреѣ и за споломъ служатъ. Я предпочитаю ихъ двумъ нанятымъ Французамъ, которыхъ не лѣзя и уговорить, чѣмъ кромѣ меня приняли у кого-нибудь тарелку. Французы мои служатъ мнѣ для посылокъ, и носятъ жену мою въ поршшезѣ; а если грязно, то и меня. Плаща имъ по 40 копеекъ на день каждому, и ѣдятъ свое. Поварня Французская очень хороша; эту справедливость ей отдать надобно; но, какъ видишь, услуга за споломъ очень дурна. Я когда въ гостяхъ обѣдаю, (ибо никогда не ужинаю) принужденъ обыкновенно вставать голодной. Часто подѣ меня стоитъ такое кушанье, котораго ѣсть не хочу; а попросить съ другаго краю не могу, потому что слѣшь; и чего просить, не вижу. Наша мода обноситъ блюда есть наиразумнѣйшая. Въ Польшѣ и въ Нѣмецкой землѣ пошъ же обычай; а здѣсь пошько перемудрили. Спрашивалъ я и эшому резонъ; сказали мнѣ, что для экономіи: если-де блюда обноситъ, то надобно на нихъ много кушанья накладывать. Спрашивалъ я, для чего вина и воды не спавяшъ передъ кувершами? Отвѣчали мнѣ, что и эшо для эконо-

ми: ибо - де примѣчено, что коли бушылку поставишь на споль, то одинъ всю ее за споломъ выщепь, а коли не поставишь, то бушылка на пять персонъ спановишся. Подумай же, другъ мой, изъ какой бездѣлицы дѣлаешия экономія: здѣсь самое лучшее споловое вино бушылка спойшь шесть копеекъ, а какое мы у насъ пьемъ, четыре копейки. Совсѣмъ тѣмъ для сей экономіи не спавяшь вина въ самыхъ знаменѣйшихъ домахъ. Клянусь тебѣ по чести моей, что какъ ты живешь своимъ домикомъ, то естъ: какъ ты пьешь и ѣшь, такъ здѣсь живутъ первые люди; а своего доспалтка люди рады бѣ къ тебѣ въ слуги пойши. Опъ чего же это происходитъ? не понимаю. У насъ все дороже; лучшее имѣемъ опсюда въ три-дорога, а живемъ въ тысячу разъ лучше. Еслибъ ты здѣсь жила, такъ какъ въ Москвѣ живешь, тобъ тебя почли презнатною и пребогатою особою. Скажу тебѣ одинъ trait, копорому я самъ былъ свидѣтель: Маркиза Fraigeville очень насъ полюбила — дама предобрая и богатая, а будетъ еще богаше, попому, что наслѣдница послѣ своихъ дядьевъ, первыхъ богачей въ Монпелье. — Я на сихъ дняхъ шатаюсь пѣшкомъ по городу и не взглянувъ на часы, зашелъ къ сей госпожѣ, не ду-

мая, чшобъ шакъ поздно было. Идучи на лѣспницу въ парадные покои, услышала я внизу ея голосъ. Я ворошился съ лѣспницы и пошелъ шуда, откуда слышанъ былъ ея голосъ, отворилъ двери и нашель свою Маркизу на поварнѣ. Сидишь за сполникомъ съ сыномъ и съ своею *fille de chambre*, и изволишь обѣдать на поварнѣ противъ очага. Я извинился своими часами, и опкланиваясь спрашивала ея, чшо за капризь къ ней пришелъ обѣдать на поварнѣ? Она безъ всякаго спыда опвѣчала мнѣ, чшо какъ нѣтъ у нее за споломъ людей послороннихъ, шо для экономіи, чшобъ не разводиль огня въ каминѣ споловой комнаты, обѣдаетъ она на поварнѣ, гдѣ на очагѣ огонь уже разведенъ. Жаловалась мнѣ, чшо дрова очень дороги, и чшо она и одною поварнею чувспвительный убышокъ шерпишь. Правда, чшо дрова здѣсь въ сравненіи нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей въ мѣсяць, но совсѣмъ шѣмъ, въ Петербургѣ гораздо больше печей имѣя, больше еще на дрова шрашилъ и не разорялся. Смѣшно вздумашъ, какихъ здѣсь обо мнѣ мыслей и по тому одному, чшо у меня въ каминѣ огонь не переводится. *Il a une fortune immense? C'est un Sénateur de Russie! Quel grand seigneur!* Вошь опзывъ, коимъ меня удо-

спониваютъ, а особливо видя на мнѣ соболій серпукъ, на которой я положилъ золотыя цепи и киспи. Всякой Французъ подходитъ ко мнѣ, и, погляди на обшлагъ, виѣ себя бываешь ошъ восхищенія. *Quelle finesse! Dieu! quelle beauté!* Першень мой, который вы знаете, и котораго лучше бывають часно у нашей гварди уншерь - офицеровъ, здѣсь въ превеликой славъ. Здѣсь брилліаншы только на дамахъ; а першеньки носятъ маленькіе. Мой имъ кажеться величины безмърной и первой воды. Справедлива пословица: въ чужой рукъ ломоть больше кажеться. Правда, что вразсужденіи мѣховъ шѣ, кои я привезъ съ собою, здѣсь наилучшіе, и у Перигора нѣтъ собольяго серпука. Горностаевая муфта моя прибавила мнѣ много консидераціи. „*Beau blanc!* всѣ кричатъ единогласно. Всѣ глядять, и глядять очень бережно, чтобъ не заворопить волоска. Всякой спрашиваетъ о цѣнѣ. Я говорю 300 руб. — *Parbleu! je le crois bien*, всякой ошвѣчаетъ, *il n'y a rien de si beau que ça.* — Словомъ, каждый день комедія. Я думаю, нѣтъ въ свѣтѣ націи легковѣрнѣе и безразсуднѣе. Мнѣ случалось на смѣхъ рассказывать совсѣмъ несбыточныя дѣла, и физически невозможныя; ни одна душа однакожь не усомнилась; только что дивяшся.

Описывая сихъ проспаковъ, говорю я о большей шолько части людей; ибо здѣсь хопя мало, однако есть очень умные люди, кои чувствуя неизреченную глупость своихъ согражданъ, сами надъ нею смѣются и за одно со мною рассказываютъ небылицу. Часто шалаясь поушру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ, прихожу объѣхать къ Графу Перигору, и рассказываю ему, какіе мнѣ дѣлають вопросы; онъ помираеть со смѣху, и будучи очень веселаго нрава, не взирая на свою флегму, рассказываетъ мнѣ самъ побасенки. — Между прочимъ, палантъ мой дразнить людей находить здѣсь универсальную апробацію; а особливо дамы полюбили меңя за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили, и поминушно дѣлають мнѣ комплименты. Какіе же? Чшо я будто не похожу на чужестраннаго. Надобно описать глупое зараженіе всѣхъ Французовъ вообще. Они считають себя за первую въ свѣтѣ націю, и коли скажущъ: *vous n'avez point l'air étranger du tout*, то потчасъ прибавяшь: *je vous en fait bien mon compliment*. Англичанъ здѣсь терпѣть не могутъ, и хопя въ глаза очень обходятся съ ними учливо, однако за глаза браняшь ихъ

и смѣются надъ ними. Напрошивъ шого, хороши и Англичане. Забравъ въ чужую землю, потому что въ своей холодно, презирають жишелей въ глаза, и на все ихъ учливости опивѣчаютъ грубосью. Всего смѣшнѣе говорятъ они по Французски. Американскія ихъ дѣла доходятъ до самой крайности, и они въ такомъ опчаяніи, что думаютъ надобно, опспуляшя опъ Америки, и слѣдовашельно объявляшъ войну Франціи: ибо издревле всякой разъ, когда ни доходила Англія до крайняго несчастія, всегда имѣла ресурсомъ и обычаемъ, объявляшъ войну Франціи. Сіе обстоятельство сдѣлало то, что Англичане опсхода вдругъ подыались и развѣзжаются; а Французы ожидають войны немедленно, и флотъ свой такъ вооружають, что въ Тулонѣ работають непрерыванно по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ. Про нашу войну съ Турками здѣсь какъ въ трубу трубляшъ, и всякой часъ новыя вѣсти. У насъ въ Россіи любляшъ вѣсти, а здѣсь можно ихъ назвашъ пищею Фрэнцузовъ. Онибъ дня не прожили, еслибъ запретили имъ выдумывашъ и лгашъ. По истинѣ сказать, Нѣмцы проспѣе Французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочель бы жить съ Нѣмцами, нежели съ ними. Опспается намъ видѣшъ

Парижъ, чтобъ формировавъ совершенное заключеніе наше о Франціи; но кажешся, что найдемъ то же; а разница я думаю состоятъ будетъ въ томъ, что городъ больше, да спекшакли лучше; за то климатъ хуже. Мы примѣтили, что здѣсь женскій полъ гораздо умнѣе мужскаго, а припомъ и очень не дурны. Красавиць нѣтъ, только есть лица пріятныя и веселыя; а мужчины, выключая очень малое число, очень глупы и невѣжды. Имѣютъ одну наружность, а больше ничего. Всѣ въ прахъ изломаны; и у кого ноги хопя и не кривы (что рѣдко встрѣчаешся), однако кривить ихъ нарочно для того, что Король имѣетъ кривыя ноги; слѣдственно прямыя ноги не въ модѣ. Удивленія достойны головы Французовъ: сами чувствуютъ, что это смѣшно, сами этому смѣются, со всѣмъ тѣмъ ноги кривятъ и ходятъ, разваливаясь, какъ медвѣди. — Я хотѣлъ бы описать тебѣ многіе traits ихъ глупости, въпренности и невѣжества; но представляю тебѣ рассказать ихъ на словахъ по моему возвращенію. Рассказываю ихъ лучше, нежели описываю, потому что всякое ихъ разсужденіе препровождено бываетъ жестами, которыхъ описать не лзя, а передразнить очень ловко. Перескаю писатъ для того, что

пришелъ къ намъ обѣдать Зиновьевъ, и принесли уже кушанье. Какое бѣлье! Боже! Ты видишь, чѣмъ мы принуждены упирашья! Подумай, другъ мой, что кромѣ шолсполны салфешокъ, дыръ на нихъ зашиты голубыми нитками! Нитъ и шолько ума, чтобъ зашить ихъ бѣлыми. На сихъ дняхъ начался карнавалъ. Театръ открытъ извѣстнымъ Мольтеровымъ фарсомъ: *Пурсоньянъ*. Я не описываю тебѣ здѣшняго театра; скажу шолько, что актера два-три хороши, а прочіе скверны; но случившееся четвертаго дня въ партерѣ смятеніе противъ правилельства заслуживаетъ описанія. Народу шоль много собралось въ комедіи, что не шолько партеръ, ложи, но весь театръ набитъ былъ людьми, шакъ что актеры съ нуждою дѣйствовать могли. Послѣ комедіи начался балетъ. Партеръ закричалъ, чтобъ вмѣсто балету танцовали Англійскій танецъ. Крикъ былъ необычайной. Танцовщики принуждены были сойти съ театра, а вышелъ комедіантъ спросить у партера, чрезъ кого хочешь онъ, чтобъ Англійскій танецъ былъ танцованъ? Партеръ назвалъ любимаго своего танцовщика, и начала уже играть музыка, какъ вдругъ Графъ Перигоръ разсердился на насильство партера, и велѣлъ закрыть занавѣсъ, объявля,

что партеръ никакого не имѣеть права прѣбывать того танца, который не былъ аффишированъ. Тутъ-то, другъ мой сестрица, надобно видѣть бѣшенство партера! Элакого крику на нашихъ кулачныхъ бояхъ, я чаю, небывало. Кричали, что они не выйдуть изъ партера не выдавъ прѣбуемаго танца, и грозили все вверхъ дномъ посшавить. Какой поднялся визгъ отъ дамъ! Благодаря Бога, мы сидѣли въ ложѣ самаго Графа Перигора, слѣдовательно караулъ, стоящій обыкновенно въ ложѣ его, посшавилъ насъ въ безопасность отъ наглости раздраженнаго народа. Чѣмъ же кончился бунтъ? Вдругъ по повелѣнiю Графа вбѣжали въ партеръ человекъ съ пятнадцатью гренадеръ съ обнаженными палашами, и закричали, чшобъ въ одинъ моментъ все шли изъ партера, или рубить будуть. Тутъ-то сдѣлалась давка. Вся храбрая сволочь, которая за минушу предъ тѣмъ грозила шею поставить вверхъ ногами, бѣжала, сломя голову вонъ: одинъ давилъ другаго, и въ четверть часа все выбѣжали вонъ, чѣмъ дѣло и кончилось! Третьяго дня послѣ обѣда случились у насъ гости, и мы, заговорясь, опоздали нѣсколько, однако пошли въ комедию. Въ сѣняхъ нашли мы конспузiю, и встрѣтившіеся знакомые кричали женѣ моей, чшобъ

она воровилась, пошому что въ партеръ послѣ окончанія первой пьесы сдѣлался бунтъ, кошорой шеперь въ самомъ своемъ жару, и что пройши въ ложу опасно. Ты можешь себѣ представить, что она ноптчасъ воровилась. Я ее оппустилъ домой, а самъ не уперпѣлъ, чтобъ не пойти посмогрѣть, какъ Французы задоряшся. Пробравшись въ Перигорову ложу, увидѣлъ я сцену прекрасную. Партеръ шумѣлъ шакъ, что у сосѣда своего не могъ я ни о чемъ спросить: ибо, по причинѣ великаго шума, ни онъ не могъ слышать моихъ словъ, ни я его; но видѣлъ я, что гренадеры шащашъ много за воровъ въ тюрьму. Иные бѣгущъ вонъ и давшъ другъ друга; дамы все визжашъ по обыкновенію. Черезъ полчаса все упишилось, и въ партеръ оспалось человекъкъ десятика при; малая пьеса благополучно была начата и кончена. Въ сей день смяшеніе сдѣлалось вопъ опъ чего: Директоръ комедіи, видя на канунѣ, что бѣда была опъ пребыванія Англійскаго танца, хопѣлъ услужить партнеру, и велѣлъ уже вмѣсто балета танцовашъ Англійской танецъ. Партеръ возгордился сею услужливостію Директора, и закричалъ, чтобъ послѣ дали l'Allemande. Танцовщики все изголовились плясашъ, что велашъ, какъ вдругъ

приелано было повелѣніе отъ Графа Перигора ошнюдь не танцовашь Allemand и не пошворстшвовашь нахальству паршера. Услышавъ сіе, народъ осшервенился, и шупь - шо вбѣжали гренадеры и сдѣлалась полкошнѣя превеликая. Самыхъ задорныхъ сшали хвалашь за ворошъ и ошсылашъ въ городскую шюръму. Правда, чшо шупь и правой и виновашой одну чашу пили. Вчера былъ спекшакль, и новая была сцена, а именно: караулъ былъ упроенъ; но зачинщики смяшенія, не входя въ спекшакль, ошпанавливали идущихъ, и всякаго уговаривали и упрашивали не ходишъ въ спекшакль. Отъ сего произошло шо, чшо паршеръ былъ пустѣхонекъ и играли шолько для ложъ. Бѣдной Директоръ, прешерпѣвая отъ сего убышокъ превеликій, сказываюшъ, былъ сегодня у Графа Перигора, и со слезами просилъ его прекрашншъ сіе бѣдешвіе. Не знаю, чшо-шо будетъ сегодня. Я съ женою иду въ спекшакль, и какъ градоначальникъ здѣшній далъ намъ свою ложу, шо мы въ самой безопасности можемъ смопрѣншъ на все шо, чшо происходишъ будетъ.

НАУКИ.

Исторія.

I Начало человѣческаго образованія посредствомъ изобрѣтенія Механическихъ искусствъ.

(Отрывокъ изъ II части Шлецера Введенія въ Исторію).

Бѣдный, не обладающій еще умомъ, но имѣющій способности умственные, первобытный человѣкъ, долженъ сдѣлаться человѣкомъ искусственнымъ. Онъ можетъ сдѣлаться таковымъ по своей природѣ. Онъ долженъ сдѣлаться таковымъ сообразно съ цѣлю Создателя. Изъ живошной души его долженъ возникнуть духъ человѣческой, внутренней человѣкъ. Сей переходъ изъ одного состоянія въ другое будемъ мы называть образованіемъ. Человѣкъ, угнетенный благодыпельною нуждою, скоро находитъ средства обезопасить жизнь свою отъ холода и голода. Со временемъ желанія его умножаются, и онъ, недовольный удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, ищетъ удобности и наконецъ удовольствія.

Всѣ средства, коими онъ подвигается такимъ образомъ впередъ, предполагаютъ изобрѣтенныя искусства, и такъ являются при главныя раз-

ряда человѣческихъ изобрѣшеній — искусства *нужды, удобства и роскоши*. — Содрать кожу съ живописнаго, сдѣлать ее мягкой и прочною посредствомъ дубенія, оскоблишь, окрасишь и опорочишь ее — здѣсь видимъ мы при разряда искусствъ. Одно искусство возникаетъ изъ другаго или посредствомъ другаго, только часпо съ удивительною медленностію. Такъ прошекли спольшія прежде нежели стекло, давно извѣстное, начали употреблять на очки. Есть искусства, которыя предполагають почти безконечно длинную цѣпь искусствъ предшествовавшихъ: вышканный шелковый чулокъ есть, можетъ быть, самое кольцо въ такой цѣпи изобрѣшеній. Если бы въ предшествовавшихъ 99 недоспавало одного кольца, то сей чулокъ не явился бы въ такомъ видѣ, въ какомъ мы видимъ его теперь.

*

Исторія міра и рода человѣческаго не представляешь, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, ничего занимательнѣе и поучительнѣе изслѣдованій такого рода. Пробудитесь, юные читатели, отъ усыпленія, въ которое погрузило васъ безпечное воспиканіе. Съ холодноспію и равнодушіемъ смѣтрите вы на сѣр-

ную спичку, коею засвѣчаете огонь, на кусокъ хлѣба, на мѣльницу, даже на печатный листъ бумаги, планиглобій и 1000 другихъ вещей, коихъ шепереннее соспояніе на нашемъ свѣтѣ предполагаетъ почти непрерывное шеспвіе дѣятельнаго человѣческаго духа, отъ искусства до искусства, отъ изобрѣтенія до изобрѣтенія, въ продолженіи тысящельпій. На все это смотрите вы съ глупымъ безчувствіемъ пошому только, что видите это съ самаго младенчества, наслаждаетесь ежедневно благодѣянїями сихъ изобрѣтеній, и припомъ думаете, что такъ должно быть, и что такъ искони было.

Съ удовольствіемъ изучаю я Исторію знапныхъ фамилій и великихъ государствъ, — какъ онѣ начинались въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, и спеченіемъ разныхъ обспоятельствъ въ продолженіи времени достигали до позднѣйшей выспшы. Но Исторія моего кафана, моихъ карманныхъ часовъ, занимаетъ меня — по крайней мѣрѣ сполькоже.

Посмотри вокругъ себя — все, что ты видишь, все что окружаетъ тебя, все что соспавляетъ радость юной твоей жизни — есть искусство: домъ, въ кошоромъ ты живешь, всѣ ушвари,

въ немъ находящіяся, вся швоя одежда, почти все, чѣмъ швы ежедневно наслаждаешься. — Впрочемъ вещество на всѣ сии издѣлія доставляетъ природа: камень на строеніе, дерево и мешалды на утвари, звѣринныя кожи на перчатки и проч. — Вещества челошкѣ шворишь не можешь: споль далеко не простирается его шворческаая сила. По большей мѣрѣ можешь онъ шолько умножать и переселять оное изъ одной стороны въ другую. Но онъ можешь и долженъ преобразовать оное по своему произволу и фантази для своего употребленія, чрезъ уменьшеніе, прибавленіе и смѣшеніе. Онъ можешь, онъ долженъ дѣлать это для своего счастья. Ты самъ ешь искусство: швоя шонкаая кожа, швои выразительные глаза, вся швоя физиогномія, швоя благородная поступь, ешь прекрасное швореніе челошческаго искусства.

*

Всѣ искусства въ началѣ своемъ были грубы и очень не совершенны, шолько въ теченіи времени онъ усовершенствовались. Одинъ Геній сдѣлалъ первый шагъ, другой Геній воспользовался изобрѣтеніемъ своего предшественника для втораго изобрѣшенія. Такимъ образомъ произошла вышеупо-

мянушая длинная цѣпь, при взглядѣ на которую у мыслителя голова можетъ пойдти кругомъ. — Неизмѣримо разстояніе отъ корня, вырваннаго первыми людьми изъ земли для утоленія голода и сырьемъ проглоченнаго, до пашета съ пруделями, — отъ горсти воды, которую черпали они для утоленія жажды голою рукою въ источникъ, до пунша. Неизмѣримо разстояніе отъ кожи, которую они сдирали съ дохлаго живошнаго, и которую, въ крови еще, покрывали себѣ бедра, до мантіи Наполеоновой при его коронаціи. — Неизмѣримо отъ дубины, которую они опламывали себѣ отъ дерева для защиты, до Дамасскаго клинка. Неизмѣримо отъ хижины, которую плели себѣ изъ нагнушихъ въшивей отъ бури и дождя, до Таврическаго дворца въ Петербургѣ, и ш. д.

*

До сихъ поръ еще человѣческое образованіе не нераспространилось повсемѣстно, и имѣетъ слишкомъ различныя степени. Есть народы, которые знаютъ только 100 искусствъ и очень грубыхъ. Есть другіе, которые знаютъ тысячу и очень сложныхъ, тонкихъ. Отсюда происходитъ раздѣленіе всѣхъ извѣстныхъ нынѣ народовъ на три главныхъ разряда:

дикихъ, варваровъ и въ шѣсномъ значеніи образованныхъ народовъ. — Каждой разрядъ опять имѣеть свои подраздѣленія: многіе народы болѣе или менѣе дики, варвары и образованы. Представимъ себѣ лѣспницу образованія, и раздѣлимъ ее на 20 ступеней. Первобытный человекъ споймъ внизу на гладкой землѣ между живописными, и съ Евоого подъ руку поднимается на первую нижнюю ступень лѣспницы. Мало по малу, но до крайности медленно, вьнуки его взбирающа въше и въше, переступаютъ обыкновенно всѣ ступени, пока наконецъ добираются до 20-ой. Вотъ обстоятельнѣйшее описаніе сихъ трехъ родовъ людей.

1. *Дикихъ* есть еще милліоны на землѣ. Лишь только въ нашей Европѣ нѣтъ ни одного дикаго въ такомъ значеніи; впрочемъ сіи дикіе не суть люди первобытные, всѣ говорятъ и упражняются въ разныхъ ремеслахъ для поддержанія своей жизни. По степенямъ ихъ дикости и грубости мы помѣстимъ ихъ на 5 нижнихъ ступеняхъ. Всѣ живутъ въ нуждѣ, хотя и имѣютъ нѣкоторыя удовольствія. Страніе снискавъ себѣ пищу составляетъ ихъ главное занятіе, посему живутъ они въ общественной, но не въ шѣсной связи, ибо собственно — они только члѣ

праву ѣдятъ вмѣстѣ. Съ другими народами они имѣють рѣдко сношеніе. Разумѣется, здѣсь нечего думать объ томъ, чѣмъ они имѣли порядочное правленіе, чѣмъ умѣли писать и такъ далѣе. Если поставишь предъ ними зеркало, они убѣгутъ и закричатъ о колдовствѣ; впрочемъ по большой части они добрые люди и только случайно дѣлающае злыми: ибо дикихъ и одичалыхъ людей должно различать тщательнѣе.

II. *Варвары* составляютъ по крайней мѣрѣ цѣлую половину человѣческаго рода. Всякой не Европейецъ и не Христіанинъ, — подумай, какая честь для Христіанской Религіи, — есть варваръ, болѣе или менѣе: ибо степенями они еще различае между собою, нежели дикіе. По сему мы дадимъ имъ десять ступеней на лѣстницѣ, отъ 6-ой до 15-ой. Всѣ они имѣють правилельства, упражняющае во многихъ искусствахъ, не только для удовольстворенія главнѣйшихъ потребностей человѣческой жизни, но и для удобства, даже для нѣкотораго рода роскоши, которую мы однакоже называемъ варварскою роскошью. Они умѣють писать, ибо имѣють сношеніе съ другими народами. Впрочемъ не народъ умѣетъ писать, а только не многіе съ прудомъ пользуются симъ

Божеественнымъ искусствомъ. Всѣ народы, обитающіе въ прекрасной Азіи, находятся въ этомъ положеніи. Они знаютъ, цѣнятъ и употребляютъ изящныя издѣлія высокообразованныхъ народовъ, но не понимаютъ ихъ, еще меньше умѣютъ приготовить ихъ. Тангутскіе вельможи имѣютъ Англійскіе часы, но ежели часы испорчались, то они говорятъ, что часы умерли, и тогда должно позвать Европейца починить ихъ. Всеобщимъ признакомъ варварства въ народъ въ наше время можно принять неизвѣстныя почты и газеты. И такъ Турки не могутъ отказаться отъ сего шипла. Даже и Китайцы (по другимъ причинамъ) и Японцы, хотя у нихъ есть газеты и почты, и хотя имъ опасается только одинъ прыжокъ съ 15-ой ступени на 16-ю.

III. Собственно высоко-образованными людьми можемъ назваться только мы Европейцы въ Европѣ и внѣ Европы. Мы стоимъ на пяти послѣднихъ ступеняхъ высокой лѣстницы, и смотримъ опшуда съ сожалѣніемъ и гордостію на варваровъ и дикихъ. Разумѣется, что здѣсь образованіе не вездѣ бываетъ одинакое. Иныя, находящіяся на 16-ой ступени, граничатъ съ варварами, какъ на примѣръ Молдаване, хо-

ля они Христиане и умѣють дѣлать пуншъ.

Таковъ былъ искони ходъ человѣческаго образованія. Всѣ теперь образованные народы были прежде варварами, а съ начала дикими. Сколько разительнаго сходнаго имѣли Нѣмцы за 1800 лѣтъ предъ симъ съ нынѣшними Ирокезцами и Гуроами.

Но кончилось ли человѣческое образованіе? Не можетъ ли оно возходить выше? Не льзя ли представить себѣ 21,22-ой ступени? — Разумѣется можно. Дѣятельный духъ человѣческій не терпитъ покоя. — Не должно ли также бояться упадка? Нѣтъ! всеобщаго упадка не можетъ произвести никакой пошопъ, никакое переселеніе народовъ, никакой Аттила, никакой Чингисханъ.

*

И такъ подъ нынѣшнимъ человѣческимъ образованіемъ должно разумѣть собраніе всѣхъ искусствъ, коими обладають жители Европы. Но ни одинъ Технологъ не подумалъ составить полного списка всѣхъ сихъ искусствъ. Количество ихъ такъ велико, какъ различно качество. Какое совершенство, красота, сообразность съ цѣлю въ нашихъ искусственныхъ произведеніяхъ! — Не менѣе удивительна и легкость, съ которою мы сообщаемъ имъ сіи качества, въ срав-

неніи съ неповоропливостію и неловкостію, съ коими варвары и дикіе занимающся необходимыми для нихъ искусствами. Сіе пеперещнее совершенство есть произведеніе тысячелѣтій. Каждое искусство въ младенчествѣ міра было грубо. — Каждое искусство Геніи подвигали посредствомъ изобрѣненій и улучшеній. Такимъ образомъ произошла сія длинная цѣпь, коей всѣ кольца желалъ бы я узнать порознь, напримѣръ опъ коры или кожи, копорую подвязалъ себѣ подъ подошву какой нибудь дикарь на каменистой почвѣ, до дамскаго башмачка, копорый выходилъ изъ рукъ башмачнаго аршина въ Лондонѣ, Парижѣ, Москвѣ. Другими словами, я желалъ бы чинать полную Исторію извѣстныхъ искусствъ, съ показаніемъ всѣхъ среднихъ членовъ и ступеней, чрезъ кои онѣ переходили.

Но мое желаніе напрасно и любопытству моему удовлетворить не лзя. Ни одна лѣтопись, разумѣется, не представляетъ намъ извѣстій о первомъ началѣ человѣческихъ искусствъ, кои древнѣе всѣхъ лѣтописей. Но и въ позднѣйшія времена, когда уже была Исторія, лѣтописатели по глупости своей не замѣчали, когда и какъ было изобрѣтаемо или значительно улучшаемо какое либо искусство. Такимъ образомъ

позабылись неблагодарными попомками имена важнѣйшихъ изобрѣшашелей. Нечего говорить о глуносняхъ древнихъ Исшориковъ. Греки и Египтяне называютъ богами и богинями шѣхъ людей, кои вводили искусства. Кишайцы приписываютъ сѣя подвиги своимъ царямъ, но искусства были прежде царей. Другіе думаютъ, что люди выучились многимъ искусствамъ, опѣ животиныхъ, пряденію и тканию у паука, спроенію у бобра, кровопусканію и класперамъ, не знаю у кого-то. Мы проложимъ двѣ дороги, пояснѣе, чтообъ понаше на слѣды продолжительныхъ и медленныхъ челошеческихъ изобрѣшеній: вопервыхъ, руководствуясь здравымъ смысломъ по природѣ вещей; вовшорыхъ, изслѣдуя, въ какомъ грубомъ состояніи находились и теперь опчасши находящая сѣя искусства у дикихъ.

*

Вопшъ образецъ въ первомъ родѣ.

Какъ изобрѣшено было пряденіе?

Въ царешвахъ животиныхъ и прозабаемыхъ есть шонкія, коропкія волокны (въ первомъ шерсть и шелкъ, во вшоромъ хлопчатая бумага, ленъ и конопля), кои ссучивая, въ чемъ состоянше сущность пряденія, можно сложнше шакъ, что изъ нихъ составншея шолшная и длинная нить. Такія волокны во льну и

жонюплѣ закрышы верхнею кожицею, и человекъ не могъ видѣшь ихъ до шѣхъ поръ, пока случайно не нашелъ согнившаго распенія; а послѣ пошребно еще было много искуссва для того, чшобъ сняшь съ сихъ полезныхъ волоконъ кожицу, покрывающую ихъ снаружи, чшобъ освободить ошъ деревянистаго веще-сва, находящагося во внутренности, и сердцевины. По этому вѣроятно, что сперва начали прясшь не лень. Гораздо легче шерсть могла подать поводъ къ сему изобрѣшенію. Положимъ, что люди вели, уже жизнь пастушескую, имѣли домашнихъ живонѣхъ, и въ числѣ ихъ овецъ. — Ребенокъ игралъ съ своимъ ягненкомъ, вырвалъ у него клокъ шерсти, скапывалъ между пальцами (сучилъ); — и вошь явилась нишь! — Тоже должно сказать и о хлопчатой бумагѣ; — но гораздо шруднѣе для меня понять, какимъ образомъ въ восточной Азіи такъ рано люди начали прясшь паупину шелковыхъ червей.

Скучно было сучить голою рукою, и въ послѣдствіи изобрѣшена была пряслица. Пряслица относится къ древнѣйшимъ временамъ: еще Парки употребляли ее въ Греческой Миеологіи. Тысячи лѣтъ употреблялась эша пряслица и еще теперь употребляется. Кто повѣритъ, что гораздо удобнѣйшая.

Самопрядка (колесо, которое приводится въ движеніе ногою) изобрѣшена шолько въ 1550 году. Изобрѣль ее, по вѣроянному сказанію, Нѣмецъ, по имени Юргенсъ, въ Вапенмишпелъ, деревнѣ на 2 часа ѣзды отъ Брауншвейга. Важное изобрѣшеніе его разпространилось вскорѣ по Германіи, и послѣ по всей образованной Европѣ. Изобрѣтатель остался, какъ обыкновенно, безъ награды. Между тѣмъ онъ оказалъ дѣйствительнѣйшую, прочнѣйшую и ближайшую услугу для людской промышленности, нежели когда бы онъ. . . . Вотъ еслибъ мы въ доказательство, что начинаемъ быть благодарными и любимъ опечесство, обнародовали воззваніе, дабы на всякую самопрядку наложена была пошлина по грошу, и полпомъ на эти деньги купили помѣстье для оставшихся вѣрно наследниковъ изобрѣтателя, и назвали оное въ честь его Юргенс-ере.

*

Близко отъ пряденія или ссучиванія есть еще другое искусство ухлопнать такія тонкія короткія волокна, о коихъ сказано выше, (преимущественно шерсть и волосы), чрезъ одно стнешаніе (попнаніе уваливаніе руками, уколачиваніе). Это называется валянь или войлочить, — искусство

нашихъ шляпниковъ. Получивъ же посредствомъ пряденія длинныя ниши, легче уже было изобрести искусство *ткать*. Положили извѣстное число сихъ волоконъ вдоль (основа), одну послѣ другой, — потомъ равное число попереть (ушокъ), — перецлели ихъ между собою, и явилась связная поверхность, въ коей ниши взаимно себя поддерживали. Можешь быть прежде плели пакъ изъ сипнику, ивы или соломы, чѣмъ изъ выпряденныхъ нишокъ, и слѣдовательно корзины и соломенныя шляпы древнѣе шканья. — Ошъ шканья рукою перешли послѣ къ шкацкому спану. Нынѣшній Европейскій шкацкій спанъ есть высокое, изъ многихъ частей составленное, искусственное произведение. Индѣйцы до сихъ поръ шкутъ еще на такихъ несовершенныхъ станахъ, какіе употреблялись слишкомъ за 2500 лѣтъ. Они пригопавливаютъ великолѣпныя шкани (прекрасныя, дешевыя, кои привозятся и въ наши страны); но работа ихъ идетъ очень медленно.

До *шитья* ошъ пряденія и шканія еще очень далеко; чшобъ ошрѣзать ножницами и спишь иголкою должно было прежде обработать желѣзо. Впрочемъ древнѣйшими иголками были, какъ шеперь у дикихъ, рыбы кости, иглы (животныя спицы), ошпрыя каменья.

нитками у Гренланцовъ служатъ кишки и другихъ морскихъ живошныхъ; у другихъ дикихъ сухія жилы.

Искусство плести могло бытъ изобрѣшено до пряденія и шканія, вмѣстѣ съ онымъ или вскорѣ послѣ онаго. Люди, случайно занесенные или на морской или рѣчной берегъ, должны были ловить рыбу для того, чтобы избѣгнуть отъ голодной смерти. Дикіе ловятъ рыбу руками, удрятъ на рыбьи или другія оспрыя кости; кузова служатъ неводами. Все это идетъ медленно: и такъ изобрѣшены были сѣти, которыя у дикихъ плетутся изъ лыкъ, у Гренландцевъ изъ кишковыхъ усомъ, или изъ звѣриныхъ жилъ.

Отъ искусства плести весьма отличается гораздо высшее искусство *вязать*, какъ мы оное шеперь называемъ: оно такъ мудро и замысловато, что я не полагаюсь на себя, буду ли я въ состояніи дать тебѣ ясное понятіе даже о томъ только, какъ могъ гений, руководимый размышленіемъ или случаемъ, напасть на сіе изобрѣшеніе; ты удивишься, услышавъ, что сіе искусство не старше 300 лѣтъ.

Время сего изобрѣшенія не опредѣлено съ точностію; доказано толь-

ко, что прежде 1500 года небыло никакого слѣда онаго. Даже имя изобрѣтателя пошеряно, не знаятъ даже именно страны, въ коей начали вязать. Англія, Шотландія, Франція, Италія и Испанія спорятъ между собою о чести сего изобрѣшенія; оно послѣдовало вскорѣ за перемѣною въ ножной одеждѣ, и было очень кшани. А именно прежде носили родъ исподняго плащя изъ холстины, которымъ цѣльнымъ закрывались бедра, ляжки и нижнія части ноги. Въ это время начали дѣлать исподнее платье на двѣ части, шпаны и чулки (опшуда Французское слово *les bas*, нижняя часть). Послѣднія были также изъ холстины, и только новѣйшее искусство доставило чулки, удобнѣйшія несравненно, которые подобно упругимъ пѣламъ растягиваются и опять стягиваются. Вскорѣ спали дѣлавать также и колпаки. Долго сямъ искусствомъ занимались одни мужчины, (которые въ Парижѣ назывались *maîtres bonnetiers au tricot*, и въ 1527 году получили право сославивъ особливую гильдію). Съ сихъ поръ въ продолженіи всего 16го столѣтія Лѣтописатели тщателью замѣчаютъ, когда и въ какіе праздники Короли Французскіе и Англійскіе надѣвали шелковые чулки. Въ Германіи чулошники явились около 1500 г.

и назывались вязальщиками исподнихъ плащей; слѣдовательно и здѣсь вязали мушны. Но рано перешло сіе искусство въ женскія руки; и въ 1577 году уже было оно во всеобщемъ употребленіи въ Англіи, даже по деревнямъ.

Теперь шолько, когда большая и лучшая половина рода человѣческаго овладѣла симъ искусствомъ, и чрезъ него разпространился кругъ своей дѣятельности, теперь шолько, переспавши бышь мужескимъ руководѣемъ, возвысилось оно до степени благодѣтельнаѣйшаго между изобрѣшеніями человѣческаго генія. Не смѣйлесь вы, проворныя вязен, чню я говорю съ нѣкоторымъ воспоргомъ о вашемъ дѣлѣ, кошорое никогда не казалось вамъ важнымъ; сіе искусство имѣеть такія свойства, и производишь такія дѣйсвія, какія можно найдши вмѣстѣ едва ли при одномъ изъ тысячи. Выучилсья ему легко; а изобрѣспи его могъ шолько божеспвенный геній. Теперь вяжущъ всѣ, — я видалъ шрехлѣшнихъ дѣшей за чулкомъ; (вязашъ свѣшью для дѣшей шруднѣе). Это не работа, а при нѣкоторой опышности препровожденіе времени; между шѣмъ сіе препровожденіе времени полезно и доспавляетъ прибыль, хошя и небольшую. Работа не мѣщаетъ разговору

въ обществѣхъ, и позволяешь обращать вниманіе совершенно на другіе предметы; Нѣмецкія дамы вяжутъ очень скоро, и между шѣмъ чипають съ благоговѣніемъ Ринальдо Ринальдини. И на оборотъ, это искусство помогаетъ иногда скрывать наше вниманіе, гдѣ нужно: если какойнибудь повѣса нашептываетъ молодой вязальщицѣ двусмысленности, которой она должна пропустить мимо ушей, то она тотчасъ опускаетъ глаза къ иголкамъ, и ищетъ внимательно опущенной пепли.

Работу можно прервать безъ вреда, и безъ труда начать снова. Снадобье для него очень дешево, и можетъ быть переносимо съ мѣста на мѣсто въ риди-кюль. Во всѣхъ положеніяхъ можно легко заниматься вязаньемъ, сидя, стоя, ходя, лежа. Оно не вредитъ здоровью, — не вѣрь истерическимъ лѣнивицамъ, будто вязанье ослабляетъ нервы, — оно не пребудетъ никакого напряженія лица, никакого непріятнаго или невыгоднаго положенія.

Наконецъ вязаніе принадлежитъ къ числу немногихъ полезныхъ занятій, кои можно продолжать въ глубокой старости, пока не потеряешь употребленія рукъ. — Слѣпцы даже вяжутъ, и я знаю слѣпую, которая даже слѣплыми вяжетъ. Назови же мнѣ, повѣрляю,

одно искусство, которое имѣло бы всѣ сіи свойства, и производило всѣ сіи дѣйствія.

До какихъ мѣстъ на свѣтѣ разпространено сіе искусство, я не знаю, — надѣюсь, что по всей Европѣ. Быть можетъ, оно прекращается тамъ, гдѣ нѣтъ почвы и вѣдомостей, и гдѣ начинается варварство.

Но лишь только вязальная игла попала въ женскія руки, гдѣ только она и могла сдѣлать добро, описанное нами, какъ и подверглась опасности: ее вырвали почти изъ эпическихъ рукъ изобрѣщеніемъ чулочнаго станка. Я не могу удержаться, чтобы не рассказать тебѣ еще въ короткихъ словахъ почти романическую Испорію этого удивительнаго изобрѣщенія: одинъ ученый говорилъ мнѣ, что военный корабль съ 100 пушками и чулочной станомъ почилаетъ высочайшими произведеніями человѣческаго духа.

Вязанье идетъ медленно: опытная вязальщица въ 8 дней свяжетъ пару тонкихъ чулокъ; если она кормится этою работою, то выработаетъ едва 6 грошей въ день. Послушай же, что говоришь преданіе — жаль, если оно несправедливо. — Англичанинъ, по нме-

ни William Lee (чип. Вильямъ Ли) хозяинъ маленькаго помѣстья, Кембриджскій Магистръ, слѣдовательно ученый (Математикъ) волочился за одною согражданкою, которую всегда во время своихъ посѣщеній заставлялъ вязаньемъ. — Мало ли обращала она вниманія, сидя за эшимъ дѣломъ, на его предложенія, по другой ли причинѣ, только она подала ему поводъ подумать о машинѣ, которою бы облегчилось и ускорилось вязанье; онъ хотѣлъ, видно, выиграть себѣ и своей любезной больше времени для разговоровъ. Словомъ онъ изобрѣлъ въ 1589 г. чулочный станъ, который сполько опличается отъ ткацкаго стана, сколько искусство дѣлать свити отъ вязанья, — машина, споль искусственно устроенная, производящая споль чудесныя дѣйствія, что для одного уразумѣнія оной потребны глубокия математическія познанія. Она почти вся изъ жельза, и состоитъ слишкомъ изъ 2000 частей. Работникъ, сидящій за симъ станомъ, — обыкновенный человекъ, не имѣющій нималѣйшей мысли о сей чудесной машинѣ, — дѣлаетъ, безъ большой поропливости, безъ всякаго труда, почти въ минушу вдругъ по 100 пешель. Сие изобрѣненіе перешло рано во Францію и Венецію. Еще до 1659 го-

да составила въ Лондонѣ особенная гильдія чулошниковъ. Однако къ счастью образованнаго человѣчества, вязальная игла не совсѣмъ опняна была у женщинъ.

*

Вопшъ образчикъ, какъ *размышленіемъ* можно допытываться до происхожденія искусствъ, — напасшь на слѣды ихъ постепеннаго совершенствованія. Отъ времени первобытнаго міра мы нисходили до временъ новѣйшихъ, освѣщая пошько иногда свой путь лучами Испоріи (изъ Бекмановой Испоріи изобрѣшеній). Поспавленной на эпоху дорогъ, напряги пещерь свои умспвенныя способности, и подумай объ другихъ изобрѣшеніяхъ. Изслѣлуй сперва шъ, кои имѣють отношеніе къ искусствамъ, описаннымъ нами, и однако же опличающя опъ оныхъ; на пр. обыкновенная пряслица для шерсти (менѣ искуспвенная, чѣмъ прямое колесо, приводимое въ движеніе ногою), плещенъ кружева коклюшками, (изобрѣшенное Варварою Ушманъ въ Аннабергъ, въ Мейссенскихъ рудныхъ горахъ, около 1560 г.). — Потомъ обратись къ другимъ, и подумай, какимъ образомъ произошло необходимое одѣяніе, спроеніе, морещаваніе (опъ плота и выдолбленія

лодки до военного корабля), искусства защищаться опъ живопныхъ, и живопныхъ людей. Разсужденія о печеніи хлѣба, о вареніи пива, мыла, о дѣланіи иглъ, я не хочу опъ лебѣ пребовашъ. Сія изобрѣшенія слишкомъ искусственны; нужно имѣть множеспво познаній, чпобъ доискашъся до многихъ спупеней, чрезъ кои онѣ постепенно достигли до нынѣшняго совершенства. Впрочемъ всякое размышленіе о сихъ предметахъ, даже неудачное, опкроешъ шебъ новыи міръ идей, доставишъ величайшее удовольспвіе.

Окончаніе въ слѣд. номерѣ.

К Р И Т И К А.

Русскія Книги,

Карелія,

или заточеңіе Марѣи Іоанновны Романовой. Описательное стихотвореніе, въ четырехъ гастяхъ, Федора Глицки. СПБ. у издателя, книгопродавца Непейцына. Въ осьмушку. VIII и 112 с.

Имена: *Поэзія* и *Поэтъ* давно уже потеряли свое первоначальное и коренное значеніе. На Литтературныхъ торжищахъ еще держится пока слухъ, что онѣ въ старину означали и должны были означать кое-что въ родѣ *творенія*: но сіе *твореніе* у нашихъ Поэтовъ рѣдко проспирася далѣе искусства заощряшь рифмою, мѣрные ряды стройно подобранныхъ звуковъ. Топъ и слыветъ шеперь Поэтомъ, што умѣетъ приголубливать ухо такъ, что оно не запнѣтся ни объ одно шероховатое слово. Мысли считающіяся обыкновенно дѣломъ постороннимъ, или даже совсѣмъ лишнимъ для Поэзіи. Ихъ старающа кое-какъ уложитъ въ рифмованныя строчки, безъ помѣхи стиху и рифмѣ, не опасаясь измятъ и изуродовашъ; либо вовсе даже опускають — для легкости и сокращенія.

Тѣмъ пріятнѣе шеперь для насъ встрѣшимъ *стихотвореніе*, которос не естъ просто *стихотвореніе*,

Мы говоримъ о *Карелии*. Это есть произведеніе поэта, умѣвшаго спасти себя въ настоящую минуту поэпическаго гаерства, для истиннаго служенія Музамъ. Поэзія Ѳ. Н. Глинки была всегда порожественнымъ ошзывомъ души, воспитывающей въ себѣ жизнь истинно поэпическую. Отсюда всѣ мѣлкія стихотворенія, коими онъ доселѣ дарилъ насъ, были не что иное, какъ искры, отбрасываемыя горящей фантазіей, въ минуты поэпическаго раскаленія. Онѣ сверкають огнемъ — опаляющимъ и согрѣвающимъ. И то, что въ нихъ дробилось и разсѣивалось, представляется намъ теперь соединеннымъ въ одну цѣльную глыбу — *Карелией*!

Мы называемъ *Карелию* — глыбою; ибо не можемъ не сознаваться, что сіе произведеніе не имѣетъ органической цѣлости. Странная мысль — внести въ описательное стихотвореніе эпическое единство — совершенно не выдержана Поэтомъ: и посему строеніе *Карелии* удивительно какъ не удачно. *Марья Іоанновна Романова*, коей имя дано поэмѣ, есть не что иное, какъ поэпическій призракъ: она не имѣетъ ни лица, ни характера, ни языка, ни движенія. Эта *Карелия* есть для ней — настоящее *затогеніе*, въ коемъ ей не позволено пошевелиться; и лице ея столькоже неуспѣшно во всей поэмѣ, сколько имя ея въ семь странномъ стихѣ, порчащемъ уродливо въ *Карелии*:

И Марейъ Иоанновъ пришлось у насъ съ кру-
чины (8) . . .

въ коемъ самая снисходительная просодія не най-
дешь своихъ счетовъ. Не менѣе ничтожны въ эпиче-
скомъ отношеніи лица Никанора, Маши и даже
самого таинственнаго Монаха, коими и ограни-
чивается все *людство* Поэмы. Сія послѣдніе имѣ-
ють однако то преимущество предъ *Марею Ио-*
анновю, что имѣють даръ слова, въ кошоромъ
Поэту заблагоразсудилось совсѣмъ отказать глав-
ной героинѣ. Вся поэма состоитъ большею час-
тію изъ ихъ рѣчей, но и между сими рѣчами
нѣтъ ни шѣни драматическаго единства, — нѣтъ
даже діалогической связи. Одинъ начинаешь гово-
рить послѣ другаго, безъ всякой естественной
послѣдовательности; и Поэтъ не позаботился да-
же наполнить паузы искусственными риторичес-
кими переходами. Такъ *Никаноръ*, начавъ раска-
зывать исторію таинственнаго *Монаха* и раз-
говорившись, вдругъ перерываетъ *самоохотно*
свой рассказъ, чтобы дать случай поговорить
самоу ему:

Они видались и изъ словъ . . .

Она ужъ много разумѣеть

О томъ, что мило небесамъ,

А что? — *Онъ* перескажешь самъ :

И говоритъ *онъ* : „съ ней, прекрасной,

Мнѣ не страшна была гроза (12).

Не скажемъ ни слова уже о невѣрности костюма;

не имѣющаго ни малѣйшей сообразности ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ обстоятельствомъ, въ которыхъ вставлена поема. Слышанъ Карельскаго крестьянина, толкующаго о *прекрасныхъ мѣстахъ, о тайныхъ желаньяхъ* (12), о *вѣтрѣ Іеминъ счастливой* (11), или Карельскую поселянку, подшучивающую индсказательно надъ людскими уловками

Жеманства, чванства, хвасповства,
Двусмыслія въ полунамѣкахъ,

Пришворства, лжи и удалства (57) — полно можно ли и нынѣ, спустя два вѣка послѣ блаженной памяти Царицы - Иокини? . . . Присовокупимъ неровность языка, еще не освоеннаго вполне талантомъ поэта — въ космическій ни одной ширады, гдѣ бы слухъ, посреди очарованія, не спотыкался внезапно или о вялый стихъ или о прозаическое выраженіе. Все это засмущиваетъ насъ сознаваться, что *Карелія*, въ отношеніи къ поэтической формѣ, есть произведеніе, неудачно состроенное, выполненное и опдѣланное.

Но за то — какъ богато выкупаются всѣ сіи наружные недоспашки яркимъ блескомъ внутренняго, истинно поэтическаго содержанія? *Карелія*, какъ *описательная* поема, имѣетъ достоинство высокое, оригинальное, образцовое. Она изображаетъ суровую сѣверную природу во всемъ ея дикомъ и грозномъ величіи.

Пуста въ Карель сшороца,
 Безмольны Сьвера поляны:
 Въ шиши ночной, какъ великаны,
 Возставъ озеръ своихъ со дна,
 Въ выси рисующа обломки —
 Чумь уцѣльвшіе пощомки
 Былыхъ, первоначальныхъ горъ (1).

.
 Ночное небо

Вдругъ разгорится все въ лучахъ —
 Зажжешся сьверъ и пылаешъ:
 Огни, шо въ пламенныхъ шолцахъ,
 То колосисшыми снопами,
 Или кудрявыми дугами,
 Яешъ въ хладной высотѣ,
 Выходяшъ, строяшся рядами,
 Какъ рати, въ грозной красотѣ. . .
 Ночную даль пожаръ узорить,
 И золото съ румянцемъ спорить
 Въ выси и въ зеркалѣ озеръ:
 Все пышно: край небесъ обвѣшенъ
 Парчей и шканьми, какъ шашеръ (2).

.

 По сушѣ плыли наши челны:
 Подъ нами сплалась небеса
 И опрокинулись въ волны
 Уединенные лѣса.

Спокойно все на влагѣ свѣтлой,

Была окрестность въ тишинѣ
 И ясно на глубокомъ днѣ,
 Песокъ видѣлся разноцвѣтной,
 И, за грядою сѣрыхъ скалъ,
 Прибрежныхъ нивъ желѣло зласто,
 И съ сѣнокосовъ ароматомъ
 Я въ лѣшней роскоши дышала,
 Но что нибудь шумить? (40)

.
 „Кивачъ! Кивачъ! Ошевѣстивуй ты ли?“
 И выслалъ бурю онъ въ ошевѣтъ! . .
 Кипя надъ чешырьмя скалами,
 Онъ не съ запамятныхъ нами лѣтъ,
 Могучій исполинъ, валами
 Кашишь жемчугъ и серебро.
 Когдажъ въ хрустальное ребро
 Пронзаясь, горными лучами,
 Чудесной радуги цвѣты
 Его опушаютъ, какъ лѣнты;
 Его зубристые хребты
 Блещутъ — пустыни монументы.
 Таковъ Кивигъ, таковъ онъ днемъ!
 Но, подъ зарю лѣшней ночи,
 Вдвойнѣ любующся имъ очи:
 Какъ будто хочешь небо въ немъ
 На штычи небесъ дробиться,
 Чтобъ послѣ снова цѣлымъ слиться
 Въ визу, на зеркаль рѣки! (41, 42).

Каковы краски! Кисть! . . . Но фантазія поэта не скользитъ по однимъ бѣлоснѣжнымъ раменамъ полночнаго хладнаго міра. Она слѣдитъ орлинымъ окомъ жизнь, которая въ немъ засыхаетъ и — засыхнуть не можетъ. Величественныя, грозныя явленія суть для ней священные гіероглифы, въ коихъ она изучается сокровеннымъ шайнамъ бытія.

. Тушь сбывалось
 Великое! . . . Но ктожь умѣлъ,
 Ктожь могъ сказать, когда шо стало? . .
 Вездѣ примѣты и слѣды
 И видъ претѣны чрезвычайной (37).

.
 . . . Сѣверь нѣкогда пицаль,
 За швердью нѣкоей площади,
 Запасы водъ, доколь насталь
 Преображенья часъ! — И длинный,
 Кипучій, грозный, мощный валь
 Сразился съ древними горами;
 Наземный черепъ расперзалъ
 И спали щели — озерами
Ихъ общій вѣтъ, продолмый видъ
Внушалъ мнѣ это заключенье,
 Но шокъ, сорвавшись все кипишь;
 Забывъ бывое започенье,
 Бѣжишь и съмлешь все луны
 И еслибъ изъ страшнаго набѣга
 Явилось — зеркало страны
 Новорожденная Олѣга! (38)

Такъ должно Поэзіи живописатьъ для насъ природу! Не исчисляй она намъ всѣхъ наружныхъ примѣнь ея, до малѣйшаго родимаго пяднышка! это можемъ мы сисказать въ журналъ всякаго смѣшливаго путешественника. Но — наведи насъ на внутреннѣйшій смыслъ, ею содержимый: тогда мы будемъ внимать ей, какъ языку боговъ, повѣдающихъ намъ свои дивныя чудеса! . . . Хладъ, окувывающій Сѣверную природу, не заспудилъ въ насъ поэтѣ и теплоты чувства.

И жизнь молчишь и по горамъ
Вѣдна Карельская береза;
И въ самомъ Маѣ, по утрамъ,
Блещаетъ серебро мороза
Мертвѣешь долго все. . . Но вдругъ
Проснулось здѣсь и шамъ движенье.

.
И въ испинѣ дикихъ сихъ лѣсовъ
Живуть малиновки семьями:
Въ пиши безмѣрныхъ вечерахъ
Луга и боръ и дигъ бугровъ
Полны кругомъ ихъ голосами
Поюшь. . . Поюшь. . . Поюшь онѣ,
И только съ утромъ умолкаюшь,
Знашь въ пѣснѣ высказать желаюшь,
Что въ теплой видѣли спранѣ,
Гдѣ часто провожали зимы;
Или предчувствіемъ помини

Что скоро изъ лѣсовъ густыхъ,
 Дохнешь, какъ смерть, неоправимый,
 Отъ Бѣломорскихъ странъ лусскихъ,
 Губитель роскоши и цвѣта,
 Онъ въ мигъ, какъ недугъ, все сожжешь,
 И часто въ самой нѣгѣ лѣта

Природа смолкнешь и замрешь! (9, 10).

Дай Богъ побольше такихъ чувствъ нашимъ стихо-
 рифмо-дѣтелямъ!

Еще возвышеннѣе является Поэтъ въ *четвертой части* своей Поэмы, гдѣ онъ, языкомъ вдохновенія, изображаетъ уже не природу внѣшнюю, но — внутреннюю души человѣческой, свергающей съ себя хладный черепъ земной полночной жизни. Сія часть есть шоржество Поэта, умѣвшаго объять однимъ взглядомъ оба полюса бытія, міръ физическій и нравственный, и поставивъ ихъ рядомъ другъ подле друга, въ одной поэтической галлерей. Душа наша имѣетъ свой сѣверъ — мрачный, суровый, дикій — и между тѣмъ — полный дивными высокими шайнштвами. То состояніе ея, когда она застывъ для бурныхъ страстей и кипящихъ желаній, живетъ однимъ только святымъ негодованиемъ на шягошляція оковы и съ неупомимымъ неперпѣніемъ порываешь къ блаженству вѣчной весны, издалека вѣющей на нее сладкою теплотой и небеснымъ благовоиеніемъ — не естли *Карелія* міра духовнаго! И таково шочно было состояніе святаго ошшельника, ко-

его одушевленные рѣчи подслушаны и списаны
нашимъ Позшомъ! . .

. Бурю думъ

Онъ , безъ порядка , безъ искусства ,
Порой младенческія чувствва ,
Съ любовью дѣшекой выражалъ ;
Ему все , что-то какъ мечталось ,
Онъ видѣлъ ! Богъ свой судъ держалъ —
И все земное распадалось . . .

Такъ , подъ защипой горнихъ силъ ,
Являясь въ грѣшный міръ пророки ;
Или вѣщанія Сивиллъ.

Про тайны , времена и сроки . . .

Вопъ : озирается кругомъ —

И , мнишися , видяиъ онъ народы

И рдѣющій надъ ними громъ ;

И слышишь стонъ больной природы

Въ словахъ — душа ; въ душѣ пожаръ

Кипишь . . . Хладѣешь . . . видишь шаръ ,

Какъ міръ , на волось повѣщенъ

Надъ самымъ именьемъ земли :

Падешь — и въ прахъ ! Ужь жребій возвѣщенъ !

Они прошли ! Они легли :

Исплѣли сонмы поколѣній. (64 , 65).

Въ устахъ дивнаго шарца , возшедшаго споль вы-
соко и видящаго споль ясно , какъ понятны сія
высокія рѣчи :

Гремишь на ясномъ небѣ громъ ,

И хлынулъ въ міръ развращъ , какъ воды ,

И, мнишися, воздухъ спалъ грѣхомъ! . .
 Почто смущаются народы?
 Искать блаженства гдѣ? и въ чемъ?
 Повсюду пламеннымъ мечемъ
 Съчешь обиженная совѣсть
 И плѣюшь за живо сердца:
 Ни въ чемъ желаннаго конца!
 Все недосказанная повѣсть. . . (66)

или:

Я на себѣ не слышала шѣла!
 Я спала легкомъ, зѣренъ самъ —
 И, полный дивнаго покою,
 Сдавалось мнѣ, тогда рукою,
 Я могъ коснуться небесамъ. . .
 Увы! отъ жизненной работы
 Мнѣ труденъ спалъ наземной пушью!
 И отъ докучливой заботы
 Болѣя наболѣла грудь;
 Напойтежъ пѣсень мнѣ священи,
 Жильцы безгорестной пини!
 Я буду ихъ въ земной пустынь
 Беречь, какъ счастье души! . . (69, 70).

или:

Судишься, злобствуйте: но время
 Ужь доплещаетъ свой вѣнецъ!
 И скоро шреснетъ гробъ и бремя
 Съ могилы сбросить прочь мертвецъ
 И, страхомъ оживленный, вспрянешь!
 Онъ придетъ — прореченный часъ,

И солнце ярко въ полночь вспанеть,
Безвѣстныхъ птицъ прочтятся гласъ:

И, двигнувшись, растаютъ горы;

И оппахнется вѣхъ вѣкъ!

И жалостно пошупишь взоры

Предъ Судією челоуѣкъ! . . (79).

Не есть ли это переводъ на челоуѣчскій языкъ
таинственнаго языка природы — дикой и грозной —

Подъ шумной Кивача стреминкой,

Въ спранѣ лѣсной, въ глуши пустынной (64)?

Не смотря на сію выпренность мыслей и глу-
бину чувства, дающую *Карелии* полное право на
первоклассное мѣсто въ нашей обильной вакансіями
словесности — мы не объщаемъ ей однако блестящаго успѣха и паркетной *знаменитости*. Она
сіяетъ истинно поэтическимъ свѣтомъ: но,
скажемъ словами самого творца ея, —

Но . . . для кого сей блескъ утѣшенъ?

Въ *глуши* настоящаго *безлюдья* — край чистой,
святой, небесной красоты, ею вскрываемый,

Сей край . . . порадуешь кого? . . .

— ж —

НВ. Книгопродавецъ Непейцынъ за прекра-
сное изданіе заслуживаетъ полную благодарность,
а коррекшоръ — укоризну.

Иностранная литература.

Hoved-Beretning, etc. — Отчетъ въ трудахъ Общества для древнихъ письменныхъ памятниковъ Сѣвера въ продолженіи 1825, 1826 и 1827 г. (Копенгагенъ).

. . . . Саги писаны прозой; довольно часто и стихи вмѣшиваются среди разсказа. Сага значить, то что говорятъ, что разсказываютъ; это эпосъ Грековъ, *fabula* Латинцевъ, взятыя въ ихъ первоначальномъ значеніи, когда ими не выражалось понятіе объ изобрѣшеніи, о вымыслѣ, но только о простомъ разсказѣ, о преданіи того, что случилось. Отъ Исторіи отличается Сага отсутствіемъ Кристики, а отъ Романа вѣрностію содержанія; впрочемъ, если она не всегда о случившемся толкуешь, то по крайней мѣрѣ о томъ, чему вѣрили разсказчики, а это ужѣ есть Исторія. Если происшествія, о которыхъ говорятъ они, не содержатъ ничего невѣроятнаго, если они были ихъ свидѣтелями, то можно имѣть къ нимъ полную довѣренность; даже если происшествія относятся къ слишкомъ отдаленному отъ нихъ времени, то и тогда остается сколько вѣрнаго въ сущности преданія, которое не произвольно изобрѣшено и не искусственно измѣнено.

Сага есть дебютъ Исторіи; это переходъ отъ Поэзіи къ Прозѣ. Для древнѣйшей Греціи и странъ, бывшихъ ей извѣстными, мы имѣемъ дра-

гоцѣнное собраніе Сагъ въ книгѣ Геродоша, который начинаешь почти все свои сказанія словомъ: *говорятъ*.

Первыя книги Тиса-Ливія суть саги измененныя и украшенныя превосходнымъ слогомъ. Ихъ нельзя теперь принимать въ прямомъ смыслѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ нихъ не было ничего вѣрнаго; ибо сага, и подъ покровомъ чудснаго, часто хранишь истину: только она выражаетъ ее по своему. Она олицетворяетъ народъ челоукомъ, изображаетъ время происшествіемъ; но когда Нибуръ прочтешь ее, то отыщешь въ ней истину, написанную только на другомъ языкѣ.

Скандинавскіе ученые, имѣющіе къ своимъ древностямъ нѣкое папріащическое благоговѣніе, уже издали много сагъ; и одинъ изъ опличчѣйшихъ между ими по познаніямъ и крипикѣ, Мюллеръ, въ Копенгагенѣ, выдалъ, подъ именемъ *Библиотеки сагъ*, превосходное сочиненіе, гдѣ все оуе разобрано и гдѣ время каждой опредѣлено съ строжайшей точностію.

Наконецъ, въ 1825, составилось Общество для изданія, съ Латинскимъ и Датскимъ переводомъ, тѣхъ изъ сагъ, которыя еще не появились, и изданіе коихъ по чему-нибудь замѣчательно. Рафнъ первый побудилъ къ этому предпріятію. Въ 1824, онъ издалъ зресімен для трудовъ, подлежащихъ Обществу, и проспектъ, призывавшій къ участвованію въ ономъ всѣхъ любителей Сканди-

навскихъ древностей въ шрехъ Королевствахъ (Швеція, Норвегіи и Даніи). Подписчики не за-спавили себя дожидаться. Списокъ ихъ замѣча-теленъ. Особенно Исландія отличилась ревностію, заслуживающею, чтобы Европа обратила внима-ніе на страну столь отдаленную, теперь шакъ бѣдную, но сполько привязанную къ своимъ вос-помяніямъ. Изъ пятидесяти тысячъ жителей, составляющихъ все народонаселеніе сего острова, тысяча подписались: а именно, 502 человека изъ крестьянъ, 171 изъ служащихъ людей и студен-товъ, 31 изъ ремесленниковъ и маэтровъ, 28 хозяевъ - ремесленниковъ и помощниковъ ихъ, 260 лакеевъ, 7 женщинъ и дѣвушекъ, находящихся въ услуженіи. Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ бы изда-ніе богатыхъ Хроникъ достигло большей народ-ности. Надобно вспомнить, что на сѣверѣ вся-кой умѣешь читать, и что зимой семья Исланд-скихъ крестьянъ обыкновенно собирается предъ наступленіемъ ночи, то есть около трехъ ча-совъ, въ большой покой, гдѣ находясь всѣ кни-ги; каждый ложится, и одинъ изъ нихъ читаетъ прочимъ, при свѣтѣ факела изъ сосноваго дерева, старинныя національныя сказанія на сильномъ и богатомъ языкѣ отцовъ ихъ, ими сохраненномъ.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ Общество напеча-тало четыре тома шекстовъ на древнемъ Сканди-навскимъ языкѣ, при переводовъ съ Датскаго, одинъ томъ съ Лашинскаго, всего восемь томовъ. Пер-

вая сага сего собранія *Iomivikinga saga*, сага морскихъ разбойниковъ Iомсберскихъ — есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ. Она уже являлась два раза, въ первый разъ въ Исландіи, шолько на древнемъ Скальгальшскомъ языкѣ — въ 1668; потомъ въ Стокгольмѣ, со Шведскимъ переводомъ въ 1815, но не совѣтъ полная. — Она заключаешь въ себѣ цѣлый рядъ происшествій, случившихся во время правленія Датскихъ Королей, около послѣднего времени язычества, поршрешъ одного изъ знаменитѣйшихъ героевъ Скандинавіи, того Пальнашока, которому, скажемъ мимоходомъ, преданіе приписываетъ Исторію яблока, которую оно послѣ приписало Вильгельму Телю. Пальнашокъ, имѣя неудовольствіе на Короля Гаральда, принимаетъ къ себѣ и воспитываетъ, въ надеждѣ мщенія, Свена, побочнаго сына Короля. Онъ женилъ его на своей дочери и послалъ сына опустошать владѣнія опцовскія. — Наконецъ въ одномъ походѣ убиваетъ Короля стрѣлою, нущеною изъ собственныхъ рукъ своихъ; ни кто не зналъ виновника сего убійства. — Во время похорошъ сынъ велѣлъ обнести вокругъ присутствующаго общества стрѣлу, найденную имъ въ шѣлѣ родителя своего: Пальнашокъ осмѣливается признашь ее своею. Сынъ, котораго первымъ долгомъ было сыновнее мщеніе — хочешь наказашъ его; но Пальнашокъ удаляется съ своими друзьями. Проживши вѣсколько лѣтъ со славою въ знаніи

морскаго разбойника, онъ овладѣлъ крѣпостію на берегу страны Вандовъ, занимаемой нынѣ Герцогствомъ Мекленбургскимъ, и выстроилъ тушъ эшотъ страннѣйшій военный монастырь Іомборгъ, заведеніе, кошорому нѣшъ примѣра въ Исторіи. — „Никто,“ говоритъ Сага, „моложе 15 лѣтъ и старѣ 50-ти не былъ принимаемъ; никто, кошорый волею бѣжалъ отъ двухъ; они обязаны были мстить другъ за друга шакъ, какъ мстить ошець за сына или сынъ за отца: ни кто не долженъ былъ клеветать и лгать. Узнавшій какую нибудь новостъ обязанъ былъ сообщать ее Пальнатоку; никто въ крѣпости не долженъ былъ имѣть владычицы, ни держать женщину болѣе одной ночи, никто не могъ ослушаться на продолжительнѣйшее время безъ соизволенія Пальнатока; вся добыча отъ нападеній должна была бытъ раздѣляема.“

Наслѣдникъ Пальнатока, Сигватъ, сдѣлалъ однажды, слѣдуя обычаю того времени, объѣтъ въ продолженіи трехъ лѣтъ опустошать берега Норвегіи и не возвращаться прежде, нежели будетъ убитъ или выгнанъ Гаку-Ярль, сильнѣйшій начальникъ страны сей. Всѣ находившіеся въ Гамборгѣ, дали шотъ же самый объѣтъ, и радостно ошправились въ сей походъ прошивъ ужаснаго Гаку-Ярля, кошорый извѣстенъ въ преданіи первымъ представителемъ язычества, потому что онъ погибъ въ бою прошивъ Олофа, перваго Хри-

стианскаго Короля Норвегii. — Гаку уже не обожалъ болѣе великихъ боговъ Мифологii Скандинавской, но двухъ чародѣевъ (trollde), Гофгерду и Ирпу. — Онъ предложилъ самъ свирѣпымъ Боже-сваамъ принести имъ въ жертву людей, но они отвергли сіи дары: тогда онъ закололъ самъ своего семилѣтняго сына, кошорому онъ велѣлъ перерѣзать горло при себѣ одному невольнику. — Гаку ослался побѣдишелемъ и велѣлъ перерѣзать опасныхъ плѣнниковъ Юнсборгскихъ. — Сага съ подробностію и пріятностію рассказываетъ намъ о смерти ихъ, и неизрочноиъ хладнокровiи, съ кошорымъ принимали ее. — Одинъ изъ плѣнныхъ требовалъ страннаго испытанiя: „Дайте мнѣ въ руки,“ говорилъ онъ, „ножь, для того чтобы видѣшь, въ соединенiи ли я буду шевелиться имъ въ ту минушу, какъ мнѣ отрубить голову.“ — Другой просилъ, чтобы его поразили въ лице, дабы показать, что глаза его не закроются при видѣ ножа, — и взоръ его будетъ въренъ.

По нѣкошорымъ разительнымъ чертамъ видно, что саги даютъ понятiе о людяхъ, коихъ описываютъ жизнь. — Это всегда вѣрная и живая картина героическаго періода новѣйшихъ временъ. — Общество, напечатлавшее сію сагу, издало болѣе двадцати — болѣе или менѣе важныхъ: по онѣ все показываютъ только чувства, и обыкновенiя сихъ необыкновенныхъ людей. Оно съ того времени предприняло издавать журналъ, и

оспывки, относящіяся до разныхъ предметовъ Сѣверныхъ древностей, были чшшаны во время его застданій людьми, знаменишѣйшими въ семь родѣ ошкрытій. — Оно получало національныя пѣсни острововъ Фероерскихъ, сихъ малыхъ острововъ, населенныхъ поколѣніемъ, состоящимъ изъ 5 тысячъ душъ, копорыя и по нынѣ еще говорятъ испорченнымъ нарѣчіемъ древнихъ Скандинавовъ, отличнымъ отъ нарѣчія Исландскаго. — Вещь весьма замѣчательная! — Сія эпическія пѣсни, копорыя нѣкогда были извѣсны вѣмъ народамъ Готскимъ, коихъ главные остатки есть поэма *Nibelungen* и оспывки *Еды*, — сія пѣсни остались національными только въ этомъ отдаленномъ Сѣверномъ Архипелагѣ. — Здѣсь только имя *Сагурда*, героя Сѣвера, варварскаго *Ахиллеса*, повшоряется въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ тѣ праздники, когда народъ острововъ Фероерскихъ пляшетъ безъ музыки, между тѣмъ какъ спарцы воспѣвають сія древнія поэпическія преданія, копорыя были прежде преданіемъ пол - Европы, а теперь остались только здѣсь.

Переведенная сказка, копорая теперь передъ моими глазами, говоритъ также о руническомъ камнѣ, найденномъ въ Гренландіи, — остаткѣ Исландцевъ, копорые ее ошкрыли такимъ же образомъ, какъ былъ вскорѣ ошкрытъ берегъ Америки. — Къ несчастію, опыты сдѣланные для ошисканія на восточномъ бе-

регу Гренландіи ихъ поселенія одиннадцатаго столѣтія, до сихъ поръ были бесполезны; — Ледъ собравшись около береговъ, гдѣ находились сіи поселенія, въ началѣ 15 го столѣтія, прервалъ съ ними всякое сообщеніе. Даже не знаютъ вѣрно гдѣ было ихъ мѣсто жилища; — но послѣку ледъ иногда переносится съ мѣста на мѣсто, то можешь бышь со временемъ откроются шуть люди, уже 400 лѣтъ отдѣленные отъ прочаго свѣта, подобно слону, поглощенному съ древнѣйшихъ переророповъ земнаго шара въ льдахъ Сибирскихъ.

Таковы-по тѣ разысканія, которыя предпринимаются людьми, истинно достойными, отдаленными по положенію своему можешь бышь центра извѣстности и славы. — Благоговѣя къ памяти своего опечесива они проливають свѣтъ на то, что Сѣверъ скрываетъ въ глубочайшихъ шьмахъ своихъ и отдаленнѣйшихъ, густыхъ шуманяхъ, освѣщая первыя начала Исторіи вѣхъ новѣйшихъ народовъ, они заслуживають, вниманіе, благодарность, ободреніе отъ вѣхъ друзей просвѣщенія.

(Изъ Globe) T.

С М Ъ С Б.

Отрывки изъ писемъ Рус. Путешественника по Итали.

П и с ь м о з.

Развалины Помпей свидѣтельствуютъ, что, не смотря на неушомимыя розысканія ученыхъ, въ продолженіи почти столѣтій дѣятельно совершаемая, древность предлагаетъ еще обширное поле для новаго наблюдателя. Разумѣется, нигдѣ она столько не привлекаетъ умъ какъ здѣсь: да, здѣсь только изученіе древнихъ, мертвое и буквенное, одушевляется жизнью. Сокровища Помпей находясь въ рукахъ почтенныхъ Неаполитанскихъ ученыхъ; но, кажется, имъ не досажаетъ той многосторонности, того криптицизма, который, какъ свѣточъ въ рукахъ Винкельмана и Лессинга, освѣщилъ темную Историю искусства такъ, что уже перестали бродить въ ней оцупью. Не лзя не благоговѣть передъ тѣми мучениками науки, которые съ благороднымъ самоопроверженіемъ собираютъ крошки ея матеріаловъ для полноты цѣлаго; но не лзя не сознаваться, что одинъ только гений даетъ жизнь симъ матеріаламъ, одушевляетъ цѣлое. Блаженна память работниковъ, ограничившихъ все поприще жизни и дѣйствій однимъ пиластромъ храма Св. Петра, но былъ ли бы сей храмъ безъ идеи Михель Анжело?

Я уже намѣкнулъ вамъ въ первомъ письмѣ моемъ о Помпей, что открытіе оной преимущественно ознакомитъ насъ съ частною жизнью древнихъ такъ, какъ галереи Вашиканскія и Флорентинскія познакомили съ ихъ искусствомъ. Музей Неаполитанской, эта богатая выставка издѣлій Римской ремесленности и промышленности, еще ожидаетъ своего Винкельмана. Онъ еще до сихъ поръ не только не разобранъ критически, но и не описанъ, потому что не ежегодно, а ежедневно умножающіяся его матеріалы.

Прогулявшись по этому Музею, вы можете населить всѣ пустые дома Помпей всякою житейскою утварью. Цѣлая галерея фресковъ познакомитъ васъ съ образомъ живописи древнихъ. Вотъ всѣ уборы дамскіе: кольца, серьги, ожерелья, запястья, цѣпи, изъ коихъ большая часть найдена на женѣ Діомеда. Вы удивитесь вкусу и щегольству, и замѣтите странное сходство золотой цѣпи съ нынѣшними цѣпями Венеціанокъ. Далѣе камеи отличной работы; чашки, чашечки для процѣживанія, филограммовой работы самой тонкой и могущей сдѣлать честь новому мастеру; драгоценное собраніе разной стекляннй посуды, какъ то: рюмки, стаканы, штофы (въ родѣ нашихъ съ ручками), лакриматоріи, стекла зеленаго и другихъ цвѣтовъ; разныя игрушки хрустальныя; въ иныхъ сосудахъ до сихъ поръ хранится жидкость; полный туалетъ дамской со всѣми мѣлкими и по-

дробными орудіями утонченной моды ошь мѣднаго зеркала до какихъ-шо длинныхъ палочекъ неизвѣстнаго употребленія; подошвы веревочныя; сѣтки для рыбной и пшичьей ловли; преножникъ для жершвовриношеній весьма изящной формы, множество мѣдной посуды (1); походный синуль предводителей войска; вѣсы съ изображеніемъ Веспасіана въ родѣ нашихъ безвѣзовъ; монеты разныхъ временъ, разнаго вещества и разной цѣнности; лампы, большія канделябры въ формѣ дерева, на сучьяхъ коего висяшъ лампочки; посуда для согрѣванія воды, очень похожая на самоваръ Русской; походная кухня весьма догадливаго изобрѣтенія; хирургическіе инструменты; краска (матеріалы для Пшоріи кисти древнихъ); какая-шо мѣдная доска съ мѣднымъ языкомъ, которымъ можно ударять въ нее и производить большой звукъ; (это орудіе найдено на перекресткѣ улицы; оно, по догадкамъ, употреблялось по причинѣ шѣношы ихъ въ предупрежденіе встрѣчи двухъ экипажей; приврашники домовъ обязаны были, завидя экипажъ, ударять въ оное орудіе; но это сказаніе Чичероне, вѣрнѣе которому должно съ осторожностію); билеты въ театръ изъ слоновой кости въ видѣ дощечекъ и въ видѣ голубковъ (2);

(1) Все желѣзо, найденное въ Помпѣхъ, сѣкла ржавчина, а дерево превратилось въ уголь.

(2) Послѣдніе билеты были для входа въ верхній ярусъ, по нашему раѣхъ; замѣчательно, что у итальянцевъ раѣхъ называется *piccione* а ошь *piccione*, *pigeon*, голубь.

амфоры; безконечное множество разныхъ орудій, необходимыхъ въ жизни, и проч. и проч. Какой нибудь послѣдователь Галла можетъ изслѣдовать черепъ Помпейской гражданки, мнимой жены Діомеда, и опредѣлить ея способности, даже продолжить свои изслѣдованія надъ черепами другихъ Помпейцевъ, коихъ скелеты безпрестанно открываются. Съ безошечнымъ изумленіемъ взглянете вы на цѣлый хлѣбъ, формою похожій на круглые пироги нашего Педолши, съ именовъ хлѣбника по кругу, на шѣсто, муку, яицы, мыло, куски бѣлья, разнаго рода фрукты, особенно на оливки, чудесно сохраненныя въ закупоренномъ сосудѣ (1), вино окаменѣлое, румяны и проч. Вспоминяя, что всему этому 1750 лѣтъ, вы невольно придете въ сомнѣніе, не повѣрите честности копателей, или въ минушу болѣе поэтическую, подумаете, что Везувій нарушилъ уставы природы, что на землѣ болѣе гніенія, чѣмъ подъ землею, что въ ея нѣдрахъ не смерть, а прочность.

Словомъ Музей Неаполитанской представляетъ всѣ матеріалы, нужные для того, чтобы писать романъ древній съ подробностями Вал-

(1) Когда оливки сіи были найдены, ихъ представили Королю Неаполитанскому. Онъ взялъ одну изъ нихъ и скушалъ половицу, отдавши другую своей супруги; нѣкоторыя и теперь сохраняются въ сосудѣ, изъ котораго вышавуць воздухъ. Это будущъ *вѣчная* оливка.

тера-Скопта, еслибъ самая жизнь древнихъ своими стихіями угодна была этому роду сочиненій.

Ничто такъ не убѣдитъ въ извѣстной мысли, что общественная жизнь у древнихъ преимуществовала надъ частною, совершенно въ противность нашему образу жизни, какъ прогулка по Помпей. Я даль вамъ уже замѣнить, и теперь еще припоминаю, что всѣ зданія общественныя, окружающія форумъ, и даже бани, несообразно опличаются обширностію, вкусомъ украшеній, передъ частными домами (1). Не смотря на то, что роскошь уже по видимому спала сильно въкрадываться въ сіи послѣднія, но форма прежней жизни не могла предложить ей большихъ предѣловъ, — и эта роскошь красила и убирала однѣ тѣсныя комнатки. Словоиъ, при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, главная форма все осталась таже. Должно думать, что не только въ Помпей, но и въ самомъ Римѣ сначала (2) отношеніе было одно и тоже, хотя размѣръ вообще и больше. Къ сожалѣнію въ Римѣ не уцѣлѣло ни одного частнаго зданія; но это самое ужъ не доказываетъ ли ихъ малости и непрочности? Невольно подумаешь,

(1) Верхніе этажи конечно существовали, по увѣренію извѣстныхъ Археологовъ, и по слѣдамъ дѣшницъ; но невѣроятно, чтобъ они были большіе.

(2) Въ послѣдствіи, когда роскошь увеличилась, спали строить дома прѣвысокіе о многихъ этажахъ. Нибби говоритъ, что Августомъ изданъ указъ не строить домовъ выше мѣры опредѣленной.

что сказали бы древние Римляне, еслибы, вышедъ изъ могилъ своихъ съ памяшью минувшаго, съ воспоминаніемъ о шѣсныхъ домахъ своихъ, взглянули бы на сіи колоссальные чершюги, на исполинскіе дворцы (1), называемые именами ихъ неизвѣстныхъ потомковъ? У нихъ голова бы закружилась отъ этой высоты недосыгаемой; они, привыкши къ простору, задохлись бы въ шѣсныхъ и шемныхъ коридорахъ (такъ можно назвашъ переулки Римскіе сдвляенныхъ громадами зданій; или удивились бы, какъ расплодилось и переродилось племя Цезарей въ ихъ нѣкогда свободномъ градѣ (2)! . .

(1) Въ Римѣ всѣ дома называются Palazzo; слово casa, въ собственномъ значеніи, существуетъ только въ лексиконѣ сельскомъ и въ нарѣчіяхъ дома, домой (а casa). Кто поживетъ въ шомъ градѣ дворцовъ, потъ неволью пріучитъ глаза къ великости зданій и не будешъ удивляться; но послѣ, вѣрояшно, всѣ города покажущся ему карликами.

(2) Поучительно бы было написать разсужденіе о различіи древнихъ республикъ отъ республикъ средняго вѣка, цѣлью коего предположить не столько сіе различіе, сколько объясненіе первыхъ; ибо сравненіемъ, примѣромъ, дѣло болѣе объясняешся. У насъ смѣшивающся сіи формы. По моему мнѣнію, форма древнихъ республикъ нигдѣ уже не встрѣчается въ новѣйшей Исторіи. Въ семъ-то отношеніи весьма важна и поучительна Исторія Флоренціи Макиавеля. Мысль о преимуществѣ блага общаго передъ частнымъ терлешся въ Исторіи среднихъ вѣковъ. Въ Исторіи Флоренціи борьба народа съ дворянствомъ разрѣшилась въ борьбѣ Аристократіи, а Аристократіи перешла при Медицинахъ въ единодержавіе. — Исторія Швейцаріи, по видимому, составляетъ исключеніе; но это явленіе болѣе физическое, нежели историческое.

Писателей древнихъ, Вапиканъ, Флорентинскіе музеи, Roma geschia, Помпею, Геркуланумъ, и все, что сохранила намъ древность, все должно собрать во едино уму, желающему оживить ея ликъ передъ собою. Но не смотря на все это, не смотря на догадки самыя остроумныя, все останется для него много загадочнаго, если онъ не обратитъ вниманія на настоящія формы жизни Италіанской, и особенно въ прошломъ народѣ.

Помню, на границѣ Рима и Неаполя, въ Террачинѣ, я видѣлъ, что древнія колонны храма Юпитерова поддерживаютъ своды Христіанской церкви. Обширная зала (piscinotoca) банъ Діоклеціановыхъ въ Римѣ превращена Микель Анжеломъ въ великолѣпную церковь Maria-degli Angeli. Колонны Траянова и Антонинова подпираютъ сѣмью Св. Апостоловъ Петра и Павла. Внутренность Колизея, некогда бывшая поприщемъ мученія для Христіанъ, превращена въ калверъ, представляющей страданія Христовы. Бронзовая сѣмья Юпитера, найденная въ какомъ-то храмѣ языческомъ, удостоилась быть изображеніемъ Святаго Апостола Петра, и теперь въ его храмѣ служитъ предметомъ народнаго богопочитанія: ея нога, къ которой обыкновенно прикладываются бого-

Свобода Швейцарцевъ прикована къ горамъ. Вспомните мысль Гердера о горахъ, вспомните духъ Шотландцевъ горныхъ, и Исторія Швейцаріи объясняется изъ причинъ физическихъ. —

мольцы, въ продолженіи многихъ вѣковъ такъ была истерша прикосновеніями лобзающихъ успъ, что уже изгладились слѣды пальцевъ. Это странное преображеніе Юпитера въ Св. Петра, символовъ язычества въ Христіанскіе, вы часто видите въ Италіи. Оно повсюрюется всюду. Нерѣдко стѣну новѣйшаго дома поддерживаетъ древняя колонна или памятникъ; нерѣдко между домовъ возвышается старинная гробница или часть прежней стѣны, увизая плущемъ и шравою; нерѣдко ходя по мостовой, вы встрѣчаете камень съ надписью S. P. R. (Senatus populusque Romanus). Такъ и въ настоящей жизни Италіанской, не смотря на переиѣну въ главныхъ ея формахъ, поражаетъ васъ еще рѣзкой ошатонокъ древняго. Здѣсь слѣдуютъ доказательствъ, взяшыхъ какъ изъ важныхъ, такъ изъ мелочныхъ предметовъ. Всѣ онѣ, болышею частію, убѣждаютъ въ давно извѣстной мысли, что не смотря на духовную природу человека, климатъ имѣетъ рѣшительное и посшоянное на нее вліяніе такъ, что обычаи, въ шеченіи вѣковъ сохраняющіеся и успоявшіе противъ всего и даже противъ религіи, не иначе могутъ объясниться, какъ симъ вліяніемъ. Вотъ почему великой Винкельманъ въ своей исторіи искусства всегда начинается наблюдениемъ климата у всѣхъ народовъ. У насъ, кажется, до сихъ поръ мало принимали въ расчетъ это вліяніе, при разсмотрѣніи свойствъ характера Русскаго. Ничто

шакъ не свавитъ на эту почку, какъ путешестве (1).

Гдѣ, кромѣ Италіи и особенно южной, найдете вы такую шумную, кипящую жизнь на улицахъ! Тутъ поршней стегаетъ шшукъ, сапожникъ почаетъ сапоги, старушка прядетъ шерсть, молодлица шьетъ манишку для своего amico, или плететъ шляпку соломенную, секретарь пишетъ письмо дѣловое и любовное, поваришка варитъ макароны или жаритъ кашпаны или подпекаетъ

(1) И особенно путешествіе по Италіи, представляющей рѣзкую противоположность съ нашимъ климатомъ. Вошь иткороря чершы оной: здѣсь всѣ возможныя предосторожности противъ жара; у насъ противъ холода; — здѣсь *jalousie*, которыя происходятъ вѣрошно, не отъ ревности мужей, до сихъ поръ въ условіяхъ свадебныхъ допускающихъ право женъ своихъ на чизибеевъ, а отъ причины физической; — у насъ двойныя окна; — здѣсь полы каменные, на эту застилаемые коврами (впрочемъ шущъ причина и недослашокъ дерева), огромныя кровати; у насъ полы деревянные, кровати небольшія; — здѣсь перья набитыя соломой наъ маиса; у насъ пуховыя; — здѣсь всюду *fontaines* въ домахъ; у насъ въ домахъ печи; — здѣсь по улицамъ продаютъ лимонадъ; у насъ сбивень; — сама природа догадалась одѣлать насъ виноградомъ и надѣлать хлѣбомъ и мясомъ, ибо наше вино, какъ я думаю, болѣе согрѣваетъ, чѣмъ виноградное. Отъ этихъ противоположностей происшекаетъ, что нигдѣ не льзя ощущать шакого холода, какъ здѣсь въ спратѣ шепла, за невмѣиель печей, которыя замѣняются камнями и жаровнями. У насъ жаръ долженъ бы бытъ ощущишельнѣе, еслибъ челоука вообще не былъ склоненъ болѣе къ передененію жара, нежели холода. Италіанцы любятъ холодъ, мы любимъ жаръ, по общему обычаю челоушества любдшь шо, чего Богъ не далъ.

пирожки, мальчишки дерутся, валяются, мараютъ улицу. Преимущественно Неаполь оживленъ этими сценами: тамъ жизнь южная на высшей степени, хотя и въ отвратительной формѣ по особымъ причинамъ. Подъезжая къ нему подь вечеръ, я безъ удивленія не могъ сморгнуть на улицы окружныхъ городковъ, полныя народомъ, какъ будто въ праздникъ, но нечистыхъ, неопрятныхъ, полунагихъ. Иные изъ сихъ городовъ около Неаполя похожи на вершечки разбойниковъ, иные на пожарныя пепелища. Террасы, замѣняющія кровли домовъ, кажутся, какъ будто вовсе нѣтъ ихъ; народъ высыпалъ на улицы и живетъ около разложенныхъ огней, какъ будто въ домахъ нѣтъ ему мѣста, кой-гдѣ ужинающъ семьи подь навѣсомъ вѣтвей. Въ самомъ Неаполѣ нѣсколько тысячъ Лаззарони не имѣютъ себѣ пріюта и живутъ *à la lettre sub dio*. Когда въ 2 или 3 часа по полудни идете по Толедо, то видите, какъ они у домовъ, упомянувшись отъ работы, и на грань (*) навѣвшись на улицы же готовыхъ макароны, лежатъ въ своихъ огромныхъ корзинахъ и спятъ въ разныхъ пластическихъ положеніяхъ. Упрямъ мальчишки Лаззарончики зашолкаютъ васъ на Толедо: кто съ устрицами, кто съ разными *frutti di mare*, кто съ рыбой, кто съ пряниками, съ фруктами, съ разными національными кушаньями. Все кричишь, шумишь, содомишь. Равновѣсно навьюченъ

(*) Неаполитанская монета,

ные ослы (по простому нарѣчію चुчи) заслоняють вамъ дорогу. Вотъ безошвязный нищій, полунагой, съ лицомъ непристойно обезображеннымъ, въ упрекъ неопечительной полиціи, приспанешъ къ вамъ пѣшимъ или задыхаясь бѣжипъ за вашей коляской, дѣлая разные жесты (1) и крича пискливымъ голосомъ : *того di fame, due giorni non ho mangiato, date mi qualche cosa* (2) ! — Вечеромъ всякой день Толедо такъ бываетъ полна народомъ, что яблоку упасть негдѣ, словомъ, вся улица превращается въ пѣсную подвижную массу пестраго народа. Такая жизнь причиняетъ большую нечистоту на улицахъ, и особенно въ Неаполѣ. Около перваго гулянья Неапольскаго, villa

(1) Языкъ жестовъ въ большомъ употребленіи у Неаполищанцевъ. Такъ простой народъ часто разговариваетъ между собою за дѣлью, сказать слово. Нищіе обыкновенно прикладываютъ пальцы къ губамъ, показывая эщимъ, что ѣсть хочется, а потомъ рукою бьютъ о карманъ, говоря шѣмъ, что пусть. Бадешъ, по вѣдному, здѣсь имѣлъ свое начало.

(2) Нищихъ вообще много въ Италіи, по причинѣ бѣдности, народонаселенія и дѣви; но Неаполѣ кишипъ ими. Тамъ нищета безобразная и безстыдная. Кажется, первое слово матерей младенцамъ: *date mi qualche cosa*. На Искію всякой малюшка швердитъ вамъ эшо слово. Но вотъ различіе двухъ сосѣдственныхъ націй, вѣдное на нищихъ: Неаполищанецъ низко проситъ милостыни, джешъ, пищипъ, гримасничаетъ, кувыркается; Римлянинъ благородно скажетъ: *Signor, date mi un baiocco, per l'amor di Dio. — Non ho baiocchi, mie caro, вы ему ошвѣчаете. — Date mi un mezzo paolo. — Non ho mezzi paoli. — Date mi un paolo. — Non ho paolo. — Date mi un Scudo. — Non ho niente.* — Нищій уйдетъ ошъ васъ, пробормошавъ

Reale, у берегу моря, гдѣ лавры, плакучія ивы и всѣ роскошныя деревья Италіи осѣняютъ храмы Тасса и Виргилія, — вы не можете пройти по процуару, не подвергая вашихъ чистыхъ ногъ ежеминутной опасности. Запахъ лимонныхъ деревьевъ сдвигается съ запахомъ весьма непріятнымъ...

Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.

Замѣчаніе на статью, помѣщенную въ 4 № Лит. газеты.

„Прочиталъ я между прочимъ слѣдующія спровки: справедливо ли назвать съ ними искусствами (съ Поэзією и Живописью) называющіе изящными Архитектуру и Музыку? (здесь я пропускаю нѣсколько строкъ объ Архитектурѣ, ибо не берусь судить о томъ, чего не знаю),

„Что можете быть высокога (продолжаетъ Кришикъ) въ музыкѣ, отдѣльно отъ словъ? рядъ спройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое.“

Рядъ спройныхъ звуковъ физически дѣйствуетъ на душу, возбуждая въ ней высокое чувство: вошь все, что могъ бы справедливо сказать Г. Кришикъ. Всѣ изящныя искусства потому только

accidenti a voi. (Для объясненія: baiocco — 5 коп., paulo 50 к., scudo 5 руб. — accidenti a voi (брань Римская, (accidents à vous).

но и называются *искусствами*, что они облечены въ физическую форму, начало же ихъ въ душѣ; Г. К. былъ бы правъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ музыка началась отъ подражанія пшичьему пѣнію; но она есть отголосокъ божественной души, можетъ ли она доставлять одно только физическое удовольствіе? Если она изобрѣшена исключительно только для пріятнаго щекотанія ушей, то вкусно приготовленная говядина ничѣмъ не уступитъ Музыкѣ, тѣмъ болѣе, что физическое удовольствіе, доставляемое ею послѣднею, соединено съ пользою; а что благороднѣе, желудокъ или уши, рѣшить очень трудно; если иногда уши бываютъ слишкомъ длинны, то за то и желудокъ иной прожоревъ: слѣдственно можно допустить между ими равенство. По моему же мнѣнію музыка не имѣетъ нужды въ словахъ, чтобъ возбудить высокое чувство. Слова ближе къ мыслямъ, звукъ — ближе къ чувствамъ, спраться въ высшей степени не говоришь — но поешь.

Ж. Ж. Руссо повѣснваетъ въ своей исповѣди объ одной старухѣ, которая не знала ни какихъ молитвъ и сочинила свою; вошь она: О! . . . и только. Истинно-музыкальная молитва! пускаетъ смѣются надъ нею тѣ люди, которые всѣ предметы разсматриваютъ съ смѣшной стороны; самые строгіе мыслители, можетъ быть, почтятъ улыбкою ихъ остроумныя эпиграммы, но согласатся, что сильнѣе сей молитвы не сочинишь ни

одинъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Я полагаю, что 1) *Природный* речитативъ спрасней былъ началомъ искусственной Музыки. 2) Музыка старше Поэзіи, шочно также, какъ чувство — старше мысли, и гласная буква — согласной. 3) Форма Музыки менѣе тѣлесна, чемъ форма Поэзіи; слѣдственно она ближе къ душѣ, и сильнѣе на нее дѣйствуетъ. Музыка есть бѣлый лучъ изящнаго, содержащій въ себѣ всѣ цвѣта. Ошдѣлите ихъ черезъ призму понятій — и Музыка превращишся въ Поэзію. Языкъ Музыки неопредѣленъ, безграниченъ, почти безтѣлесенъ; но въ этомъ-то именно и состоишъ ея совершенство. Она, презирая разнообразныя оплѣтки чувствъ, дѣйствуетъ цѣлою массою. Она (если можно такъ выразишся) какъ миллионеръ, торгуеш оптомъ, не выставляеш своихъ сокровищъ, дабы заманиш проходящихъ (какъ то дѣлають наши книгопродавцы, показывая сквозь стекло затѣйливья оболочки небольшихъ, но за то безсмертныхъ твореній нашихъ колоссальныхъ гениевъ).

Музыка не можеш выразиш всѣхъ подробностей, передаваемыхъ намъ столь краснорѣчиво Поэзію; Поэзія не передаш намъ той силы, той бури спрасней, которая такъ живо выражаетъ Музыка. Въ Реквиемѣ Моцарта слышиш чьи-то вопли, раздирающіе душу. Г. Капелинъ самъ драматическій писатель, а потому я спрашиваю его: когда ошъ представляеш мгновение,

въ которое ножъ разбойника подиашь на младенца, какія слова вложишь онъ въ уста матери сего младенца?.. Одни прерывающіяся восклицанія, несвязные звуки. — Вотъ шопъ природный речитативъ спрасшей, о коемъ я упомянулъ выше. Чѣмъ ближе искусственная музыка подходитъ къ нему, тѣмъ она совершеннѣе; само по-себѣ разумѣется, что слова для нея совершенно лишни; Они только спѣсняютъ воображеніе слушателя, заставляя его, какъ куклу, идти по протянутой проволоцѣ, между тѣмъ какъ онъ могъ бы пересоздавать возбужденное въ его душѣ чувство, повинувась шокмо главному влеченію звуковъ — къ печальному или радостному. Кто говоритъ, шопъ уже не сильно чувствуешь; спенаніе, несвязныя восклицанія — вотъ первый языкъ чувства. Понятія намъ представляются шолько въ шо время, когда мы спановимся покойнѣе, и можемъ размышлять; однимъ словомъ: Поэзія воспоминаешь, Музыка дѣйствуешь.

Не вините Музыку, если она не можешь выражать того, что выражаетъ Поэзія: Ангель не можешь бышь человекомъ. Музыка шакъ высока, что она смѣяться не умѣешь. Ибо смѣхъ ешь въвѣска слабости человеческой; какъ бы онъ ни былъ забавень и остроумень, но онъ унижаетъ насъ.

Вслѣдъ за симъ Г. Капеллинъ продолжаетъ: „пріятно грѣшься у огня, качаешься на качеляхъ, кружишься въ пляскѣ, скакаешь на лошади, слу-

шасть соловья въ лѣсу или Фильда въ концертѣ; но благороднѣйшимъ чувствомъ челоѣка до всего этого дѣла нѣтъ.“

На сіе отвѣщаю : могутъ быть случаи въ жизни, въ которые пріятнѣе грѣшься у - огня или скакашь на лошади, нежели слушаешь музыку; на примѣръ, въ прескучій морозъ, когда физическія силы наши изнемогаютъ подъ бременемъ холодной смерти, дѣйствительно лучше грѣшься у огня, нежели внимать небесной гармоніи Гайдена. Или когда разбойники гонятся по пятамъ — въ сіе роковое мгновеніе, я, самый страстный любитель музыки, лучше соглашусь скакать на лошади, нежели слушаешь гимнъ Моцарта; но сіи примѣры, хотя и довольно разительные, не могутъ служить доказательствомъ теоріи Г-на Кашенина. О другихъ примѣрахъ умалчиваю, хотя увѣренъ въ томъ, что качели — какъ бы впрочемъ они ни были искусно устроены — не доставятъ такого удовольствія, какъ симфонія Бетгофена, или увертюра изъ волшебной флейшы Моцарта. Одна почтенная особа говаривала, что *музыка есть ни что иное, какъ собачій вой*. Я слушалъ — и молчалъ; но если бь сія особа напечатала свое мнѣніе — я бы долгомъ поставилъ показать его нелѣпость; особенно въ такомъ случаѣ, когда въ заглавіи онаго было бы поставлено : О теоріи изящныхъ искусствъ.

Тригунный.

Предложенія: онъ дешево купилъ книгу; онъ вчера купилъ книгу; онъ не купилъ книги — не предполагають никакихъ другихъ мыслей. И такъ слова *дешево*, *вчера*, *не* будутъ нарѣчій. Предложенія: уже онъ купилъ книгу; онъ купилъ еще книгу; онъ не купилъ книгу (*) предполагають: а вамъ стыдно не купишь; — кромѣ другаго чего — но вымѣнялъ или что-нибудь подобное. И такъ *уже*, *еще*, *не* суть союзы, по крайней мѣрѣ связующія нарѣчій. Мѣста нарѣчій поспоянны — при глаголахъ или прилагательныхъ; мѣста союзовъ опредѣляются мыслию Автора — предъ словами связуемыми. Случается однакожь, что союзы сии, выражающіе частныя отношенія предложеній, ставящей послѣ словъ, къ коимъ относятся. Это бываетъ во первыхъ тогда, когда связуемое сло-

(*) Нарѣчіе такъ тѣсно связуется съ словомъ опредѣляемымъ, что часто соединяется съ онымъ въ одну часть рѣчи; такъ *сѣтлоокрасный*, *новодѣйственную* составились изъ словъ *красный* и *сѣтло*, *дѣйственную* и *ново*. Отсюда правило: соединяны частница не съ прилагательнымъ, когда она бываетъ нарѣчіемъ, и ставяще отдѣльно, когда она союзъ. Къ сожалѣнію, ложное повидше о частныхъ рѣчи *спитаксите-скихъ* не допустило распространить сего правила на глаголы. За то частница не соединяется съ существительными; прр. *невѣжа*, *недругъ*, я и *не-я*. Соединенія такого рода суть влчпы: *невѣжа* значить шось, который *не вѣдаетъ*; *недругъ* — чловѣкъ *недружественный*; *не-я* — который *неестъ* я. — Еще замѣчаніе: виительный надежь перемѣляется въ родительный, когда *не* есть нарѣчіе, и ослабляется шось-же, когда *не* есть союзъ; прр. онъ *некупилъ* книги — онъ *не купилъ* книгу, а вымѣнялъ.

во удерживаетъ на себѣ прозодическое удареніе, а союзъ произносится кратко, или когда послѣ союза слѣдуетъ остановка голоса; напр. я *гиталь еще*, когда вы вошли ко мнѣ. Въ спорныхъ въ стихахъ, гдѣ неправильность расположенія словъ поправляется произношеніемъ. Башюшковъ пишетъ :

Уже свѣшило дня на западѣ горить. . .

Явно, что союзъ *уже* относится къ словамъ *на западѣ*. Прозаическій порядокъ будетъ: *свѣтило дня горить уже на западѣ*. И такъ, чтобы выразить сію мысль Автора, надлежитъ возвысить голосъ на упомянутыхъ словахъ.

Сказанное можно приложить ко всемъ опредѣляющимъ словамъ и выраженіямъ, равно и къ тѣмъ союзамъ, которые ставятся всегда послѣ связуемыхъ словъ. Вопросительный *ли*, указательный *то*, напоминательный *же*, предположительный *бы* могутъ относиться къ каждому слову предложенія, къ каждой части рѣчи. *Онъ ли* сказалъ ему? *сказалъ ли онъ* ему? *ему ли* сказалъ онъ? равно какъ *не онъ* сказалъ ему; *не сказалъ онъ* ему; *не ему* сказалъ онъ — суть весьма различныя выраженія. *Онъ бы* сказалъ ему — предполагать: а не другой кто; *сказалъ бы онъ* ему — означаетъ: а не умолчалъ бы; *ему бы* сказалъ онъ — значить: а не другому кому. Слѣд. Г. Полевой погрѣшаетъ, соединяя союзъ *бы* только съ глаголами или съ союзами.

И такъ мы видимъ, что мѣста союзовъ весьма постоянны въ языкѣ Русскомъ: но мы не должны забывашь возможности переставлять шѣ слова, къ которымъ союзы относятся. Три слова, напр. *дай мнѣ хлѣба*, могутъ имѣть шесть алгебраическихъ перестановокъ: *дай мнѣ хлѣба*; *дай хлѣба мнѣ*; *мнѣ дай хлѣба*; *мнѣ хлѣба дай*; *хлѣба дай мнѣ*; *хлѣба мнѣ дай*. Каждая изъ сихъ шести перестановокъ можешь быть произнесена четырьмя образами — безъ возвышенія голоса, и съ возвышеніемъ онаго на каждомъ словѣ порознь: *дай мнѣ хлѣба*; *дай мнѣ хлѣба*; *дай мнѣ хлѣба*; *дай хлѣба мнѣ*; *дай хлѣба мнѣ*; *дай хлѣба мнѣ* и т. д. И такъ четыре мысли, заключенныя въ шрехъ словахъ сихъ (*дай мнѣ хлѣба*, *donnez moi du pain*; *дай мнѣ хлѣба*, *donnez-donc du pain*; *мнѣ дай хлѣба*, *c'est à moi qu'il faut donner du pain*; *хлѣба мнѣ дай*, *c'est du pain qu'il faut donner à moi*. Впрочемъ Французскій языкъ не способенъ для выраженія подобныхъ оштѣнокъ.), *четыре мысли могутъ быть выражены на Русскомъ языкѣ двадцатью четырьмя различными образами, но совершенно одними и тѣми-же словами! Пять мыслей въ четырехъ словахъ мой бракъ былъ здѣсь, могутъ быть выражены сто двадцатью образами!* Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ сіи выраженія равно употребительны: по крайней мѣрѣ они всѣ возможны, всѣ понятны. Выборъ предоставляется вкусу.

Сія-то изумляющая способность языка выражать многоразличныя ошѣтки мысли простою перестановкою словъ въ совокупности съ произношеніемъ оныхъ — сія способность Русскаго языка причиною, что нѣкоторые думали, будто Синтаксисъ нашъ почти не имѣетъ правилъ для расположенія словъ. Многіе и до сихъ поръ пишутъ, какъ говорятъ: но иное дѣло говорить, иное писать. Языкъ письменный не имѣетъ преимущества, которое даетъ произношеніе: и шакъ надлежитъ обращать великое вниманіе на мѣста словъ опредѣляющихъ и особенно союзовъ. Еслибъ существовали знаки прозодическіе, мы имѣли бы больше свободы въ словорасположеніи.

Скажемъ нѣсколько словъ о правописаніи союзовъ *послѣ полагаемыхъ*. Г. Полевой, а съ нимъ другіе, соединяютъ союзы *бы* и *ли* черпою съ тѣмъ словомъ, при которомъ стоятъ они. Можно ли допустить такое соединеніе? Едва ли. Союзы относятся всегда къ двумъ словамъ, принадлежащимъ различнымъ мыслямъ: а черпа соединенія означаетъ превращеніе двухъ словъ въ одну часть рѣчи. Впрочемъ, для союзовъ *то* и *же* можно сдѣлать исключеніе, пока нѣтъ у насъ знаковъ для различенія частей рѣчи: иначе первый будемъ смѣшивать съ мѣстоименіемъ или прилагательнымъ, второй съ союзомъ противоположнымъ. Два союза вмѣстѣ — части рѣчи однородныя, составляя

одно нераздельное слово: и такъ пишете *еслибъ*, *хотябы*; а не *если-бъ*, *хотя-бы*, и пр.

Неправильное расположеніе опредѣляющихъ словъ и союзовъ можно встрѣтить иногда и у первоклассныхъ писателей нашихъ. *Батюшковъ*, въ своемъ превосходномъ описаніи Финляндіи, говоритъ: „Здѣсь *повсюду* земля кажется видъ опустошенія и безмолвія; *повсюду* мрачна и угрюма.“ Явно, не на мѣстѣ нарѣчіе *повсюду*. Надлежало: здѣсь, земля *повсюду* кажется видъ опустошенія и безмолвія; *повсюду* мрачна и угрюма. — *Жуковский* сказалъ: „Гассанъ *охотно* *взвалилъ бы* его къ себѣ на спину, лишь бы избавить отъ нѣсколькихъ лишнихъ шаговъ.“ Кабудъ путешественникъ: сказка. Надлежало: Гассанъ *охотно бы* *взвалилъ* его къ себѣ на спину, и пр. — *Карамзинъ* пишетъ: „Дайше мнѣ *только* *свою* младшую дружину.“ (Исторія Госуд. Росс. III. 126.) Слѣдовало: дайше мнѣ *только* *младшую* *свою* дружину.

Но эти *иногда* не должны служить оправданіемъ нашихъ ежеминутныхъ погрѣшностей: тѣ-же Писатели подають тысячи примѣровъ прекраснѣйшаго расположенія словъ; предлагають такіе образцы ясности, чистоты и благозвучія, до которыхъ мы еще не скоро достигнемъ.

Возратимся къ Исторіи Русскаго народа. Г. Полевой пишетъ, какъ говоритъ: „здѣсь *только* „раскрывающа для насъ тайны судьбы (XIX); „не подарилъ еще насъ (XXXI), съ самой поэти

„средины его (23); и около 862 года только рѣ-
 „шишельно укрѣпились въ земляхъ Чуди (56);
 „Святополкъ мужественно встрѣтилъ однакожь не-
 „приятеля (247).“ Но кшо чишаемъ правильно,
 шомъ произнесешь: только раскрываются; еще
 насъ; только рѣшительно и пр. Явно, чою для
 избѣжанія другаго смысла слѣдуешь переставишь
 слова: только здѣсь раскрываются шайны
 судьбы; еще неподарилъ насъ; почти съ самой
 середины его; и только около 862 года рѣшишельно
 укрѣпились; однакожь Святополкъ мужественно
 встрѣтилъ неприятеля. — Г. Полевой иногда
 заключаетъ между запятыми опредѣляющее выра-
 жение: но эти запятыя не показываютъ мѣста
 онаго; напротивъ онъ спавяетъ васъ въ шакое
 положеніе, чо вы затрудняешесь, какъ попра-
 вить ошибку словорасположенія произношеніемъ.
 „Всѣхъ лучше, кажешся, разобралъ основанія
 „Скандинавской Мифологіи Финнъ Магнузень“ —
 говоритъ нашъ Авторъ (75). „Три года, по
 „крайней мѣрѣ, оставались они въ избранномъ
 „ими мѣстѣ (84). Предавши Руссамъ родину свою,
 „вѣроятно, Анастасій хотѣлъ предать Болесла-
 „ву новое свое отечество (249).“ Надлежало на-
 писать безъ запятыхъ: кажешся лучше всѣхъ
 разобралъ. . . или: Финнъ Магнузень кажешся
 лучше всѣхъ разобралъ и пр.; по крайвей мѣрѣ при
 года оставались они; предавши Руссамъ родину
 свою, Анастасій вѣроятно хотѣлъ предать и но-

вое опечество свое Болеславу. — Г. Полевой не знаешь мѣста припяжательныхъ мѣстоименныхъ претяго лица (possessifs pronominiaux — leur, leurs). Онъ пишетъ: „не высказывая ихъ „разнообразныхъ мнѣній (XLVI); известнаго „въ ихъ описаніяхъ (18); на ихъ природномъ языкѣ — когда надлежишь писать: не высказывая разнообразныхъ мнѣній ихъ; известнаго въ описаніяхъ ихъ; на природномъ языкѣ ихъ. — Этого мало: часто встрѣчается у него такое неправильное расположеніе словъ, такое несвязное сочетаніе частей періода, что истинно удивляешься, какъ онъ самъ не видалъ и не исправилъ такихъ грубыхъ погрѣшностей. Выищемъ нѣсколько мѣстъ: „За шѣмъ часшаеть для дѣтени- „сашеля огромный трудъ: извлекашь истину изъ „противорѣчащихъ, сбивчивыхъ, разнородныхъ „ощешовъ, которые дають за себя спрасши „людей, измѣняющіяся мнѣнія, исчезнувшіе нра- „вы, обычаи, образы возрѣнія времени ошдален- „ныхъ и ошдѣменныхъ одно ошъ другаго звѣньями „цѣни, которыя въ огромномъ прощяженіи ка- „жущся всѣ равны, всѣ одинаковы, но безконеч- „но различествуюшь другъ ошъ друга для зор- „каго, наблюдательнаго ума (XXIV). Въ Исто- „риіи Русской положительныя рѣшенія вопросовъ о „настоящемъ состояніи нашего физическаго, по- „литическаго и нравственнаго быта, безъ ко- „ихъ никакая теорія не научить насъ жить и

„дѣйствовашь съ вѣрною цѣлью для самихъ себя
 „ошчизны и челоувѣчества (XXVIII). Впрочемъ,
 „не думая обманывать читателя огромными
 „источниками, я вездѣ приводилъ названія и име-
 „на авторовъ, на коихъ утверждался, не же-
 „лая хвастать ссылкой на сочиненіе малоизвѣст-
 „ное и рѣдкое, если ссылку сію доставлялъ мнѣ
 „какой нибудь извѣстный авторъ: Шлецеръ, Лер-
 „бергъ, Френъ, Кругъ, Келпъ (LXXIX). Съ
 „X-го вѣка явились въ Россіи прудолубивые оп-
 „шельники, коихъ во всей Европѣ сохранили для
 „помощи память событій, съ того време-
 „ни, какъ древніе народы перестали писать свои
 „историческія повѣствованія (LV). Тѣ спор-
 „ныя мѣста, о коихъ согласилась всѣ, кро-
 „мѣ немногихъ, иногда поспрашиваю только
 „упрямству спорящихъ людей, я почиталъ рѣ-
 „шенными, не входилъ въ дальнѣйшія изслѣдова-
 „нія, и только означалъ книги (и притомъ са-
 „мыя извѣстныя), въ коихъ читатели могутъ
 „видѣть подробности (LXXX). Читатели уви-
 „дятъ имена всѣхъ шѣхъ, чьими сочиненіями я
 „пользовался, въ примѣчаніяхъ моихъ (LXXXI).“ —
 Признаюсь, послѣ всего этого изумишься той са-
 монадѣнности Г. Полеваго, съ какою онъ пре-
 сѣдуетъ другихъ за малѣйшую погрѣшность имъ
 замѣченную; невольно простить Гдамъ Москов-
 скимъ Кришикамъ негодованіе ихъ, съ коими
 они встрѣтили Историю Русскаго Народа.

Пора кончить: потому что ишь возможности исчислишь все грамматическія ошибки Г. Полеваго. Для меня и самое названіе сочиненія его кажешся великою ошибкою: ибо сколько ни читалъ я Исторію Русскаго Народа, я видѣлъ Исторію только Государства и Государей. Но такъ какъ эта ошибка не принадлежитъ собственно къ Грамматикѣ (*): то я отсылаю читашелей къ Въспникамъ Европы и Московскому, гдѣ разбирали и, вѣроятно, еще будутъ разбирать книгу Г. Полеваго въ Историческомъ отношеніи.

Въ заключеніе предложу Г. Полевому два совѣта: 1. чтобы онъ воспользовался разборомъ моимъ, и исправилъ слогъ свой; 2. чтобы онъ никогда, никого и ни въ чемъ не обвинялъ безъ доказательствъ, если самъ не хочешь слышать горькой истины. Уважатся ли мои совѣты — не знаю. По крайней мѣрѣ я говорю чистосердечно, искренно желая добра Г. Полевому, желая мира и согласія между либерашорами нашими.

Иванъ Калайдовичъ.

(*) Къ числу ошибокъ не-грамматическихъ, принадлежатъ и частыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ Исторіи Русскаго Народа. Разительнымъ примѣромъ могутъ служить два слѣдующія мѣста, раздѣленные между собою только двенадцатью строками. На стр. 65й Г. Полевой говоритъ: „Славяне добродушны, и не хитры“; а на стр. 66й пишетъ: „Славяне, всего лучше умѣли побѣждать хитростію.“

С М Ъ С Ъ.

*Отрывки изъ частныхъ писемъ Рус.
путешественника.*

1828. Теплицъ. 17 Августа.

... Какъ хорошъ островъ Борнгельмъ съ своими развалинами, какъ угрюмъ островъ Рюгенъ, какъ веселы берега острововъ Дашскихъ! Въ Траве-люндѣ съѣзжается въ Юлѣ мѣсяцѣ до 800 чело-вѣкъ брать морскія ванны: въ нѣкошорыхъ слу-чаяхъ онѣ чрезвычайно полезны. Не видавъ Голштиніи, особенно Дашскихъ владѣній (куда мы ѣздили моремъ), вы не можете себѣ представить, что значить благоденствіе крестьянъ, цвѣтущее состояніе земли: эшо одинъ непрерывный садъ, особенно ближе къ морю; я удивлялся, входя въ крестьянскія жилища: дома каменные, прочные, огромные, съ садами шѣнисными, съ обширными огородами, со множествомъ земли и скоша; за шо, проѣхавъ Гамбургъ, вы разочарованы на счетъ Гер-маніи: въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Пруссіи вы видите бѣдность, особенно въ Ганноверѣ; и даже въ прославленной Саксоніи не много утѣхи для шого, кто видѣлъ Голштинію. — Правда, большія дороги вездѣ хороши, но какое нищенство: на каждой милѣ заспава, и за каждую милю про-

ѣзда по шоссе извозчикъ долженъ заплатить слиш-
комъ два рубля на наши деньги: такъ въ Прус-
скихъ владѣнiяхъ; въ другихъ мѣстахъ не много
меньше. И какая шоска ѣздить по здѣшной почтѣ.
Ошь Гамбурга до Дрездена (50 миль или 350
верстѣ); она ѣдешь шесть дней и останавливает-
ся у каждаго кабака, а кабакамъ здѣсь и счесть
нѣтъ. Какая гадкая вездѣ пища: хорошаго биф-
тексу или супу не достанешь ни за какия деньги.
Гамбургъ мнѣ нравился особенно. Альтона, ко-
торая съ нимъ соспавляетъ какъ бы одинъ городъ,
несравненна: это одинъ длинный бульваръ, съ
переулками, но только деревья не спрѣженныя и
не липы, а огромныя кашшаны; зданiя прекрас-
ныя. Мѣстоположенiе Мейсена въ горахъ чрез-
вычайно живописно; здѣсь замѣчательны огромный
Миркграфскiй дворець и соборъ, существующiе
700 лѣтъ; въ первомъ помѣщается нынче славная
фарфоровая Саксонская фабрика, въ которой я
былъ: тамъ много рѣдкаго во всѣхъ родахъ фар-
форовыхъ издѣлiй, особенно вазы и подносы.

Съ нѣкоторыхъ горъ въ окрестностяхъ Теп-
лица видно на 120 верстѣ въ отдаленiи.

1828 Декабря 22. Дрезденъ.

Шлегель читаетъ лекцiи Философiи, въ ко-
торая вмѣшиваетъ и ученiе объ языкѣ вообще,
объ исторiи и религiи: послѣдняя составляетъ
главную цѣль его. Вы легко вообразите себѣ, какъ

любопытны эти лекціи для всякаго, когда я вам скажу, что заставило его обратиться особенное вниманіе на этою предметъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ перемѣнилъ свою прежнюю Лютеранскую вѣру на Каполическую, приславъ, какъ говорятъ, къ Іезуитамъ, и теперь спарашся набирать себѣ послѣдователей. Прошлаго года онъ давалъ публичный курсъ въ Вѣнѣ; случай призвалъ его въ Дрезденъ, и онъ имъ пользуется, чтобы обратиться нѣсколькихъ Саксонцевъ. Но это дѣло трудное: ежели бы онъ пришелъ сюда проповѣдывать истины самыя святыя, языкомъ самымъ очаровательнымъ, доказывать ихъ самыми хитрыми умозрѣніями: то и въ такомъ случаѣ не скоро бы убѣдилъ здѣшній флегматическій, холодный народъ, захотѣлъ воскресить между нимъ старую вѣру, давно опровергнутую по такой причинѣ, которая здѣсь важнѣе всего прочаго — ради денегъ, ибо Каполическая раззорительнѣе Лютеранской; — это мысль нелѣпая, не во гнѣвъ знаменитому Шлегелю. Лучшая публика Саксонской столицы собирается на его лекціи; всѣ знаютъ и говорятъ открыто, что онъ агентъ Австрійскаго правительства, и слушаютъ единственно изъ любопытства. Такъ и я. Онъ человекъ необыкновенно ученый и умный, и въ каждомъ урокъ сдѣлаешь нѣсколько замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, возбуждающихъ размышленіе, но и только. Впрочемъ онъ, кажется, слыш-

комъ надѣшся на свою знаменишость; предлагаешь свой основныя мнѣнія безъ доказательствъ, а когда говоришь о нашурѣ Бога, Ангеловъ, злыхъ духовъ, о возможности имѣть сообщеніе съ бѣсомъ, тогда бѣсишь и смѣшишь: въ Англии за такія дерзости его бы навѣрное освисшали, а, можешь бышь, и прибили. — Не лзя учиться и говоришь у Шлегеля, ибо онъ доказываетъ и чистаетъ не довольно соблазнительно.

Дрезденъ городъ довольно скучный: шемень, не чисишь, мертвъ. Въ городѣ много бульваровъ, особенно въ такъ-называемомъ *новомъ городѣ*, который выстроень въ новомъ вкусѣ и имѣетъ очень мало старинныхъ, или гошическихъ сданій. Какъ я удивлялся, увидя въ первый разъ Нѣмецкіе города съ ихъ спранной архитектурою и узкими, темными, кривыми улицами! Какъ бы вы подивились здѣшнему Королевскому дворцу или шакъ называемому замку, похожему болѣе на пюрюму, нежели на Королевскій домъ, особенно когда вспомнишь дворцы Петербургскіе! Впрочемъ здѣсь есть и хорошія сданія, какъ на пр. Каплическая церковь, Дворецъ правительства, церковь Св. Креста. Но всего лучше въ Дрезденѣ мостъ и Брюлевская терраса надъ Елбою: сюда лѣшомъ собирается къ вечеру весь beau monde любоваться восхижительнымъ видомъ въ обѣ стороны рѣки. — Если въ Дрезденѣ нѣтъ пищи для разсѣянности, шо много пособій для человека,

преданнаго ученью : огромная Королевская библио-
отека (120,000 томовъ прекрасно выбранныхъ
по вѣмъ часямъ), хорошія частныя библиоте-
ки для чтенія, много книжныхъ лавокъ, музеумъ
журналовъ почти вѣхъ, какіе есть на свѣтѣ,
безпрестанныя и скорыя сношенія съ Лейпцигомъ,
Франціей и Англіей, и много хорошихъ худож-
никовъ.

4 Іюня 1829. Дрезденъ.

Я былъ въ Веймарѣ. Изъ вѣхъ Нѣмецкихъ
городовъ, мною видѣнныхъ, это самый оригиналь-
ный : маленькой, удивительно чистой, нѣтъ
ни одного дома выше чѣмъ въ три этажа, на
улицахъ почти ни души, и когда вспомнишь, что
здѣсь жили величайшіе умы Германіи, Виландъ,
Гердеръ, Гёте и Шиллеръ, то невольно срав-
нишь его съ человѣкомъ размышляющимъ, уединеннымъ,
тихимъ и задумчивымъ. Этошь городокъ
былъ некогда Афинами Нѣмецкими; и теперь,
быть можеть, въ немъ лучшее Нѣмецкое обще-
ство. Я пробылъ тамъ дни полтора всего на все
однакожь меня успѣли представить Гёте. Онъ
важенъ, но ласковъ и еще необыкновенно живъ
по своимъ лѣтамъ. Гёте интересуется вѣмъ,
что касается до Россіи, читалъ вѣ, какіе есть,
Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе и Италіянскіе
переводы нашихъ стихотвореній, разспрашивалъ
меня, что переведено на Русскій съ Англійскаго

и съ Нѣмецкаго, и звалъ на другой день опять къ себѣ, но я могъ только благодарить его за приглашеніе; ибо былъ уже записанъ въ Дилжансъ. . . . Онъ уже вѣшкой шарикъ, уже выбралъ мѣсто для могилы подлѣ друга своего Шиллера; я видѣлъ это мѣсто. Видѣлъ и гробъ Гердера и Виланда; первой похороненъ въ Соборной церкви, Виландъ въ прекрасномъ помѣщеніи, которое прежде ему принадлежало.

Карльсбадъ. 16 Іюля 1829.

Прага городъ прекрасный, впрое больше и несравненно лучше Дрездена: наполненъ дворцами богатыхъ Богемскихъ господъ. Особенно замѣчательна одна часть его, называемая Рачинь (Градчина) и составляющая родъ кремля: тамъ огромный и красивый дворецъ Императора, Архіепископа, Графа Чериния и соборъ самой странной и красивой готической архитектуры, какую я видывалъ въ Германіи. Внутренность его вся изъ мрамора: рака Святаго Непомука, изъ лишаго серебра, поддерживаемая четырью Ангелами, также изъ лишаго серебра. Хотѣлъ бы я вамъ описать подробнѣе замокъ и садъ Валленштейна, домъ, гдѣ долго жилъ знаменитый Астрономъ Тихо-де-Браге, рассказать, какъ хорошъ видъ на Прагу съ Рачина и съ великолѣпнаго моста черезъ Молдаву; но это невозможно, не доставало бы почтоваго листа.

Прибавлю только одно, что Прага мнѣ показалась очень похожею на Москву: такое же множество церквей (ихъ слишкомъ 100, какъ намъ сказали), огромныхъ паршикулярныхъ домовъ, и наконецъ такой же песпроша народа, черни и значныхъ баръ, песпроша, которая была особенно разительна въ то время, какъ мы тамъ были, п. с. на праздникъ Св. Непомука. Это первый Святой у Богемцевъ, такъ какъ у насъ Николай Чудотворецъ, и пилигримы сходились въ Прагу со всѣхъ сторонъ, огромными толпами, въ праздничныхъ платьяхъ, съ пѣніемъ, хоругвями и статуей Непомука, наряженной какъ кукла: это показалось очень соблазнительно нашему Русскому человѣку.

Желаете ли вы знать что нибудь о Карльсбадѣ? Это маленькій городокъ, построенный въ ущельи горъ, надъ теплыми ключами, которые бьютъ изъ земли кипучимъ фонтаномъ. Здѣсь теперь слишкомъ 1500 проѣзжихъ, и въ этомъ числѣ пропасть Русскихъ; здѣсь также бывшая Императрица острова С. Доминго, жена Императора Христофа, убиваго въ шамошнюю революцію: она черна какъ смоль, но преумная, и прекрасно говоритъ по Французски и по Итальянски; — Здѣсь вѣчный шумъ: опъ шести часовъ утра до девяти вечера всѣ на улицѣ: пьютъ воду, гуляютъ, пьютъ кофе, гуляютъ, обѣдаютъ, гуляютъ, пьютъ кофе, гуляютъ, идутъ въ со-

бране и ложатся спать; и шакъ каждый день! Никто ничѣмъ не занимаешься, ибо занятіе строго запрещено медиками. — Но для меня лучше всей этой сумашохи здѣшнія горы: на нихъ не насмотришься, по нимъ почпо не нагуляешься. Вообще шакова вся Богемія отъ Терезіенштама до Саксонской границы. Г.

Третье письмо изъ Турціи.

Эносъ, 25 го Августа, 1829.

Я пишу къ тебѣ любезной другъ изъ Эноса, изъ сего древняго города, основаніе коего нѣкопорые приписываютъ Энею; другіе опровергая сіе мнѣніе, отыскиваютъ начало онаго во времена еще опдаленнѣйшія, доказывая свое мнѣніе тѣмъ, что въ исторіи Геркулеса часпо упоминается объ Эносѣ.

Я тебѣ скажу нѣсколько словъ объ Адриано-польской дорогѣ.

Простившись съ Некрасовцами (*), оставилъ я Ипеалу, и продолжалъ свой путь; — въ лѣвой

(*) Наши соотечественники встрѣчались съ Некрасовцами обыкновенно выговаривающъ имъ за расколъ и за побѣгъ ихъ изъ Россіи; по этому, если при встрѣчѣ съ Некрасовцомъ вы недѣлаете ему о сихъ двухъ предметахъ упрека, шо онъ расставаясь съ вами говоритъ; „прощай, спасибо, шо небрашилъ.“ —

сторонѣ видѣлись горы Текирдагъ, въ правой извивалась Марица, имѣющая ширину Москвы рѣки въ нашей столицѣ. Марица, получивъ начало въ Балканахъ, протекаетъ близъ Филиппополя и Адрианополя, и впадаетъ близъ Эноса двумя рукавами, изъ коихъ правой идетъ въ море, а лѣвой въ пространной Лиманъ, близъ города находящійся, покрытый частію камышемъ, и извѣстной въ древности подъ названіемъ озера Stentoris.

Марица въ лѣтнее время очень мелка, но въ половинѣ Ноября становится судоходною для мелкихъ судовъ; весною она разливается и наводняетъ пространные луга, близъ ея лежащіе. Съ большимъ нещербтѣемъ желали мы видѣть Эносъ, но большая коническая гора скрывала отъ насъ сей городъ.

Дорога между Адрианополемъ и Эносомъ довольно населена, хотя отъ прирѣчной стороны можно было бы ожидать большей населенности. Тутъ кешати замѣтишь, что народонаселеніе всей Европейской Турціи несравненно менѣе того, которое полагають всѣ географы; городовъ очень мало, деревни очень далеко отстоятъ одна отъ другой — и пространныя плодородныя равнины остаются невоздѣланными; пропорція, которую полагаали до сихъ поръ между жишелями Христіанскаго и Магомешанскаго исповѣданій, очень невѣрна, и число вшорыхъ увеличено.

Поднявшись на гору, мы наконецъ увидѣли Эносъ; онъ расположенъ близъ залива, кошорой заимствоваль у города свое названіе; на довольно большомъ возвышеніи построена крѣпость, состоящая изъ высокихъ стѣнъ и башенъ очень прочныхъ, и защищенная пушками разныхъ калибровъ. Вокругъ крѣпости расположенъ городъ, въ коемъ 1409 Греческихъ и 200 Турецкихъ домовъ; строеніе довольно хорошее, но улицы тѣсны. Жители занимаются торговлею, а бѣднѣйшіе перевозкою товаровъ изъ Эноса: они возятъ во внутренность Турціи, въ особенности въ Адрианополь, Филиппополь, Сливно, произведенія Анашоли и Архипелага: изюмъ, винныя ягоды, разные роды орѣховъ, лимоны, вина; а привозятъ сукна, оружіе, шерсть и проч. Въ Эносѣ есть Епископство; Архіерей, какъ и въ другихъ городахъ, пользуется большою властію.

Здѣшнія женщины славятся красошою; — число жителей очень убавилось послѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ семь городъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Достойно замѣчанія то, что въ Адрианополѣ не помнятъ, чтобы когда нибудь была чума, хотя она доходила со всѣхъ сторонъ весьма близко, напримѣръ до Демошики, въ 35 верстахъ отъ Адрианополя. Греки называютъ Эносъ Неносомъ. Названія многихъ городовъ, кошорыя мы находимъ на нашихъ картахъ, не упошребляющія въ Турціи; Адрианополь измѣшенъ

подъ именемъ Эдрене, городъ Родоспро подъ названіемъ Текирдага, Селимно или Сливна чаще называется Измирне. — Эноскую гавань посѣщаютъ мелкія торговыя суда разныхъ націй; для большихъ судовъ она очень неудобна; по причинѣ мелководья корабли, фрегаты и даже бриги должны споять въ 4 или 5 миляхъ отъ города; отъ южныхъ вѣтровъ она совершенно не защищена, что вмѣстѣ съ пиниснымъ группомъ дѣлаеть стояніе на якорѣ весьма опаснымъ, въ особенности въ осеннее и зимнее время, когда южные вѣтры дуютъ съ большою силою. Старанія мои отыскашь въ Эносѣ слѣды древностей остались щещными: вообще я замѣнилъ, что въ приморскихъ городахъ трудно найши изваянія, или куски мрамора съ надписями — ибо все то, что неупотреблено жителями на строеніе, легко перевозить моремъ въ другія мѣста. А во внутренности Турціи вы часто найдете въ садахъ огромныя мраморныя плиты, колонны и проч. М.

Иностранныя извѣстія.

Исслѣдованіе горъ Гималайл. Капитанъ Гербертъ, кошорому наука одолжена многими любопытными подробностями о высшихъ частяхъ сихъ горъ, въ прошедшемъ году перешель за Оота-Дюора, на границѣ Кишайской Татаріи; сей путь ведетъ къ Гершокгъ, городу, гдѣ нахо-

дится главный торговый рынокъ сихъ странъ. Онъ лежитъ на 17780 фузовъ выше морской поверхности. По немъ Европейцы не проходили еще. Дорога, къ нему примыкающая, только на два мѣсяца въ году проходима; а въ остальное время бываетъ занесена снѣгомъ. Она извиивается, на одинъ день пути, по гребнямъ, коихъ высота превосходитъ болѣе нежели 1000 фузовъ высшій предѣлъ для произрастанія кустарниковъ. Однако Татарскіе купцы вздять по ней, пока она не покрыта снѣгомъ и перевозятъ болѣе 360,000 килограмовъ соли на бараняхъ, которые служатъ единственными вьючными скотомъ на горахъ Гималайя.

Желѣзные дороги. Недавно предпринято устройство двойной желѣзной дороги, длиною въ 14 миль, для соединенія Глазгова съ Единбургомъ, по которой, менѣе нежели въ три часа пути, можешь сообщаться, съ помощію паровыхъ машинъ, народонаселеніе въ 200,000 человекъ съ народонаселеніемъ въ 170,000. — Издержки на подобную дорогу между Ливерпулемъ и Манчестромъ считаютъ въ 15 милліоновъ франковъ; но путь мѣстныхъ обстоятельства, и особенно необходимость большой подземной галлерей, требовали трудовъ весьма значительныхъ; а новая дорога, думаюшь, будетъ стоить втрое менѣе.

Извѣстія, замѣчанія, анекдоты.

Въ Карманной книжкѣ для любительей Русской старины и словесности на 1830 есть много замѣчательнаго. Зачѣмъ только издатель не доказалъ подлинности письма Иоаннова, и не описалъ рукописи? — Ксташи замѣшимъ слѣдующія ошибки въ прошлогодней, которую недавно случилось намъ увидѣть: Помбо Берюнда (с. 132), вмѣсто Памва Берюнда (сочинитель перваго словаря Славянскаго); Лавр. Сызаній (138), вмѣсто Лавр. Зизаній (соч. Слав. Грамматики); Ефраимъ Сирійскій вм. Ефремъ Сиринъ; лѣтопись о многихъ смутахъ и мяшежахъ вм. лѣтопись о мяшежахъ (шаково ея заглавіе); Адамъ Церникау вм. Черникавскій; тамъ же сказано о какомъ-то неизвѣстномъ, издавшемъ степенную книгу отъ 1533 по 1555 г. (? ?); — о лѣтописи какого-то Князя Симеона Курбскаго, и еще о какомъ-то Князѣ Андрей Ипановичъ Курбскомъ, описавшемъ завоеваніе Казани (между тѣмъ какъ былъ только одинъ писатель, Князь Андрей Михайловичъ Курбской), — о какомъ то Пап-рїархѣ Андрей и Монахѣ Катавассіѣ. —

Осудить писателя, положимъ, несправедливо, считается у насъ преступленіемъ; осудить, оскорбить цѣлую науку, искусство, (на пр. Исторію, Архитектуру, Музыку, Скульптуру), — ничего. — Какъ мало сроднились мы съ просвѣщеніемъ?

Говорятъ, что нѣкоторые наши журналисты, чтобы удержатъ на слѣдующій годъ своихъ подписчиковъ, приведенныхъ къ соблазну письмомъ Князя Вяземскаго (См. Деницу), намѣрены раздавать перчатки при своихъ книжкахъ.

Послѣ Августа, упала, говорятъ, Словесность Римская. Напрасно. Современники Квинтилиана и Плинія едвали не больше современниковъ Виргилія и Овидія наслаждались изящными произведеніями. Каждой вѣкъ имѣетъ свое достоинство и несправедливо превозноситъ одинъ на счетъ другаго. Вѣкъ критики, опчешистаго наслажденія, развѣ ниже вѣка произведеній творческихъ? —

Подъ Очаковымъ, кажется, убили Полковника Ельчанинова, молодаго человѣка лѣтъ 26. „Мы потеряли Фельдмаршала,“ сказалъ Князь Потемкинъ, получивъ это извѣстіе.

Каковы еще есть у насъ читатели!

Одинъ отъѣзжающій изъ Москвы прислалъ человѣка въ книжную лавку за всѣми нумерами журнала, на которій онъ подписался, — вдругъ за цѣлой годъ. — Сдѣлайте милость, говорилъ проситель, опустите намъ, мы ѣдемъ въ деревню, и проч.

Другой пришелъ за газетами во вторникъ. — Онѣ выходятъ по средамъ, отвѣчала раздававшій. —

Да хоть старухъ дайте: намъ вѣдь не газеты нужны, а бумага. — И это не выдумка! —

Нашъ пріятель С. живешь очень открыто, сказалъ кто по своему знакомому. О какъ же! опъвѣчалъ пошь, у него и домъ безъ крыши.

М. М.

Въ избѣжаніе затрудненій, происшедшихъ при пересылкѣ Моск. Вѣстника къ нѣкоторымъ особамъ въ прошедшихъ годахъ, Издапель нынѣ разослалъ къ нимъ билеты, съ коими благоволяшь онѣ поступать, какъ напечатано, то есть, предъ-являть въ Москву въ книжную лавку А. С. Шири-ева, прилагая свои адреса и 5 руб. за пересылку.

Въ V. N. на с. 85, с. 17 вмѣсто словъ „до сихъ поръ... допускающихъ“ должно читать „прежде да-же... допускавшихъ.“ Тамъ же, на с. 81, къ г примѣчанію должно прибавить: и Винкельманъ ду-малъ, что дома въ Помпей были обѣ одномъ эта-жѣ, такъ какъ и Римскіе сначала, кои послѣ ужъ, при Цезаряхъ, превратились въ огромные дворцы. Въ VI ч. пропущена строка послѣ 27 й: отношені-яхъ. Пораженіемъ прикоснувшаяся рука сообщила ей. въ VI N на с. 204 с. 14 буква и — лишняя.

Прилагаемая двѣ страниды принадлежать къ 5 N, вмѣсто напечатанныхъ тамъ съ ошибками.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлениы были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Марта 28 го дня 1830 года.

Ценсоръ Сергій Глинка.

лѣзнямъ и не всегда выдерживаютъ здѣшнія зимы; присмотру преобладающаго и неусыпнаго, и поному ихъ разводящихъ не многіе: вообще Молдаване не большіе хозяева — и въ семь отношеніи Русскіе по всей справедливости могутъ назваться ихъ учителями. Овечье мясо и сыръ, называемый ость разныхъ родовъ приготовленія: кашъ, урда, и брынза, въ большомъ употребленіи во всѣхъ сословіяхъ народа. Что называется здѣсь сыромъ, есть не что иное, какъ запеченный шворогъ, сохраняемый въ зиму посредствомъ соли. Лѣпомъ овцы пасутся на пространныхъ пастбищахъ Буджака; любятъ шѣнь холмовъ: преобладающаго проточной воды, и охраняются ость многочисленныхъ волковъ злыми собаками. На зиму имъ спавяютъ плетневые сараи, крытые соломой или камышемъ — и кормятъ заготовленнымъ кормомъ. Пастухи называются Чабанами; это совсѣмъ особенный родъ людей: рѣдко женаты; не шерпятъ избъ — и вообще поспояннаго жилья; укрываются ость суровости времени въ шалашахъ; питаются мамалыгой и брынзой; вина почти не употребляютъ и пьютъ обыкновенно овечье молоко. Всю лѣтнюю одежду ихъ составляетъ толстая рубашка, вываренная въ сыворошкѣ ость насѣкомыхъ; зимою только

надѣваюшъ онучи и шулупы. Они крѣпки, здоровы, беззаботны; съ помощью собакъ бьютъ волковъ; доятъ и стригутъ овецъ; варятъ и пригошовляютъ на зиму брынзу; копятъ деньги и разбогатѣвъ не перемѣняютъ ни рода, ни образа жизни: бывали примѣры, что эти чабаны оставляли до 5 пи тысячъ червонныхъ.

Буйволы въ большомъ употребленіи; шерстью черны и свирѣпы; молока даютъ больше коровъ, но вкусомъ оно непріятно; Молдаване однакожь его очень любятъ. Буйволы очень нѣжны; не шерчатъ ни холоду, ни жару: лѣтомъ укрываются въ рѣкахъ, а на зиму имъ строятъ теплые сараи.

Верблюды, приносившіе большую пользу прежнимъ жителямъ Буджака, Ташарамъ, совсѣмъ перевелись: остались только у любопытныхъ; ословъ и лошаковъ также не употребляютъ.

Цыганы водятъ многочисленныя стада козъ, копорыя ихъ питаютъ и одѣваютъ. На зиму Цыганы и козы укрываются въ лѣсахъ, гдѣ древесный листъ служитъ имъ пищею.

Желудки и корнями питаются свиньи, разводимыя во множествѣ поселками.

Въ сѣверныхъ цынухахъ многіе поселки имѣютъ по лѣсамъ, по городамъ,

пчелъ. Медъ добывается бѣлый, вкусный и ароматическій; но большихъ заведеній въ семь родъ нѣтъ.

У Болгаръ водятся шелковичные черви и выдѣлывается шелкъ; вѣроятно, со временемъ просвѣщеніе распространитъ сію отрасль промышленности. Теперь въ народѣ существуетъ странной предрасудокъ; шелководцы таятся, что у нихъ есть черви; заираются и ни за что ихъ не покажутъ любопытному, или постороннему: увѣряютъ, что безъ сей предосторожности черви переведутся. Должно полагать, что Турецкая алчность положила основаніе сей скрытности, которая со временемъ превратилась въ благопріятный червь и хозяевамъ предрасудокъ.

Все это скопководство еще не потребляетъ всей правы и сѣна необозримыхъ степей и луговъ Бессарабіи, и потому есть надежда, что оно значительно прибавится, когда откроются запертые источники земледѣльской промышленности, и съ образованіемъ распространится трудолюбіе и искусство.

Лѣсоводство. Отъ самаго Кишенева почти весь сѣверъ Бессарабіи покрытъ останками лѣсовъ; съ грустью и уныніемъ видишь теперь кусарникъ шамъ, гдѣ не задолго передъ симъ возвышались

величественные лѣса; прежде доставляли они мачты и корабельные бруссы, а теперь только обручи и сбодья. Не многіе сохранили строевыя деревья. Удивительно, какъ по сію пору еще не испребили слѣду лѣсовъ въ цѣлой Бессарабіи; ибо нѣшъ мѣста въ свѣтъ, гдѣ бы болѣе объ этомъ хлопотали. По присоединеніи, разрушительная рука войны, жадности и безпорядковъ прежде всего на нихъ обрушилась. Рубили гдѣ могли, и какъ могли, часно безъ всякой надобности; жгли ошъ небреженія; испребляли иногда изъ одного удовольствія испреблять. Не рѣдко встрѣчаешь въ лѣсахъ срубленные и оставленные деревья, уже вросшія вѣтвями въ землю.

Таково было временное испребленіе; понемногу водворилось болѣе порядка; собственности опредѣлились; и особенно Русскіе помѣщики, своею пользою наученные, принялись за сохраненіе лѣсовъ; Правительство съ своей стороны учредило форштмейстеровъ и завело плантаціи; какъ шѣ, такъ и другія принесли со временемъ, вѣроятно, большія пользы. — Со всѣмъ шѣмъ по обычаю, по образу жизни и по оставшимся злоупотребленіямъ, лѣсу въ Бессарабіи испребляется значительное количество. Всѣ мазанки въ селахъ деревянныя, и каждыя пять лѣшъ ихъ спроятъ вновь;

въ городахъ еще не ввелось всеобщее употребленіе камня и кирпича : и швъ и другія часто дѣлаются жерпвою огни. Около каждой хаты худо сдѣланной заборъ возобновляется каждые два года; поля обнесены плетнями для предохраненія ихъ отъ скота, пасущагося по всему помѣстью. Цыганы, кочуя по лѣсамъ, испребляютъ ихъ пожарами и рубящъ деревья, чѣмъ лишкомъ накормить своихъ козъ ; въ засуху за недостаткомъ кормовъ поселяне стояющъ свой скотъ въ лѣса и слѣдуютъ примѣру Цыганъ. Сверхъ того разныя деревянныя работы, дрова для жишелей и для войскъ, пронырство монополистовъ, безпечность хозяевъ, заботливостъ рѣзшей, шалаши для кордоновъ и винокурни угрожаютъ Бессарабіи совершеннымъ недостаткомъ въ лѣсѣ, если не будутъ приняты правительствомъ и просвѣщенной пользою частныхъ благомыслящихъ людей должныя мѣры для отвращенія сего зла.

Оспашки лѣсовъ Бессарабскихъ еще величественны : по скаламъ горъ возвышающіяся огромныя тѣнистыя дубья и вязы ; сънолиственный кленъ, высокая черешня, кошорой пирамидальная вершина весною одѣта бѣлыми цвѣтами, а лѣтомъ усыпана красными плодами. Между ними стройный тополь, прясучая

осина, душистые липы, снабжающія медомъ пчель; дикіе плоды лѣсныхъ грушъ, яблонь, сливъ, штерновника, употребляющагося жипелами для разныхъ квасовъ; ясенъ и кизиль, замѣняющій лимонъ, шелковица, караичъ и дерево писовое, не уступающее въ оидѣлкѣ красному и множеству другихъ полезныхъ и красивыхъ деревьевъ наполняютъ, или наполняли лѣса Бессарабіи. Весною лѣса покрыты цвѣтами и разносятъ въ воздухъ ароматъ, неизвѣстный въ нашихъ сѣверныхъ странахъ.

Садоводство. Съ небольшимъ стараніемъ можно всю Бессарабію превратить въ обширный садъ. При Туркахъ рѣдкой селянинъ не имѣлъ уголка, засаженнаго яблонями, грушами или виноградника; особенно рѣзечи отличались садоводствомъ. Еще теперь многія опустѣлыя мѣста, покрытыя мшистыми плодовыми деревьями, вокругъ копорыхъ вьются одичалыя лозы, свидѣтельствуютъ успѣхи садоводства и шеперешній его упадокъ. Бендерскіе сады, поступившіе въ казну, заглохли и обратились въ лѣса. Солнце въ Бессарабіи гребетъ почти всѣ Европейскіе плоды; персики и абрикосы распусть въ грунтъ безъ прикрытія. Прозрачныя Бендерскія яблоки, называемыя домнешты, по вкусу, запаху, прочноспи и величинѣ, безспор-

но лучшія въ Европѣ. Черешня бѣлая и красная; вишни, груши, бергамоты, особенно сливы всѣхъ родовъ удивляющіе своимъ изобиліемъ. Арбузы и дыни покрываютъ обширныя бахчи. Грецкіе орѣхи и шелковица разводятся съ большимъ успѣхомъ; въ нѣкоторыхъ садахъ показывающіяся миндальныя и фиговыя деревья; въ Кишеневѣ въ саду Г. Инзова распустился кустъ хлопчатой бумаги. Махровая, душистая, бѣлая акація поднимается скоро и служитъ не послѣднимъ украшеніемъ здѣшнихъ садовъ; ей обязанъ грязной Кишеневѣ своимъ красивымъ видомъ и ароматической атмосферой: розовая и желтая акація распустились кустарникомъ. Разнаго рода цвѣты, какъ-то: роза ценшифолія, лилія, піоны левкои, макъ, песпряны сады охотниковъ. Малина, смородина, (кромѣ черной), крыжовникъ и душистые кустарники попадаются на каждомъ шагу. Садъ въ деревнѣ боярина Сандулки въ 40 верстахъ отъ Кишенева и садъ де Карро подъ городомъ, недавно разведенные, доказываютъ, что можно сдѣлать въ семь родѣ. Должно однакоже прибавить, что всѣ эти кустарники, цвѣты и плоды (кромѣ винограда), служатъ для домашняго употребленія и для удовольствія, но никакой еще существенной хозяйственной пользы не приносятъ; и хозяева, кошо-

рые предприняли разводить сады изъ торговых видовъ, весьма ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Винодѣліе. Природа, обидѣвъ южную часть Бессарабіи лѣсами, хлѣбомъ и водами, все сіе вознаградила виноградомъ: песчаный грунтъ, холмистое положеніе, открытыя мѣста и палящій зной способствуютъ его зрѣлости. Лучшие сады около Аккермана; Измаильскіе разводятся также съ большимъ успѣхомъ. Всѣ хозяева южной Бессарабіи занялись сею важною отраслью землѣдѣлія. Лозы выписываютъ изъ Адабешнъ (въ Молдавіи), изъ Крыма и даже изъ Франціи; масперовъ вообще хорошихъ еще нѣтъ, хотя въ колоніяхъ венгрѣчающагося отличные винодѣлы, но ихъ, неизвѣстно почему, оставляютъ въ праздности; даже погребовъ недѣлаютъ: но со временемъ и не большой заботливостью и шому и другому скоро научатся: гдѣ промышленность и образованность идутъ вверхъ, тамъ частная польза быспро пріобрѣтаетъ нужныя свѣденія.

Виноградники преимущественно располагаютъ по восточному скату холмовъ, предполагая, что шолько упреннее солнце животворно. При собираніи винограда, шуть же производятся и выжиманіе вина; нужна хорошая погода: въ прошивномъ случаѣ вино шеряетъ свою

прозрачность и окисаешь. Послѣ уборки лозы пригибають къ землѣ и закапываютъ; въ этомъ положеніи онѣ проводятъ зиму, иногда весьма холодную. Весною виноградъ опрысываютъ, обрѣзываютъ и привязываютъ къ шпичинкамъ. Черезъ нѣсколько времени показывается цвѣтъ; и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, иногда ранѣе, виноградъ готовъ. Жаркое и сухое лѣто ему благопріятствуетъ; въ дождливое виноградъ водянистъ и вино не надежно. Болѣзнямъ и невздамъ виноградъ почти ни какимъ неподверженъ: саранчи не боится, онъ холоду предохраняется окапываньемъ, жары ему полезны: съ трудолюбіемъ и умѣньемъ виноградъ открываетъ неизчерпаемую руду благосостоянія и богатства области.

Вино дѣлается двухъ родовъ: красное и бѣлое; послѣднее предпочитаютъ первому. Ни того, ни другаго не лзя сравнить съ Французскими, или Рейнскими, тонкими винами; трудно надѣяться, чтобъ со всевозможнымъ стараніемъ и успѣхомъ Бессарабія произвела вино, не уступающее Бургондскому или Шампанскому; довольно, если успѣетъ замѣнить вмѣстѣ съ Крымскими обыкновенныя споловыя вина, получаемыя въ большомъ количествѣ Россією изъ-за границы. Время не прибавляетъ Бессарабскому вину достоинства; напрошивъ оно

рѣдко держинся долѣе двухъ лѣтъ, но это должно приписать пеперешнему образу его приготовленія. Дурное вино подправляютъ полынью; нѣкоторыя дѣлаютъ выморозки, которыя очень вкусны, крѣпки и долго сохраняются, но не весьма здоровы въ употребленіи. Довольно странно, что жители сохраняютъ свое вино въ глиняныхъ кувшинахъ, увѣряя, что въ стеклѣ оно поршился: эпошъ предрасудокъ должно отнести къ лѣнивому почтенію шарыхъ обычаевъ и къ неискусству въ купоркѣ.

Виноградные сады дѣлаютъ напоганы; погань заключаетъ въ себѣ 400 кусковъ, каждый кусокъ кругомъ даетъ $\frac{1}{2}$ ведра. Обыкновенная цѣна ведра отъ $\frac{1}{2}$ до 2 левовъ; обработка погана стоитъ не болѣе 80 левовъ: изъ сего заключить можно о выгодахъ винодѣлія. Безъ спѣсительной Днѣспровской линіи, и безъ опкуповъ два препятствія, изъ которыхъ послѣднее уже уничтожено просвѣщенною заботливостію Г. Палена, виноградники покрывали бы уже большую часть Бессарабіи.

Соль, одно изъ значительныхъ произведеній Бессарабіи. Между Аккерманомъ и Измаиломъ, вдоль морскаго берега, находятся обширныя соляныя озера, на поверхности коихъ соль заспы-

ваешь слоями. Въ жаркое лѣто, особенно въ засуху, сборъ соли бываетъ обильнѣе: въ дождливое и холодное напрошивъ. Озера сіи принадлежатъ казнѣ и ежегодно употребляется значительное количество рукъ на ихъ разработку. По удовлетвореніи области, оставшая соль переправляется большою частью за Днѣспрь; жители однакожь предпочитаютъ соль каменную, добываемую изъ Галиціи и Валахіи.

Рыбная ловля. Сосѣдство Днѣстра, Дуная и моря, множество большихъ и малыхъ озеръ и рѣчекъ въ области, и всегдашняя возможность сдѣлать прудъ, открываютъ жителямъ обильный и богатый источникъ промышленности въ рыбной ловлѣ. Икра Дунайская разошлася въ большомъ количествѣ, но уступаетъ доброшою Донской и Уральской. Въ Вилковѣ и Киіи на Дунаѣ ловится и приготавливается множество сельдей, которые замѣняютъ съ успѣхомъ Голландскихъ и не уступаютъ въ качествѣ бѣломорскимъ. Прочія рыбы, наполняющія Бессарабскія воды, ничего не имѣютъ особеннаго и составляютъ постную пищу народа и часть дохода помѣщиковъ.

Жители Оргея пользуются изобиліемъ лѣса и жгутъ уголь; они отправляютъ его въ Одессу, Аккерманъ и Из-

маилъ , гдѣ весьма нуждаются дровами ; особенно сей послѣдній городъ , котораго жители употребляютъ въ топливо Дунайской камышъ и бурьянъ . Во всякое время года всѣ дороги на соль покрыты огромными корузами (или Молдаванскими фурами) въ 10 и 12 воловъ съ угольемъ .

Касательно издѣльевъ Бессарабіи имѣетъ только самыя простыя : жители сами себя одѣваютъ ; въ народѣ , кромѣ Цыганъ , никто почти не занимается никакимъ рукодѣльемъ ; ремесленниковъ мало , ремеслъ еще менѣе ; хлѣбопашество въ цѣленахъ . Все , что требуется искусства , ученья , или машины , — того здѣсь и спрашивать нечего . Въ Кишеневѣ одинъ Грекъ завелъ фабрику Гермесушовъ , — полушелковая матерія , много употребляемая Молдаванами , — но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданію ; его издѣлья не сравнялись даже съ Турецкими ; фабрика Чембера , или набишой кисей , имѣла имѣла ту же участь : вѣроятно , и та и другая скоро уничтожилась . Сукна , косы , ножи , спекла , экицажи , однимъ словомъ , самыя необходимыя потребности въ домашнемъ быту , получаются изъ-за границы . Помѣщики не заводятъ винокурень , но недоспанку мастеровъ , и вся водка получается изъ Польши . Вообще рукодѣльную промышлен-

ленность надлежитъ здѣсь создать, или по недоспашку вѣрныхъ и надежныхъ для сего средствъ, предоставишь времени, которое при хорошихъ началахъ все усовершенствуешь, и положишься на частную пользу лицъ, которая рѣдко обманывается.

Торговля. Всякая торговля основана на мѣнѣ: Бессарабія, богатая произведеніями земли и скотоводствомъ, но бѣдная со стороны руководственной промышленности, ведетъ дѣятельную торговлю съ соседними землями, безъ помощи коихъ она обойтись еще не можетъ. Окруженная шрема Имперіями, владея судоходствомъ Днѣстра и устьемъ Дуная, богатая своимъ климатомъ, Бессарабія природою вещей назначена занимать значительную роль въ всемирной торговлѣ. Порты Ренскій и Измаильскій всегда наполнены чужеземными кораблями, приходящими за хлѣбомъ, шерстью и саломъ; въ 1825 число ихъ возросло до 300. Измаилу недостаешь только торговой свободы и Г. Ришельё, чтобъ превзойти даже Одесу; ибо его положеніе, при устьѣ одной изъ величайшихъ рѣкъ въ Европѣ, даетъ ему большое преимущество надъ безводною, обнаженными степями окруженною, Одессою. Въ Россію Бессарабія опускаетъ множество вина, соли и

уголья; въ Австрію гонимъ скотъ и лошадей; Турки закупаютъ значительное количество хлѣба, масла, сала и кожъ.

Всѣ спальные и желѣзные вещи, нужныя для земледѣлія и домашней жизни, Бессарабія получаетъ изъ Австріи; всѣ пошребности роскоши изъ Австріи и Россіи. Турція и Греція снабжаютъ только бакалейными вещами и курительнымъ шабакомъ. Всю водку, здѣсь употребляемую, везутъ изъ Подоліи.

Не лзя положиться на здѣшнія промышленности, — но по всѣмъ расчетамъ цѣнность привозимыхъ товаровъ не составляетъ $\frac{1}{3}$ доли вывозимыхъ; остальные $\frac{2}{3}$ доплачиваются наличными деньгами. Видимо, что торговый балансъ въ пользу Бессарабіи; но эти суммы въ ней не остаются, ибо нѣтъ внутренней торговли, которая бы ихъ прищивала и удерживала. Одна часть сихъ денегъ, собранная податями и налогами, поступаетъ въ массу Государственныхъ доходовъ, которые простираются до 3 милліоновъ; другая и большая половина проживается достачными помещиками въ Столицахъ Россіи, но болѣе въ Вѣнѣ и Германіи. Въ годъ почти весь оборотъ 10 милліоновъ входящихъ; ибо вся масса обращающихся торговыхъ капиталовъ Бессарабіи не превосходитъ

15 мил., а область остается по прежнему без капиталов и въ бѣдности.

Последнее доказывается дешевизною всѣхъ вещей здѣшняго произведенія и рѣдкостью товаровъ привозныхъ, особенно металловъ. Казенный процентъ на деньги $10\frac{0}{0}$; частный $12\frac{0}{0}$; но множество ростовщиковъ, которые подъ вѣрный закладъ дають по $3\frac{0}{0}$ и по $4\frac{0}{0}$ на мѣсяць, доказываютъ и безденежье и недоверчивость общества. Сей отрасль промышленности; — которая почитается еще безчесною въ Россіи, занимаются не одни Жиды, но почти всѣ, имѣющіе деньги: правда что такихъ не много. Впрочемъ капиталы здѣсь хозяйственны, но честно употребленные, хотя и прибыльны, но особенныхъ барышей не приносятъ. Разными спѣшеніями, о которыхъ я буду говорить ниже, промышленность и торговля пораженны бездѣйствіемъ; свободное поле оставлено только ростовщикамъ и монополистамъ. Они умѣють пользоваться возвышеніемъ и пониженіемъ, часто искусственнымъ, цѣнъ, особливо курса; и придають торговымъ дѣламъ какую-то наружную быстроту и дѣятельность, которая въ существѣ своемъ безплодна, и со вредомъ цѣлому обществу полезны только нѣкоторымъ.

Внутренняя торговля, какъ и выше сказано, не обширная; ибо производятся одними необходимыми потребностями и почти вся находится въ рукахъ Жидовъ и Грековъ.

Безъ всякаго сомнѣнiя, торговые обороты Бессарабiи, и при перешедшемъ положенiи промышленности, могли бы быть обширнѣе и выгоднѣе; хотя торговый балансъ, удовлетворяющiй многихъ на счетъ торговли и въ ея пользу, но край со времени сего баланса, т. е. со дня учрежденiя таможенъ по Днѣстру и Прусу, болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Входящiя деньги не окупаются; капиталы не укореняются; торговля предпрiятiя не распространились; фабрикъ не заводятъ. Съ другой стороны земледѣлiе не улучшилось, скотоводство убавилось, проценты поднялись и многiя произведенiя земли пропадаютъ впустъ.

Такъ какъ нѣтъ дѣйствiя безъ причины, то я изложу нѣкоторыя, мнѣ извѣстныя, могущiя удовлетворить людей безпристрастныхъ: другiе заранѣе рѣшились ни чѣмъ не убѣждаться.

Кордоны и карантинныя есть необходимое и почти природное спѣшенiе здѣшной торговли, ибо лучше поспрадать карманомъ, нежели здоровьемъ; но тѣмъ осмотрительнѣе и осторожнѣе должно прiступать къ ихъ употребле-

нію. Въ Бессарабіи напроливъ: по Пру-
пу карантинны никогда не снимаюцца ;
не взирая на примѣръ сосѣдственной
Австріи, которая свѣдуель прошивной
мешодъ и имѣеть чуму гораздо рѣ-
же, нежели Бессарабія ; по Днѣпру ка-
рантинны учреждають безъ всякой на-
добности и когда еще чума на Дунаѣ ;
безпреспанное существованіе карантин-
на въ Могилевѣ, когда вся прочая линія
открыта , затрудняеть только сооб-
щенія и не имѣеть за себя ни какого
даже предлога.

Таможни, облегающія со всѣхъ сто-
ронъ Бессарабію, наносятъ неописанный
вредъ промышленному и торговому
благосостоянію области. Легко себѣ пред-
ставитъ затрудненія и потерю денегъ
и времени купца , который шагъ сдѣ-
лаеть не можеть на семь маломъ про-
спранствѣ , чшобъ не ушкнущься въ
таможню или карантинъ. И какой ино-
странецъ повезеть сюда свои повары,
ибо еще не проданные должны окупить
ихъ значительной пошлиною; а распро-
дашь ихъ съ барышомъ по бѣдности
края и по дѣятельности конпръ-банды,
надежды не представляеть. Русской та-
рифъ можеть бышь полезенъ спранъ
обширной и богатой разнообразными
произведеніями, а не Бессарабіи, нужда-
ющейся въ первыхъ потребностяхъ про-

мышленности и задавленной излишкомъ грубыхъ произведеній земли. Выгода Бессарабіи заключается въ большомъ количествѣ вывоза, котораго не будетъ безъ большаго привоза; и то и другое можетъ только произойти въ Бессарабіи отъ совершенной свободы торговли. Нынѣ торговля слишкомъ обширна, чтобъ производить ее одними мешаллами.

Днѣстровская линія таможенная и карантинная бесполезна для Россіи и особенно гибельна, при шеперешнихъ обстоятельстввахъ, для Бессарабіи; ибо лишаетъ ее выгоды свободнаго сообщенія съ обширными областями Имперіи. Таже линія, перенесенная на Пруть, убавила бы всякаго рода злоупотребленія, и усилила бы предосторожности противъ чумы и контръ-банды.

Одинъ случай изъ тысячи покажетъ, какъ можно уронить промышленность, самую укоренившуюся. При Турецкомъ владѣніи и до самаго введенія Русскаго тарифа, многіе Венгерскіе владѣльцы, особенно Армяне, гоняли свои многочисленные табуны лошадей и рогатаго скота въ Бессарабскія степи и платили большія суммы за выпасъ. Въ послѣдствіи, сообразуясь съ системою тарифа, это запретили, — и теперь значительное количество сѣна луговъ и степей пропадаетъ безъ пользы. Въ до-

бавокъ приказано было Армянамъ, весь свой скопъ немедленно изъ Бессарабіи вывезти; испуганные запрещеніемъ тарифа свободно выводить лошадей, многіе Русскіе подданные воспользовались симъ случаемъ, и подъ именемъ Армянскихъ, вывели и свои шабуны. Симъ способомъ все скоповодство, особенно конные заводы, потерпѣли значительный ущербъ. Послѣдовавшее въ 1826 году позволеніе выводить лошадей за границу, его не поднимешь; ибо кромѣ испытанной трудности возстановить упавшую отрасль промышленности и торговли, огромная пошлина препятствуетъ дробнымъ оборотамъ въ семь родъ и ровняется запрещенію.

Дѣланіе новыхъ дорогъ, сопряженное съ безпорядками, и разнаго рода злоупотребленія, не мало препятствовали успѣхамъ земледѣлія. Люди, опорванные въ рабочую пору отъ своихъ полей, часто оставляли или землю не вспаханною, или хлѣбъ не убраннымъ. Вотъ уже три года, какъ трудятся надъ дорогами и мостами, и все еще ничего не сдѣлано.

Безпечность помѣщиковъ, не занимающихся ни своимъ хозяйствомъ, еще менѣе благосостояніемъ своихъ поселянъ; напрошивъ, многіе ихъ еще приписываютъ или разоряютъ процессами. Особенно спрраждуютъ рѣзени; ихъ безъ

жалости и безъ прегяшства грабятъ богатые помѣщики, копорымъ они по несчастію сосѣди. Время уходитъ, деньги шрапятся, а земля осшаешся необработанною.

Говорить ли о поссессорахъ, копорыхъ по всей справедливости названъ можно пѣвицами здѣшняго края: они сосупъ деньги, поль и кровь несчастнаго селянина. Навимая селеніе на два, много на три года, поссессоръ предлагаетъ всё стараніе свое выбратьъ деньги съ барышомъ: всѣ способы ему для сего равны. Самый короткій и вѣрный, и къ которому разумѣется прибѣгаютъ всего чаще, это коммиссаръ и экзекуція. Онъ не заботится, что селянинъ, у котораго продали послѣднюю корову, поидеть по міру; онъ честный поссессоръ, заплатилъ деньги помѣщику, и завтра поидеть шорговать другую деревню. Еще менѣ хлопчеть онъ о хозяйственныхъ заведеніяхъ; у него для сего нѣтъ ни свободныхъ денегъ, ни времени. Рѣшительно можно сказать, что Бессарабія не престанеть спрадать, доколѣ не прекратится язва поссессоровъ. На эту шашью, такъ какъ и на многія другія въ помѣже родѣ, еще никто не обращалъ вниманія.

Откупъ водочный по крѣпостямъ, городамъ и казеннымъ селеніямъ со-

средоточилъ торговлю сію въ рукахъ Жидовъ и опшерь всѣхъ прочихъ. Кромѣ сего общаго вреда, монополія возымѣла свое частное дѣйствіе: казенныхъ поселянъ обираютъ Жиды; а помѣщичьихъ разоряютъ процессами за кормчество, которое не изгребимо.

Большая пошлина на виноградное вино, также опкунаемая, и многочисленныя затрудненія на Днѣспрѣ при вывозѣ въ Россію, препятствуютъ сей отрасли промышленности развернуться свойственной ей дѣятельностію. Запрещеніе ввозить Молдавскія вина стѣснило жителей, но не замѣнило для пользы промышленности домашняго налога.

Непостоянство погоды здѣсь чувствительнѣе, нежели гдѣ нибудь: засуха на Буджакѣ часто обманываетъ надежду земледѣльца; сильныя вѣтры и градъ не рѣдко опустошаютъ обширныя поля; въ сѣверныхъ частяхъ Бессарабіи иногда жалуются на излишекъ дождей, отъ которыхъ подгниваетъ хлѣбъ на корню. Для винограда необходима хорошая погода во время уборки; безъ чего вино не получаетъ свойственной ему крѣпости и скоро окисаетъ. Но зло ужасное въ здѣшнемъ краю — это саранча. Природа извергла ее во гнѣвъ своемъ; на ея крыльяхъ написано: бичъ.

К Р И Т И К А.

Русскія Книги.

Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго, составленное Профессоромъ Историческихъ наукъ . . . И. *Кайдановымъ*. СПб. въ Тип. Мед. Деп. Мин. Вп. дѣл. 1829 ва 8-ку, 469.

У насъ очень мало учебныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, по Исторіи преимущественно.

Можешь быть эгоистъ недостатковъ происходить отъ скромности нашихъ писателей, почитающихъ всю важность учебной книги, всѣ трудности, съ сочиненіемъ ея сопряженныя, — но учащіяся, которыхъ число, слава Богу, умножается у насъ безпрестанно, терпящія, нуждающіяся въ руководствахъ, . . . следовательно честь тому, кто ошлотивъ самолюбіе въ сторону, рѣшается, въ ожиданіи лучшаго, сколько нибудь замѣнить недостатковъ, и пособить жаждущимъ просвѣщенія.

Россійскую Исторію мы получили только отъ Главнаго Правленія училищъ (прекрасная книжка въ свое время, которой самъ Шлецеръ отдавалъ справедливосшь), отъ Гг. Строева и Констаншинова. Г-нъ Кайдановъ издалъ новое, полнѣйшее, начерта-

віе, и оно въ показанномъ отношеніи заслуживаетъ всякую похвалу. —

Какъ есть три разряда городовъ, (Уѣздные, Губернскіе, Столицы), судебныхъ инстанцій (Суды, Полашы, Сенатъ), такъ есть и три разряда училищъ (уѣздныя, Гимназіи = Семинаріи, Университеты = Дух. Академіи), и три курса ученія. *Нагертание*, судя по объему и языку, предназначено, кажется, для ученія гимназическаго. Въ Гимназіяхъ должно проходить Исторію, употреблю простое выраженіе Шлецера, вдоль, (въ Университетахъ поперекъ); по есть: въ Гимназіи должно узнать всё происшествія, составляющія *содержаніе* Исторіи, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ этомъ смыслѣ удовлетворительна вторая половина *Нагертанія*, отъ Іоанна III до нашихъ временъ. Всѣ главныя происшествія исчислены ясно, вѣрно, хотя и безъ оцѣнокъ, хотя часто и на ряду съ маловажными.

О первой части, древней Исторіи, этого сказать ни какъ не лзя: всѣ ложныя понятія, господствовавшія въ Россійской Исторіи до нашего времени, о какъ-то гюриковой монархіи, о какихъ-то столицахъ, о какомъ-то благоустроенномъ правительствѣ, о какихъ-то политическихъ видахъ и ошибкахъ первыхъ Князей полудикихъ, о какихъ-то правахъ на тило Великаго, о какомъ-то героизмѣ, о какой-то мудрости, о какомъ-то гражданскомъ про-

свѣщеніи, всѣ сказки объ умерщвленіи Аскольда и Дира, спасеніи Кіева юношею, повшоряющія безъ малѣйшаго измѣненія; удѣльныя междуусобія, украшенныя милосердіемъ Мономаха, единовластіемъ Андрея, темны и запутаны. Жалѣемъ, что Авторъ не навелъ здѣсь сколько нибудь новой краски, предложенной въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ многими нашими испышателями. (Не говорю ужъ о Гизо и Тьери, которые, вѣрно изображая сословіе Франціи и Англіи въ 9 и 10 вѣкѣ, государствѣ, имѣвшихъ гораздо болѣе средствъ для образованія, подтверждающъ побѣдоносно наши доморощенные догадки и новыя мнѣнія, и изливають, по аналогіи, яркой свѣтъ на нашу древнюю Исторію).

Авторъ долженъ былъ также прибавить главу о нашихъ лѣтописяхъ и другихъ матеріалахъ, потомъ о критическихъ изслѣдованіяхъ, то есть, показавъ своему взрослому ученику происхожденіе той книги, которая ему предлагается.

Нужно бы также, для лучшаго уразумѣнія, краткое обзорѣніе происшествій въ тѣхъ Государствахъ, съ которыми Россія была въ связи, на пр. Греческихъ, Лишовскихъ: (при первомъ извѣстіи о Лишовцахъ не сказано даже объ ихъ происхожденіи).

Изъ частныхъ недостатковъ и ошибокъ замѣтимъ для примѣра:

„Свяшославъ отправился въ Россію, Печенеги встрѣтили его у Днѣпровскихъ пороговъ. Онъ вступилъ съ ними въ бой. Ушомленное ошъ долгаго пуши войско его было разбишо, и самъ онъ былъ убишь (11).“

Нѣтъ. Святославъ на пуши изъ Болгаріи остался зимовашъ, не доходя до Днѣпровскихъ пороговъ, и уже въ слѣдующую весну былъ убишь (см. Нестора и Карамзина).

Говоря о введеніи въ Россію Христіанской вѣры Владиміромъ, Авторъ прибавляеть: „здѣсь шакже видны благодѣшельныя дѣйшвія самодержавнаго правленія, ибо при ограниченномъ правленіи и благонамѣреннѣйшій изъ Государей неуспѣлъ бы произвести шаковой важной и благотворной перемѣны въ своемъ Государствѣ (17).“ — При Владиміртѣ небыло никакого понятія о различіи правленій не только въ Россіи, но и ни въ какомъ Европейскомъ Государствѣ. Всѣ стихіи Государственныя вездѣ были въ хаосѣ, и правленія прочныя стали утверждашья только съ 15 столѣтія; у насъ эта слава принадлежишь Іоанну III: слѣдовашельно упоминашь уже объ ограниченномъ правленіи въ 10 вѣкѣ — ешь анахронизмъ.

До 1224 Россія раздѣлена была, говоришь Авторъ (49), на чешыре главныя части: Великое Княжеское Кіевское, В. К. Владимирское, К. Новгородское и К. Смоленское.“ А Черниговское,

Переяславское, Галицкое? Припомъ сія части, сколько бы ихъ ни было, были непостоянныя; и гораздо почтѣ Авшоръ сказалъ бы: въ эшо время сильнѣйшія княженія были шакія - шо.

Въ числѣ внѣшнихъ враговъ никакъ не лъзи ужасныхъ Половцевъ ставишь рядомъ съ слабыми Волжскими Болгарами (50).

„При шаковомъ сокрушеніи Россіи (ш. е. завоеваніи Монголами) одинъ Новгородъ уцѣлѣлъ, и симъ *счастіемъ* своимъ одолженъ былъ своему Князю Александру (61),“ Неправда. Монголы сами не хотѣли покорить Новгорода и ворошились домой съ пуги своихъ завоеваній.

„Даніиль отдѣлялъ Княжество Галицкое отъ прочихъ Россійскихъ Княжествъ, и ввелъ оное въ систему западныхъ Европейскихъ Государствъ (65).“ Нѣшъ. Даніиль не *отдѣлялъ*, и не могъ отдѣлять Галицкаго Княженія, а шолько по сосѣдству имѣлъ больше сношенія съ Польшею и Венгрією, чѣмъ съ ошдаленными княженіями Россійскими. — Система западныхъ Государствъ — выраженіе не точное: шогда западныя Государства дѣйшвовали еще порознь, и не составляли никакой системы. „Искусно уклонившись отъ вліянія Хановъ. . . сей Князь именовалъ себя Королемъ Галицкимъ (тамъже).“ Нѣшъ. Самъ Карамзинъ (IV, 113) говоритъ: „хотя (Даніиль) не могъ совершенно избавиться отъ ихъ (Монголовъ) свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ на-

деждою , что его пошомки будуть счастливые... Сія надежда не совсѣмь обманула Данила : его преемники рабствовали менте иныхъ Князей Россійскихъ“ и проч. — Королемъ же Данила наименовалъ Папа Иннокентій IV. — „Вѣроятно“ говоритъ Карамзинъ (IV, пр. 56), что Иннокентій въ 1246 году назвавъ Данила Королемъ , предлагалъ ему діадиму , но что сей Князь , тогда ошвергнувъ ее , принялъ оную чрезъ шесть или семь лѣтъ.“

„Послѣ мученической кончины Михаила , племянникъ и врагъ его , Георгій , будучи провозглашенъ Великимъ Княземъ , утвердилъ свое пребываніе въ Москвѣ , соединивъ Владимирское Княжество съ Московскимъ (68).“ — Какъ — Георгій! Это сдѣлалъ меньшій братъ его , Іоаннъ Калиша.

„Іоаннъ (Калиша) положилъ въ Россіи основаніе единодержавію“ (71). Нѣтъ , — или по крайней мѣрѣ не непосредственно. Калиша былъ только что властолюбивѣе , счастливѣе своихъ предшественниковъ , а не имѣлъ мысли о спасительномъ единодержавіи , что видно изъ его завѣщанія.

„Димитрію Донскому наследовалъ сынъ его , Василій , а по сему достоинство великокняжеское было уже какъ бы наследственнымъ въ домъ Князей Московскихъ (79).“ Не по сему , а по торжественному договору Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Серпуховскимъ (*).

(*) Самая любопытная и важная Государственная грамота изъ всѣхъ древнихъ , до насъ дошедшихъ.

„Тамерланъ . . . страшный уже побѣдами въ Азіи, Африкѣ и Европѣ . . . вторгнулся въ Россію (80).“ Гдѣ же въ Европѣ?

Убийцею Димитрія Царевича почитаютъ вмѣстѣ съ другими не Калачева, а Качалова. — (Рецензентъ думалъ, что это опечатка, но послѣ увидѣвъ, что и въ другомъ мѣстѣ имя напечатано также).

„Москвитяне . . . впустили Гешмана Жолкевскаго въ Москву, и содѣлались жертвою его вѣроломства (176).“ — Какою жь жертвою? — Мъры великаго Жолкевскаго были очень благоразумны, умѣренны и благодушельны. Въ вѣроломствѣ грѣхъ обвиняеть его.

„Тѣло (Петра Великаго) сподло непогребеннымъ до 8 Марша.“ Оно было не погребеноослишкомъ шесть лѣтъ. Похороны совершены 10 Марша.

Есть общія мѣста, на примѣръ: „Царь“ (Иоаннь Грозный, среди всѣхъ жестокостей) „въ часы уединенія скорбѣлъ и проливалъ слезы объ Анастасіи. Сія дань, приносимая имъ добродѣтели, примиряеть его съ челоувѣчествомъ (131).“ — Нѣтъ — не примиряеть.

„Ночь была мрачная и бурная, лиль дождь. Иршышь, волнуемый сильнымъ вѣтромъ, шумѣлъ въ крутыхъ своихъ берегахъ. Сія картина природы и усталость погрузили Ермака и сподвижниковъ его въ глубокой сонъ (137).“ Развѣ только усталость.

Слогъ чистый, правильный, даже краснорѣчивый иногда, но ему не достаешь вообще простоты и исторической точности.

Вотъ что Рецензентъ почиталъ себя обязаннымъ сказать о начертаніи Г. Кайданова. Онъ удивляется, почему наши Профессоры Исторіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ издаются журналы, не сказали ни слова о новомъ руководствѣ. Журналистамъ публика извѣрилась, но мнѣнія столькихъ ученыхъ приняты были бы въ уваженіе, ибо въ большинствѣ навѣрное заключалась бы истина. — Сія мнѣнія были бы полезны и для учителей, которые учатъ по этой книгѣ, и для почтеннаго Автора, которой безъ сомнѣнія воспользовался бы ими въ свое время. Подъ начальствомъ безсмертнаго Муравьева, понимавшаго всю важность своей должности въ Государствѣ, всю святость просвѣщенія, умѣвшаго уважать высокой санъ ученаго и съ опеческою пѣжностію воспитывавша юные таланты, Московскій Университетъ издавалъ *ученыя вѣдомости*, въ коихъ знаменитые Профессоры того времени съ такимъ достоинствомъ и пользою поучали своихъ соотечественниковъ разбирая выходившія сочиненія. — Почему же теперь нѣтъ? М. П.

С М Ъ С Ъ.

Объ учрежденіи школъ въ Южной Америкѣ.

Письмо Ланкастера къ Издателю журнала : el columbiano.

Каракасъ , 9 Августа 1826.

Я желаю, почтенный другъ, издать въ свѣтъ письмо, писанное ко мнѣ отъ Генерала Боливара; ибо я увѣренъ, что всѣ благомыслящіе съ удовольствіемъ узнають согласіе сего ревнишеля ко благу общему на предложенія, сдѣланныя мною въ прошедшемъ году. Я отъ него ничего не требовалъ для самаго себя, но для того города, въ коемъ онъ родился, для Венеціалы, для Колумбіи и даже для всей южной Америки; издержки, нужныя для выполненія моего плана, очень умѣренны, если мы сравнимъ ихъ со всеми выгодами, которыя произойдутъ отъ того для блага Америки, и которыя не могутъ существовать безъ всеобщаго распространенія просвѣщенія.

Въ письмѣ моемъ къ Президенту Колумбійскому я имѣлъ честь ему предложить мои дополненія къ начертанію плана воспитанія въ семь городовъ. Мое мнѣніе — чтобы всѣ желающіе обуча-

лись безденежно, и я увѣренъ, что такимъ образомъ ученіе будетъ переходить отъ отца къ сыну, какъ наслѣдіе.

Я изъяснилъ также въ письмахъ моихъ способы для распространенія нашей системы воспитанія во всей республикѣ, и для убавленія издержекъ въ снабженіи школъ всѣмъ нужнымъ. Подробности сіи заняли бы много страницъ въ журналѣ; но короче, я показалъ средства распространить просвѣщеніе во всей Колумбій, подобно какъ солнце озаряетъ всю ея поверхность, дабы со временемъ не было ни одного невѣжды въ цѣлой націи — я присоединилъ къ моимъ предложеніямъ планъ школы нормальной для обученія учителей всѣхъ странъ Республики, и для распространенія знаній во всей арміи, дабы всѣ войны опечества Боливара сдѣлались со временемъ спольже знамениты своею образованностію, сколько и своимъ мужествомъ.

Все прочее въ письмѣ моемъ относилось къ вѣщимъ успѣхамъ тѣхъ наукъ и искусствъ, для преподаванія коихъ уже взяты нѣкошорыя мѣры. Колумбія гордится своимъ юношествомъ, способнымъ ко всему, одареннымъ отъ природы талантами необыкновенными; еслибъ воспитаніе развилось въ немъ сіи дарованія, то оно бы безъ сомнѣнія доказало, что жители этой страны достойны того мѣста, которое они занимають между націями; что они равны имъ во всѣхъ отношеніяхъ.

яхъ и можетъ быть превосходить ихъ въ шѣхъ знаніяхъ, которыя составляютъ богатство и украшеніе обществъ.

Въ продолженіи трехъ сполѣшій Испанская Америка сносилась почти единственно съ своею метрополіей, и политика ея завоевательная состояла въ сохраненіи невѣжества между колоніями и воспрепятствованіи имъ во всякихъ сообщеніяхъ съ народами образованными. Вотъ причина, побудившая Испанскаго Короля не согласиться на просьбу ошца Генерала Ескалона и воспрепятствовать ему учредить въ нашемъ городѣ Академію Матемашики. Но наконецъ настали времена счастливейшія и Боливаръ всѣми силами поспѣшествуетъ успѣхамъ просвѣщенія.

Я не требую переменъ ни въ уставахъ церкви, ни въ ученіяхъ нравственности; я не хочу быть основателемъ сектъ и вся моя цѣль дѣлать по возможности добро; я не распространяю новыхъ мнѣній, никогда эшимъ не былъ и никогда не буду, и я не смѣшиваю своей вѣры, своихъ обязанностей съ политикою; но не возможно, чтобы человекъ мыслящій, желающій блага человечества, не радовался великимъ нравственнымъ переменамъ, великимъ выгодамъ, полученнымъ значительною частію человеческого рода отъ естественнаго хода вѣка, и чтобы онъ не удивлялся всемогуществу Провидѣнія, Которое провоз-

гласило народамъ цѣлаго полушарія: будьте мудры и счастливы.

Не имѣя ни какого сообщенія съ Европою, исключая одну Испанію, страна сія не знала вѣтъ изобрѣшеній, вѣтъ усовершенствованій, которыми гордятся Европейскія Государства. И этого одного не доставало жителямъ Колумбіи, чтобы дополнить ихъ достоинство въ лѣтописяхъ ума. Они нуждаются въ людяхъ свѣдущихъ, которые бы могли усовершенствоваться между ними земледѣліе, показали имъ средства ушучивать нивы, открыли бы вѣ сокровища, которыя хранятся въ недрахъ ихъ земли, и научили ихъ извлекать пользу изъ произведеній этой страны. Наконецъ они нуждаются во вѣтъ необходимыхъ знамѣняхъ, кои до сихъ поръ имъ были неизвѣстны.

Вотъ вкратцѣ содержаніе моихъ писемъ къ президенту Колумбіи; въ оныхъ своемъ онъ хвалилъ мои настрѣнія, мое трудолюбіе, мои собственные пожертвованія и обѣщаетъ мнѣ осуществить мое желаніе. — И такъ я рѣшился вѣтъ возможными средствами привести мой планъ въ исполненіе.

Вѣтъ молодые люди Каракаса, по крайней мѣрѣ сколько могутъ помѣститься въ моемъ домѣ, будутъ воспитываться безъ всякой плахи и будутъ получать награды, каждый по своему достоинству. Отъ нихъ требуется единственно соблюденіе нѣкоторыхъ правилъ касательно поведе-

нія и прилѣжнаго посѣщенія классовъ. — Такъ долго, какъ я буду имѣть средства содержать себя и достойныхъ молодыхъ людей, мною принявшихъ, кои будутъ обязаны Боливару своею нравственностію и своими познаніями, я не опишану оцѣ предпріянія, для котораго я пожертвовалъ собою и коему съ восторгомъ посвятилъ свои старанія, свои слабыя свѣденія, и свои денежныя пособія.

Не окончу сего письма, не сказавъ еще нѣсколько словъ о моемъ семействѣ, которое современемъ будетъ цѣлымъ обществомъ Профессоровъ. — Я надѣюсь въ немъ найти лучшую награду за всѣ труды мои для юношества другихъ Государствъ, — мои воспитанники могутъ служить прекраснымъ образчикомъ національнаго характера. Во мнѣ нашли они отца и друга и, благодаря имъ, домъ мой превратился въ храмъ счастья — я съ гордостію обращаю взоры свои на мое отечество, и говорю Англій и всей Европѣ: — мои Колумбійцы исполняютъ меня радостію, и подобно Корнелии, я могу выказать свои сокровища. —

И такъ я теперь утвердился въ своемъ намереніи и не оставлю отъ него; предубѣжденія другихъ, которые сначала противились моему предпріянію, мало по малу исчезли. Было время когда, вмѣсто должной мнѣ благодарности, мнѣ отказывали въ пособіяхъ, нужныхъ для открытія пер-

вой моей школы. — Теперь же я имѣю все, что мнѣ сперва недоставало; для преподаванія основныхъ наукъ, я обладаю такимъ собраніемъ сочиненій, которое едва ли имѣеть подобное въ южной Америкѣ — по крайней мѣрѣ оно никакому другому не уступитъ; я нашелъ покровителей во всѣхъ людяхъ ученыхъ, и возведенныхъ въ достоинство. — Имъ приношу я искреннюю мою благодарность, и снова именемъ Бога клянусь, не оставить этого мѣста, для котораго онъ меня назначилъ, клянусь безпрепятственно исполнять возложенную имъ на меня обязанность, пока сыны Колумбіи не почувствуютъ всѣхъ благъ, коими Всевышній наградишь ихъ посредствомъ слабыхъ моихъ дарованій.

Да будетъ миръ и счастье съ Колумбією. — Вотъ искреннее желаніе друга всѣмъ добрымъ гражданамъ и юношеству сей земли.

Иозе Ланкастеръ.

Римскій Карнавалъ въ 1850.

П и с ь м о 4 е.

Помните ли вы, друзья мои, рассказъ мой о первыхъ впечатлѣніяхъ Рима? Онъ предсталъ мнѣ важнымъ, угрюмымъ, не привѣтливымъ старцемъ, котораго одну только мысль повторять безпрестанно — строгую мысль о смерти. Не удиви-

песь ли вы, когда я вамъ скажу, что за эшимъ старикомъ водятся страшныя проказы, что онъ шалишь и веселился до безумія, какъ пылкій, неосторожный юноша? — Всѣ эти пороки Рима открылъ мнѣ шумный карнаваль.

Не буду вамъ до малѣйшей подробности описывать этого праздника, споль известнаго изъ многихъ описаній, и рассказаннаго такъ исправно сладострастнымъ пѣвцомъ Римскихъ Элегій, который свѣдлую эпоху любви праздновалъ въ Римѣ. Сообщу вамъ одно общее его впечатлѣніе, нѣкоторыя спатиистическія извѣстія, и доставлю случай замѣтить черты характера народнаго, который преимущественно обнаруживается въ общественныхъ зрѣлищахъ.

По увѣренію всѣхъ старожиловъ здѣшнихъ; Римской карнаваль весьма много утратилъ отъ своего прежняго блеска. Прежде, въ это время, не встрѣчалось почти ни одного лица на Корсо, — все маски; нынѣ напротивъ: маски стали рѣдки, а все видишь лица. Обычаю прежнему болѣе вѣренъ простой народъ, который всегда, въ этомъ отношеніи, отличаетъя постоянствомъ передъ прочими сословіями. Прежде богатыя и знатныя фамліи Рима, извѣстнѣйшіе художники сочинили живыя картины, которыя въ огромныхъ ландо, нарочно для сего пригошювленныхъ, прогуливались по Корсо. Преданіе говоритъ до сихъ поръ о смерти Сократа, объ Олимпѣ, гдѣ блес-

шли все красавицы Рима, и Кацова распочина свое воображеніе, о Сапирь, написанной на сей Олимпъ поэзою Джирарде, о стихахъ въ честь красавицы, изображавшей Прозерпину:

*Si nel inferno ci fosse un tal viso,
L'inferno diventerebbe paradiso.*

Все проходитъ. Замѣчательно, что въ Римѣ искореняются все древніе обычаи. Къ празднику Рождества Христова уже не шрашатъ денегъ на пригошовленіе восковыхъ картинъ, которыя изображали рожденіе Спасителя и учреждались художниками на балконахъ домовъ и въ церквахъ. Въ день Крещенія не пугаешь дѣшей, и въ овощныхъ лавкахъ не даришь ихъ сластями страшлищная Вехана. Главная причина такихъ измѣненій есть бѣдность, доводящая народъ до крайности. Не смотря на сіе, однако, онъ вѣренъ своему веселому, свободному характеру и на Карнавалъ забываетъ свое горе.

По прежнему, въ субботу передъ недѣлей Карнавала, въ два часа по полудни, раздаешь звонъ Капитолійскаго колокола, и Римъ, скинувъ личину строгой важности, превращается въ безумнаго, киплящаго повѣсу-юношу.

Передъ все-ожиданнымъ звукомъ въ залъ Капитолія совершается старинный обрядъ (*): Се-

(*) Происхожденіе этого обряда мы не знаемъ, но мы постараемся объ немъ развѣдать.

набору Римскому (*) старшины Жидовъ приносятъ подашь и читають родъ клятвенной присяги. Прежде въ обычаѣ было, что Сенаторъ давалъ толчка главному старшинѣ, и Жиды вмѣсто лошадей бѣгали по Корсо: пынь толчокъ дѣлается однимъ знакомъ, а Жиды, замѣнивъ себя конями, до сихъ поръ плашаютъ за эшо подашь (**). По совершеніи обряда Сенаторъ и его свита, предшественные отрядомъ войсковыхъ музыкантовъ и драгуновъ съ пестрыми знаменами, сходящъ съ лѣстницы Капитолія и въ золоченыхъ каретахъ совершаютъ торжественное шествіе по Корсо.

Лишь только въ два часа ударитъ колоколъ, неперпѣливыя маски высыпають изъ домовъ, какъ пчелы изъ ульевъ. Во всѣхъ улицахъ, переулкахъ, на площадяхъ, пуччинелли, пальасы, арлекины, адвокаты, графы, графини и разные костюмы. Всѣ возрасты отъ ребенка до старика маскируются. Все торопится на гульбище. Весь Корсо устланъ пескомъ, окна и балконы завѣшаны матеріями, прощуары уставлены стульями, на пло-

(*) Въ Римѣ отъ блестящаго древняго Сената осталась только одна развалина, одинъ безсмысленный Сенаторъ.

(**) Замѣчательно еще подашь, прежде платившаяся Жидами за позволеніе ходить не въ ворота Тивольты, а въ особенную калитку, которая для нихъ нарочно была сдѣлана. Не смотря на презрѣніе къ Жидамъ, они весьма важный народъ въ Римѣ, ибо въ ихъ рукахъ вся Римская торговля. Имъ отдѣленъ особый кварталъ, называемый ghetto.

щадихъ помосты для зрителей, переулки ограждены солдатами. Вдоль всей улицы отъ площади народной (piazza del popolo) до Венеціанской (piazza di Venezia) шянется непрерывная двойная цѣпь экипажей, заложенныхъ парами (четверней здѣсь не знаютъ), не блестящихъ, но полныхъ веселымъ народомъ, маскированнымъ, костюмированнымъ, или въ обыкновенномъ нещегольскомъ нарядѣ, котораго не допускають самые обычаи неопрятнаго праздника. Въ каждомъ экипажѣ корзины съ букетами и конфектами разнаго рода (*). На иныхъ кучера одѣшы въ женское платье или Пьеро, или въ Арлекина съ колпакомъ и погремушками. Вошь коляска, наполненная сѣрыми париками! Вошь другая съ Веспалками. Вошь компанія Арлекиновъ! Вошь всѣ дѣйствующія лица Оперы Карраджіо! Вошь большія дроги, убранныя гирляндами, съ шолпою матросовъ, палящихъ всюду градомъ муки и мѣла! Вошь опочаенные забіяки, въ блузахъ или въ гадкихъ сюршугахъ съ засученными рукавами, въ забралахъ, съ нѣсколькими пудами конфекшъ, дерзко выѣзжаютъ на ратное поприще! Вошь цѣлая семья — и дѣти въ разныхъ нарядахъ: пальсами, гусарами, Греками, съ полнымъ удовольствіемъ, безсильными ручонками кидаютъ конфекты въ знакомыхъ и незнакомыхъ!

(1) Сражаются не хорошими, а дурными конфектами, которыхъ ѣсть не льзя. Это шарики, похожіе на градъ, изъ мѣла и муки. Ихъ покупають по 20 коп. фунтъ.

Вотъ красавица укрываетъ въ глубокое ланцо и лицо и шляпку ошь боеваго ливня, и вытерпѣвъ пріятную пытку, съ шоржественною улыбкою поднимаетъ изъ него букешъ, и взоромъ, слегка кивушымъ, награждаетъ любезнаго цвѣтпомешателя!

Посреди улицы, промежь карешъ и въ прочихъ промежуткахъ, медленно движется шѣсная толпа народа. Сквозь нее мимо экипажей шмыгаютъ, суешаяся, бѣгаютъ, хохочуть, дерущаяся, кричатъ, пищатъ безумныя маски. Тутъ Поэшь рассказываетъ стихами свои несчастія, мужъ ревнуетъ жену и жалуется на *cavalier se-vente*, Диогенъ съ фонаремъ ищетъ челоуѣка, докторъ предписываетъ лекаршва, Французъ хвалился Парижемъ на дурномъ Французскомъ языкѣ, кривляется пальясь, мущина въ плащѣ женскомъ кокетничаетъ смѣшно и глупо, слонъ изъ хобота сыплеть конфекшны, медвѣдь пристаешь къ карешамъ, кошъ, ходя на двухъ ногахъ, ласкаетъ лапами проходящихъ; пьяница шатаешся съ бушылкой, кормилица носится съ моськой, укутанной вмѣсто дшянши, фокусникъ объявляетъ о пусканіи шара, рыцарь гуляешъ съ своей дамой, пульчинелло тащитъ развалившуюся куклу ш. е. мершвый карнавалъ (2), другой ѣстъ макароны, третій у него ихъ крадетъ, Коломбины бѣгаютъ съ Арлекинами, около нихъ Пьеро, какъ бѣлые

(2) Это бываешъ въ послѣдній день.

призраки, всѣ фарсы Италіанскія въ лицахъ, дуры ножницами опрѣзываютъ пуговицы у мужчинъ и хохочутъ, безумные бьютъ народъ лопашками (3), Графы и Графини (Contee Contesse) въ платьяхъ прошлаго столѣтія любезничаютъ, Турки и Греки въ щегольскихъ костюмахъ расхаживаютъ съ трубками, шолпы домино въ курносыхъ атласныхъ маскахъ и проч. и проч. Со всѣхъ сторонъ слышны голоса: *luoghi! luoghi!* (мѣста! мѣста!) Со всѣхъ сторонъ суевливые разношники кричатъ: *confetti! confetti!* Съ балконовъ сыплются *confetti* градомъ. Встрѣтились два знакомые экипажа, началась пальба съ обѣихъ сторонъ, кидаютъ прямо въ лицо другъ другу, — и мука и мѣлъ вѣютъ по воздуху. Рашоборцы всѣ запачканы съ головы до ногъ: не въ обычаяхъ боньшона быть опрышнымъ на карнавалѣ. Красавицамъ, особамъ интереснымъ, бросаютъ букеты и *confetti* хорошія; въ прочихъ градомъ мѣла, не смотря ни на блондовыя шляпки, ни на щегольской костюмъ, который еще болѣе раздражаетъ кидающихъ.

Эшо гулянье, киданье, бѣганье продолжается отъ 2-хъ до 5-ти часовъ. Внезапно на трехъ площадяхъ: Венеціанской, Колоній и Народной раздаются первые выстрѣлы (*mortaletti*), предвѣщающіе конецъ кашанья и конный бѣгъ. Борьба и

(3) Эшо знакомиваетъ древній Луперкалія.

безуміе раздражаются предѣстіемъ близкаго конца наслажденію. Раздались вторые — и карешы очищаютъ Корсо. Тогда толпа пѣшеходцевъ покрываетъ всю улицу — и маскарь полная воля бѣсишься; но наслажденіе длится не долго. Отъ площади народной до Венеціанской протѣзжаетъ конница въ зивъ близкаго бѣга и возвращается оплодъ вскачь. Народъ шѣснился къ прошуарамъ и улица очищается, но все еще не совсѣмъ. Солдаты, распавленные вдоль всего Корсо, принуждены ружьями удвигать неосторожную толпу къ стѣнамъ домовъ и, удвинувши, насильно вымести остальныхъ пучинелми и арлекиновъ съ Корсо, устѣяннаго пескомъ и дрянными конфектами, ибо хорошія, упавшія случайно на земь, не ускользнули отъ зоркаго вниманія жадныхъ бирбачони (повѣсь).

Вошь, кажется, улица ужь совсѣмъ очисти-лась нѣшь еще Какая нибудь бѣшеная маска перебѣзгаетъ на другую сторону, не смощря на угрозы стражи, и на то, что шого и гляди промчатся кони. Неперпѣливые зрители высовываются изъ рядовъ и смощряють жадно на народную площадь: не несущся ли желанные бѣгуны? Солдаты поминутно уравнивають прикладами подвижные строи народа, всегда гошоваго сорвашься съ узды, всегда буйнаго и забывчиваго въ веселіи. Ходить и прыгать нѣшь волн: давай кричань! Пробѣжишь ли собака вдоль

чистаго Корсо: свистанье, чарканье, рукоплексканія отлушаютъ бѣдное животное, которое съ стыдомъ прокрадывается въ шѣсныя ряды народа. Любопытно въ сію минуту бытъ на народной площади, противъ самой перспективы Корсо, у обелиска, опколѣ пускаются лошади: это называется *la mossa* (спускъ). Здѣсь любопытно видѣть, какъ мало по малу очищается далекая, живая перспектива высокой улицы, уславленная съ обѣхъ сторонъ народомъ, и какъ приводятъ буйныхъ неустойчивыхъ коней на ризпаллице. Сіе зрѣлище послужило предметомъ для кисти Гораса Верне. Его картина въ Парижѣ.

Вотъ возвратилась конница. По данному знаку, являются расписанные, украшенные золотомъ, легкіе бѣгуны, къ бокамъ коихъ привязаны колючія крылья, повуждающія ихъ къ бѣгу. . . Не успѣли поставить ихъ вровень передъ веревкой, не успѣли опустить оной, какъ они, неотягченные сѣдоками сорвавшись съ рукъ, и попрысая жгучими крылами, помчались по Корсу до площади Венеціанской. . . Вместе съ ними съ тойже быстротою проносятся вдоль всей улицы гуль восхищеннаго народа. . . Бѣгущихъ впереди встрѣчаютъ рукоплексканіями, оставшихъ свистомъ. . . У конца площади Венеціанской холстъ, повѣшенный въ ширину улицы, служитъ преградой неукротимому бѣгу. . . Удальцы хватаютъ коней на лешу или за хвосты, или за колю-

чія крылья — и кони вмгъ смиряются. Хозяевамъ побѣдителей послѣ осмидневнаго распанія раздаются разныя награды, изъ коихъ большая прощирается до 80 піаспровъ (400 рублей).

Это веселіе продолжается въ теченіи 8 дней т. е. до среды на первой недѣли Поста, исключая двухъ воскресеній и пятницъ, и постепенно возрастаетъ отъ простой забавы до безумной шалости. Въ первый день только накрапають конфекты и маски кой-гдѣ видны. Въ послѣдній сыплются онѣ ливнемъ, маски сходящъ съ ума и всѣхъ обуываетъ какое-то пьяное веселіе. Въ шпорникъ послѣ бѣга, когда наступитъ ночь, зажигаются Моколетши. Весь народъ, экипажный и пѣшій, со свѣчами въ рукахъ, шумитъ другъ у друга. Вдоль всего Корсо, отъ ценпра гулянья — дворца Русполи, средошочія всѣхъ интрагъ, всего безумія и веселія, по обѣимъ сторонамъ разливается живой, бѣгучій огонь по окнамъ, балконамъ и улицѣ. Съ вышнихъ этажей на низшія опускають на струнахъ плашки, чтобы шумитъ свѣчи своихъ ашиподовъ. Дамы съ шюю же цѣлію выскакивають изъ экипажей; мужчины бросаются въ экипажи; съ балконовъ шестами машуть на зажженные рычаги въ коляскахъ, до которыхъ низкимъ пѣшимъ достать трудно; употребляютъ все утонченнѣйшіе способы шуменія, и при всякомъ успѣхѣ свистъ, гамъ, хохотъ и крики senza moscolo! срамають пошухшую коляску. Зрѣлище не-

подражаемое!.. Но въ восемь часовъ, мгновенно, весь Карнаваль потухаешь, — и мракъ и тишина снова воцаряются по Корсо... Вместо рѣвки огня, бѣдно горятъ не многіе фонари... А бѣшеный, запачканный воскомъ, полусозженный народъ шорошится въ Festino допировать послѣдніе часы, чтобы не ошдашь ихъ даромъ жадному посту, уже грозящему своею роковою, унылой полночью.

Прошелъ и Festino; не болѣе какъ въ часъ очистился огромный театръ, вмѣщавшій тысячи шумнаго народа... Все успокоилось; все ужинаешь семейно, встрѣчая спротивъ посты... и заупра Римъ снова ошрезвился, снова воспріялъ свою прежнюю важность, и веселья, какъ будто, не бывало! Ни одинъ слѣдъ объ немъ не напомнишь: шакъ незамѣнешь сей переходъ ошъ буйства къ покою. Народъ покорно идешь въ храмы, — и священники, означая пепломъ сожженныхъ костей человѣческихъ крестъ на челахъ, ошягченныхъ парами вчерашняго веселія, грозно повторяюшь: *Memento homo, quia pulvis es et in pulverem reverteris.* (помни человѣкъ, что ты прахъ и въ прахъ возвратишься.)

Веселіе искренно; радость и вино открываютъ душу; праздники обличаютъ характеръ народа.

Нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни одного народнаго торжества, которое содержало бы въ себѣ

шакую жизньъ, шакія стихи драматическія, какъ Римскій карнаваль. Ъздитъ, ходитъ, созерцать на гуляньѣ, не довольно для пылкихъ Италіанцевъ; имъ надо кидашься конфектами. Мало съ зажженными свѣспильниками гулять по Корсу: надо шушишь ихъ другъ у друга. Вездѣ борьба, вездѣ драма, дѣйствіе рукъ. Вѣрно Италіанская пословица: *giocchi dei mani-giocchi dei villani* есть соллецизмъ и невѣрный переводъ съ Французскаго: *jeu de mains — jeu de vilains*, ибо *villano* значить мужикъ, а не негодай. — На нашихъ гульбищахъ довольствуются однимъ созерцаніемъ: емошрѣшь на блескъ экипажей, увидѣшь наряженную красавицу, зѣвать на народъ, встрѣчать знакомыхъ — вошь удовольствіе. Здѣсь мало видѣшь красавицу, — надо закидашь ее цвѣтами; мало поговорить съ пріятелемъ, — надо забросать его мѣломъ и выпачкашь.

Нигдѣ нѣтъ такой свободы, непринужденности, такого устраниеніа всѣхъ церемонныхъ приличій свѣща, какъ на карнавалѣ Римскомъ. Всѣ сословія уравниваются веселіемъ, и всѣ вмѣстѣ. Вы имѣете право кидать конфекты во всякаго, даже незнакомаго; въ васъ кидаютъ люди изъ прошаго народа — и глупо бы было обидѣшься. Всеобщій свистъ наказаль бы вашу гордость. Ъдете на гулянье въ самомъ дурномъ платьѣ, ибо хорошаго жаль марашь мѣломъ, или въ самомъ уродли-

вомъ костюмѣ, — и ни кто васъ не осудитъ. Спавъше за карешой, сядъше съ кучеромъ, напыкайте дюжину маленькихъ дѣтей на всѣхъ углахъ раскинушаго ландо, — ни кто не усмѣхнешся: все это въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Ни кто не отличаетъ ни экипажемъ, ни конями, ни плашемъ, — а оригинальностію костюма можно заслужить всеобщія рукоплесканія. Всюду совершенное отсутствіе этой спорогой чинности, охлаждающей всякое веселіе. Все дурачатся публично, въ глазахъ всего народа, безъ ложнаго стыда. Бѣдный веселится шочно также, какъ и богатый, ибо у послѣдняго отняты даже средства къ тому, чтобы похваляться передъ немущимъ. Полиція весьма мало вступаетъ въ дѣла веселящихся. Не смотря на шаковую вольность, не видно ни пьянства, ни непристойныхъ дракъ. Весьма замѣчательно, что иностранцы, прѣзжающіе въ гости къ Римлянамъ принимаютъ участіе въ ихъ праздникѣ, и не умѣющіе примѣняться къ обычаямъ народа чуждаго, попадаютъ въ неприятности. Французы и Англичане, кидая конфектами въ проѣзжающихъ, до того забываются, что невинную шалость Италіанцевъ превращаютъ во вредъ, — и отъ ихъ невѣжливости вспухли губы у нѣкоторыхъ красавиць. Два Француза изъ-за конфектъ вышли на дуэль. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ вздумалъ похвастаться Азіатскою роскошью и бросалъ мѣдныя деньги въ народъ —

и за то былъ освиспанъ (*). Народъ кричалъ ему: коль ужъ бросаешь деньги, — такъ бросай серебряныя. Одинъ Англичанинъ ударилъ солдата, который едва не прокололъ его штыкомъ ружья. Такъ школьники, выпущенные изъ школы на балъ къ Югелю, забываются и проказящъ до безумія, считая шалость всюду позволенною, вѣтъ ихъ пансіона.

Разумѣется, праздникъ, заключающій въ себѣ столько драматическихъ сшихій, долженъ вести и къ драматическимъ развязкамъ. Не проходило почти ни одного дня безъ непріятнаго случая. Разъ конница проѣхала черезъ женщину, по несчастная осталась жива. Лошадѣ кинулась въ толпу народа и ранила челоуѣка. Слышно было объ шрехъ убійствахъ, изъ которыхъ одно всего ужаснѣе: жена зарѣзала мужа за то, что онъ ходилъ съ другою. Всѣ сіи убійства, какъ и большая часть совершаемыхъ въ Италіи, причиняются ревностію (**). Карнавалъ, поприще интригъ, разумѣется, болѣе раздражаетъ сей губительный, врожденный ядъ въ сынахъ сладострасшнаго юга.

(*). Свиспомъ Римляне наказываютъ всѣхъ. Освиспали Короля Неаполитанскаго за то, что онъ опоздалъ на ядлюминацію храма Св. Петра и позволилъ дождю вадить ее; освиспываютъ и кучеровъ на карнавалѣ, коль они дурно правятъ лошадями; освиспываютъ примадонъ, собакъ, лошадей, не удавшійся фейерверкъ, джіостру и проч.

(**) Въ шой странѣ, гдѣ ревность ужасна, допускаются кавальеры *serventi*. Объясните етъ прошиворѣчія.

Къ тому же вспомнимъ, что игры льва опаснѣе игръ зайца.

Карнавалъ весьма не нравится Римскому Правительству, которое всегда въ раздорѣ съ народомъ. Не смотря на то, оно не можетъ его уничтожить. Кроме того, что такихъ праздниковъ пребудетъ характеръ Италіанской, — Карнавалъ, привлекая иностранцевъ, оживляетъ Римъ торговлею. Одни confetti могутъ прокормить не малое число черни. Посему Правительство насильно уступаетъ народу Карнавалъ, какъ необходимый, полезный грѣхъ; но за то ужъ и очищаетъ его процессіями. Оно, кажется, позволяешь своей буйной паствѣ въ теченіи восьми дней ошѣтисья за цѣлый годъ съ шѣмъ, чтобы послѣ безпечности и легче управлять ею. Жрецы алтарей не преспаютъ однако убѣждать жителей въ томъ, что этошъ праздникъ не благоугоденъ Богу, и, если случится во время онаго дурная погода, то въ своихъ рѣчахъ выславляютъ ее свидѣтельствомъ явнаго негодованія Божія. Нѣкоторыя благородныя фамиліи чуждаются сихъ забавъ, — и матери семействъ зашворяютъ своихъ дочерей дома. Постныя старички, ищущіе спасенія, уѣзжаютъ въ окрестности Рима въ гости къ монахамъ. Народъ, не смотря на поученія, веселился безъ умолку и въ самый сильный дождь, какъ то было нынѣ въ четвергъ, подъ зоншикомъ бѣжитъ въ костюмъ на свое милое гульбище. Не смотря на

дождь настоящий, ливень мѣла и муки сыпался также быстро и часто. Странно было видѣть кучи зонпиковъ, двигавшихся вдоль Корсо подъ небомъ, жаряшно ненаснымъ.

Судя по тому, что въ Римскомъ карнавалѣ ни мало не участвуетъ духовное Правительство Рима, что ему не предшествуетъ ни одинъ обрядъ религіи, что сей праздникъ совершенно выходитъ изъ подъ ея вѣдомства, — ясно, что происхожденіе его должно быть языческое, и что Римской карнавалъ есть одна изъ блестящихъ развалинъ древней жизни, какъ пантеонъ, Колизей, гробница Метеллы, но развалина, украшенная многими подробностями новѣйшими (*).

Р. С. Кромѣ гулянья по Корсо, во время Карнавала бываетъ много другихъ удовольствій. Главное изъ нихъ Festino или публичный маскарадъ въ театрѣ Alibert, какъ и всѣ маскарады вообще, но оживленный вольностію. Здѣсь соединяются всѣ сословія; не различаютъ классовъ въ удовольствіи. Кто платитъ, тотъ и веселился. Богатые въ удовольствіе могутъ имѣть ложу, что гораздо удобнѣе; но и это дешево.

Кромѣ двухъ обществъ музыкальных, о которыхъ я говорилъ въ прошедшемъ письмѣ, въ

(*). Никто изъ Антикваріевъ Италіанскихъ до сихъ поръ не написалъ Историческаго разсужденія объ Карнавалѣ. Я освѣдомился у одного ученаго, — и онъ мнѣ отвѣчалъ отрицательно.

Римъ существующъ еще два драматическія общества, также соперничающія между собою, какъ и первыя: члены одного называются Filodrammatici, другаго по скромности Imperiti. Сія общества состоятъ изъ авторовъ и аматеровъ игры обоего пола. Въ продолженіи Карнавала онѣ дають нѣсколько представлений публичныхъ, въ коихъ принимаютъ участіе и дамы Римскія, изъ любви къ искусству чуждающіяся ложнаго спыда. Есть между сими актерами таланты удивительные. На сихъ представленіяхъ я гораздо болѣе понялъ образъ игры Итальянской, нежели на настоящемъ театръ Римскомъ. Играли нѣсколько переводныхъ піесъ съ Французскаго; но замѣчательнѣйшее была трагедія *Уголино*, молодого Поэта Спербани, о которомъ я говорилъ въ прошедшемъ письмѣ. Это не трагедія, а лучше сказать, нѣсколько сценъ трагическихъ, разбитыхъ на 3 дѣйствія. Въ первомъ между шрема лицами рѣшается судьба Уголино. Второе дѣйствіе есть лучшее. Мнѣ казалось до сихъ поръ невозможнымъ представлять на сценѣ смерть голодомъ; Авторъ Уголино убѣдилъ меня въ противномъ. Уловка, достойная таланта! Онъ представляетъ Уголино въ темницѣ; ужъ прошелъ день, какъ не приносятъ ему пищи; меньшія дѣши его за сценою; къ нему приходитъ сынъ Ансельмъ. Ихъ свиданіе, сонъ отца, его предчувствія, — все это очень трогательно. Наконецъ

слышаешь они шукъ у дверей; Ансельмъ обрадовался, и думаешь, что несуть имъ хлѣба; старикъ подходитъ къ двери, и въ ошверстіе видишь, что ее забивають. . . Вопль ошчаянїя разрываетъ душу. . . Старикъ проситъ у неба молніи расковать его шемниду; молодосць сына ужасается такой просьбы. . . Отець говоритъ: „лоди, возвьспи брашьямъ, что меня нѣтъ въ живыхъ; можешь бышь, горе добьешь ихъ и сохранишь мученїя,“ — и падаешь въ ошчаянїи на солому. Занавѣсь опускается. Кажется, все бы кончено, слава Авшору за новую мысль! Нѣтъ, онъ въ прешій разъ открываетъ сцену и показываетъ смерть Ансельма и ошца. Тушь, при поднятїи занавѣса, чего вамъ остается ожидать, если не ужаснаго зрѣлища, какъ Уголино пожираетъ солому, на которую упалъ онъ? Третье дѣйствїе, разумѣется, нелѣпо и состоитъ въ одной пустой декламациі. Въ новой шрагедїи, направленной къ историческому, дѣйствительному, физическому спраданїю изображать невозможно. Это предоставимъ идеальной древней Трагедїи, — творцу Филокшета и пошераннаго, къ сожалѣнїю, Лаокоона. Въ роль Уголино я удивился искусству Актера: имя его Сасіані. Жаль, что онъ не родился въ этомъ званїи. Это геній; къ тому же онъ и спраспно влюбленъ въ свое искусство. Довольно и то сказать, что онъ все прешее дѣйствїе, естественнo не-

возможное, силою игры показавъ возможнымъ, несмѣшнымъ, неоправдительно ужаснымъ. Ансельма играла одна дама съ большимъ чувствомъ: все было оживлено душою полуденною. Прочіе актеры, явившіеся только въ 1-мъ дѣйствіи, очень интересны были своими фізіогноміями и костюмомъ. Въ одномъ изъ нихъ я думалъ видѣть живой поршрешъшого спольтіи. Непременно должна воскреснуть драма въ Италіи, среди народа сполько къ ней способнаго, сполькими стихіями для нея владѣющаго, — и воскреснуть въ блескъ новомъ. Наши внуки доживутъ до такого счастья. Здѣсь природа и фізіогномія все шѣже, какъ были при Ромулъ: какое же должно быть очарованіе видѣть воскресшихъ Римлянъ на сценѣ!

Декламація Италіанцевъ, не смотря на то, что ихъ трагедія также спойтъ на кошуриѣ классическомъ, имѣетъ гораздо болѣе простоты, чѣмъ Французская и Нѣмецкая. Какъ мнѣ видно было изъ игры Уголина и Ансельма, у нихъ обычай въ разсказѣ живописать жестомъ каждое слово. Смотря на игру ихъ, я, казалось, ошгадывалъ въ ней обычай древнихъ, можешь быть сохранившійся по преданію ли, но чуднойли способности народовъ южныхъ къ Мимикѣ (*).

(*) Я ужъ замѣчалъ въ одномъ изъ писемъ, что мимика родилась въ Италіи, что въ Неаполѣ говорятъ жестами, а въ Сициліи глазами ведутъ цѣлые разговоры.

Способъ играть комедію также совершенно оригиналенъ. Въ немъ нѣтъ ни граціи, ни ловкости Французской; но господствуетъ необыкновенная живость. *C'est un feu roulant*. Актеры такъ скоро перебрасываются словами, что ни какой суффлеръ, кажется, не успѣлъ бы за ними. Всякое ощущеніе тотчасъ выражается во взорѣ и въ чертахъ лица. Актеры не умѣютъ держаться; актрисы отваживаются безъ вкуса; женскіе голоса въ разговорѣ очень грубы и не пріятны; но душа полуденная такъ оживляетъ представленіе, что всѣ эти недостатки прощаются. Я видѣлъ одну комедію Джирарде: *Gli amanti disgustati*, (разочарованные любовники), разыгранную amateurs прелестно. Странно, что весь интересъ на женщинахъ, а женщины нѣтъ на сценѣ: интрига ведена замысломъ. Я напрасно сказала въ прошедшемъ письмѣ, что въ Италіи теперь нѣтъ Автора комическаго. Джирарде имѣетъ талантъ. Ему принадлежатъ интрига Водевиля: *Учитель и Ученикъ*, который у насъ былъ передѣланъ съ Французскаго, а Французомъ похищенъ изъ оригинальной комедіи Джирарде: *L'ajo nel imbarazzo* (*le Précepteur dans l'embaras*).

Къ числу важныхъ новостей Карнавала принадлежитъ слѣдующая. Зрители театра Тординони раздѣлились на 2 партіи: на Фавеллистовъ за Примадонну Фавелли и Экерлинесовъ за Конш-

ральшо Экерлинь. Последняя партія, къ которой принадлежишь и Маэстро музыки, сочинившій для Экерлинь арію выхода (обида Примадоннъ) превозмогла, — и гордая Фавелли разъ была освищена. Но въ послѣдній день карнавала помирились обѣ партіи и Примадонна была осыпана букетами: вечеромъ въ Festino обѣ соперницы сидѣли въ одной ложѣ, какъ Венера съ Юноною на Олимпѣ и шеперь разъѣзжающъ въ одной каретѣ. Ферлоши, Примадонна Ваиле опличались въ Матильдѣ съ большимъ успѣхомъ, а шеперь Джентили въ Корадинѣ. Бѣдная Анши между тѣмъ прогуливала свою шоску по Корсо.

Главное извѣстіе великаго Поста есть самое скоромное: Папа позволилъ указомъ простому народу ѣсть скоромное, выключая извѣстныхъ дней, по причинѣ всеобщей нищеты, лишающей возможности исполнять даже обѣщанія Христіанскіе. III.

Издашеть, желая поскорѣе сообщить свѣжее извѣстіе о Р. Карнавалѣ, напечаталъ это 4 письмо прежде 3-го, которое помѣстился въ слѣд. N. —

Письмо къ Издателю Московскаго Вѣстника о прививаніи болѣзней.

Одна истинная мысль, пущенная въ оборотъ, можешь нынѣ измѣнить человѣческую жизнь въ шомъ или другомъ отношеніи, потому что на всѣхъ концахъ земли есть просвѣщенные люди, готовые изслѣдовать ее, распространить, употребить на всевозможныя приложенія. Не смѣю думать, чтобъ предлагаемая мною здѣсь принадлежала къ шакому высокому разряду; но и слабая надежда на это оправдываетъ уже мое желаніе сдѣлать ее извѣстною.

Не лзяли всѣ болѣзни, коимъ подвержено наше тѣло, прививать, какъ Дженнеръ, благодѣтель челоѣческаго рода, научилъ прививать коровью оспу?

Допустивъ сію мысль, Медики, разумѣется, должны будущъ изслѣдовать, всѣ ли болѣзни прививать можно, какую въ кошоромъ возрастѣ, какимъ образомъ, и ш. д.

Прививаніе коровьей оспы спасаетъ миллионы людей; сколько спасетъ ихъ прививаніе всѣхъ болѣзней, — если только оно не противно природѣ челоѣческаго шѣла, и можетъ бытъ введено.

Я не Медикъ, и, не имѣя никакихъ Медицинскихъ свѣдѣній, не знаю, приходила ли прежде кому нибудь въ голову мое прививаніе, или нѣтъ. Вижу однакожъ, что Ганеманова система и Русскія пословицы: чѣмъ ушибся, шѣмъ и лѣчись, и клинь

клиндмъ вышибаетъся, имѣюшъ къ нему отношеніе. Я хочу только чтобъ предупреждали естественныя болѣзни искусственными, а Дрезденскій Докторъ и наши предки совѣшуютъ лѣчить ихъ однѣ другими.

Попросивъ васъ помѣстить сіе письмо въ вашемъ журналѣ, и пожелавъ, чтобъ оно было перепечатано въ прочихъ, имѣю честь пребыть и проч.

1829 года Марта 20.

N. N.

Взглядъ на кабинеты журналовъ и политическихъ ихъ отношенія между собою ().*

Опытные наблюдатели Русской Словесности давно ужъ замѣтили, что журналисты наши дѣйствуютъ между собою совершенно какъ Государ-

(*) Издамель получилъ сію статью при слѣдующемъ письмѣ: надѣясь на ваше безпристрастіе, прошу васъ М. Г. помѣстить прилагаемую статью въ вашемъ журналѣ. Увѣренъ, что ею ни вы не оскорбитесь, ни ваша собратія журналисты, что ваши отношенія ни мало отъ нея неперемѣнятся: я не хотѣлъ обижать никого, это просто шушка. —

Съ тѣмъ удовольствіемъ помѣщаю, съ которымъ читаю нѣкоторыя статьи Ахдебаранскія: невинная насмѣшка, шушка, намекъ, острое слово, указаніе на смѣшную сторону, не только позволительны, даже нужны въ нашей Литтературѣ, чтобъ привлечь болѣе и болѣе участіе Публики. Но вѣтъ что пятно неизгладимое на нѣкоторыхъ дашикъ журналахъ: кривыя толкованія, умысленныя недоразумѣнія, хамелеонства, выдумки, личности. *Изд.*

схва, объявляютъ другъ другу войну (1), вшпор-
гаются въ предѣлы безъ объявленія (2), заключа-
ють мирные договоры (3), перемирія (4), нару-
шаютъ условія (5), побѣждаютъ (6), собирають
коншрибуцію (7), налагають обязанности (8),
возвышаютъ, понижаютъ голосъ, увеличиваютъ и
уменьшаютъ требованія (9) смотря по обстоятель-
ствамъ, воюють, сохраняють неуспралишеть (10),
и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ ка-
кой то Тактикѣ, Стратегіи и Дипломатикѣ. У
нихъ есть своя Англія, своя Франція, своя Ав-
стрія, Испанія, Турція, Неаполь, Сицилія, и
проч. и проч., свой старшій Кашонъ (Вѣстникъ

-
- (1) Телеграфъ Галашен до ея рожденія, въ 1828 году;
Сѣверная Пчела Бабочкѣ при ея рожденіи, въ томъ же году.
- (2) Одинъ Полководецъ Московскаго Вѣстника вшпор-
нулся въ область Пешербургскихъ журналовъ въ то
время, какъ самъ Издашеть находился, кажеться, въ
гостепрійномъ непріятельскомъ станѣ.
- (3) Сѣверная Пчела съ Телеграфомъ въ началѣ 1828
предъ рожденіемъ Русской Грамматики, Ивана Вы-
жигина и Русской Исторіи.
- (4) Сѣверная Пчела съ Моск. Вѣстникомъ въ 1829 году.
- (5) Сѣверная Пчела съ Вѣстникомъ Европы въ нача-
лѣ 1829.
- (6) Такъ Моск. Телеграфъ и Сѣверная Пчела побѣдили
Сѣверный Вѣстникъ.
- (7) Многія книги приносящя издашелями на поклонъ
Журналистамъ.
- (8) Если хочешь бытъ съ нами, то хвали эшого, бра-
ни вошь шого.
- (9) Каково говоритъ шеперь Телеграфъ о Пушкинѣ,
Барашинскомъ, Дельвигѣ, Князѣ Вяземскомъ, и въ ка-
комъ прахѣ онъ былъ предъ нами за годъ, за два.
- (10) Моск. Вѣстникъ со всѣми журналами въ 1829 году.

Европы), свой Донъ Мигуель (Телеграфъ), свой Князь мира (Отечественныя записки), свой Мегемешъ - Паша, (Ашеней), своя Остъ-Индская компанія (Стверная Пчела съ Сыномъ Отечества и Ствернымъ Архивомъ), своя Венеціанка Бланка-Капелло, Флорентинская Герцогиня, (Галашея), свои Децемвиры (Литтературныя газеты), свой Кардиналь Алберони (съ позволенія вашего Московскій Вѣспникъ), свой Кай Гракхъ (Надоумко), свой Алжирской Дей (Славянинъ), своя Герцогиня Лавальеръ (Дамской журналъ). — Но никогда отношенія ихъ между собою, выгоды литтературныя и шорговья, препензи на славу и барыши, не перепутывались такъ, какъ нынѣ. Это точь въ точь положеніе Европы предъ Вестфальскимъ миромъ, когда Австрія находилась въ раздоръ со Швеціею и Протестантскими державами, Швеція съ Австріею, Баваріею, и Саксоніею, Франція съ Австріею и ея союзниками и Испаніею, Испанія со Франціею, Португаліею и Нидерландами. Посему, надѣюсь, очень любопышно будетъ для вашихъ читашелей, если я, какъ опытный наблюдатель, обозрю предъ ними взаимныя отношенія нашихъ журналовъ и предложу свои догадки объ ихъ дѣйствіяхъ на слѣдующій годъ.

Начнемъ съ Петербургскихъ и по преимуществу съ *Стверной Пчелы съ Сыномъ Отечества*.

Сѣв. Пчела послѣ прехлѣстной, кровопролитной войны съ Телеграфомъ, заключила съ нимъ наступательный и оборонительный трактатъ, утвержденный на взаимныхъ выгодахъ и вѣрныхъ расчетахъ.

И въ самомъ дѣлѣ — за что имъ было воевать между собою: Телеграфъ не можетъ принимать участія въ Полишикѣ, а Сѣвер. Пчелѣ не удобно залезать въ область Моды. Это Венецуэльская и Ионійская республика въ системѣ державъ, въ отношеніи къ выгодамъ, и только одною неопытною, ослѣпленіемъ, можно извинить, оправдать ихъ первыя распри, доставившія Славянину столько матеріаловъ для его Хамелеонисики. — Далѣе: Телеграфъ, Сѣверная Пчела и Сынъ Отечества издають свои сочиненія въ разныхъ родахъ, безъ соперничества; взаимныя похвалы ихъ другъ другу могутъ приносить неисчислимую пользу; слѣдовательно сама природа связываетъ ихъ крѣпкими узами взаимныхъ выгодъ. — Теперь взгляните на обстоятельство: противъ Сѣверной Пчелы вооружается *Литтературная газета* съ своими эпиграммами, именами, авторитетомъ, блистательными стихами, прозою высшаго тона, — оспрымъ, ученымъ, многостороннимъ ренегатомъ, который, бывъ главнымъ наперсникомъ Сѣверной Пчелы, зная всѣ ея домашнія тайны, вдругъ перекрестясь становится въ ряды ея противниковъ и принимаетъ главное участіе въ ихъ редакціи. —

На кого надѣялся можно больше всего Сѣверной Пчелѣ? Опять шолько на Телеграфъ, въ котораго шакже направляются стрѣлы раздраженной Аристокраціи. Оставалось два сомнѣнія: 1 е, Исторія Русскаго народа слишкомъ нелѣпа, а Сѣверная Пчела имѣешь здравый смыслъ. Трудно было вообразить, чшобъ она рѣшилась опшпустить похвалу, шребуемую по условію, и слѣдовашельно должно было ожидать неудовольствія, охлажденія со стороны прошивной, но этого не случилось: или сгоряча, какъ нѣкоторые слушатели Истории въ обществѣ любителей Русской Словесности, или ужъ въ крайней опасности, она рѣшилась на трудное шоржешествованіе, и дружба не поколебалась. Похвалою Димитрія Самозванца она окрѣднетъ еще болѣе. И шакъ съ этой стороны разрыва бышь не можешь. 2 е, Ренегатъ другъ Телеграфу, котораго онъ недавно прославиль, и врагъ Пчелѣ. — Чшо изъ этого выйдешь? Этой загадки я рѣшишь не умѣю. — *Отегественныя записки* приняпы въ союзъ, вѣроятно, на время, какъ Леписъ въ шріумвирашь къ Окшавію и Аншонию. — Между шѣмъ Сѣверная Пчела шакъ далеко простираешь виды своего благоразумія, или шакъ оробѣла, чшо желаетъ ужъ, кажется, при грозящей опасности соблюдать неушралишешъ съ *Вѣстникомъ Европы* и съ *Атенеемъ*, и съ Ноябрь мѣсяца не отвѣчаешь ни слова ни на Конгредовы ракеты, лешающія непрерывно съ Пашріаршихъ пру-

довь, — ни на тяжелыя бомбы, бросаемаы изъ мортиръ Апенейскихъ. Съ Московскимъ Вѣстникомъ примѣпно расположеніе даже помириться. Разъ шесть она ужъ хвалила сочиненія и переводы Издателя, пропзнеся однажды слѣдующія многозначительныя слова: М. Вѣстникъ по *се число включительно* былъ очень хорошъ, (т. е. я предлагаю шебъ руку примиренія, и посмотрю, что скажешь ты въ отвѣтъ на мое предложеніе въ своемъ разборѣ Выжигина, который долженъ бытъ въ 6 Части, отдѣленія крипики); Московскій Вѣстникъ (извините Г. Издатель), не смотря на свои восклицанія о безпристрастіи, кажется, даже пронулся ея похвалами, и видно докажешь намъ, что ежели брань не имѣтъ вліянія на его образъ дѣйствій, то похвала — есть его Ахиллесова пяшка. — Какъ бытъ! всѣ мы слабы, но подробнѣе объ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, когда дойдемъ чередъ до Москвы.

Прочіе журналы слишкомъ слабы предъ ждломъ Пчелы, и она ихъ, или принимаетъ подъ свое покровительство, какъ *Карманную книжку Русской старины и словесности*, или оставляетъ безъ вниманія какъ *Баботку*, или наконецъ оказываешь гордое презрѣніе, какъ *Галатея*, которая по своимъ каршинкамъ имѣетъ ближайше отношеніе къ Телеграфу.

Заклучимъ. Съверной Пчелѣ другъ до перваго яблока Телеграфъ; врагъ личный Ренегатъ; врагъ опасный и высокоумѣрный Липшерапурная

газета; слабой союзникъ Отечественныя записки; Меркурій, Карманная книжка — союзники ненадежныя, которые готовы передаться на противную сторону; Бабочка, едвали не злопамятный шоварищъ, Московскій Вѣстникъ — кажется неутраченный совѣтникъ; Галаша — врагъ докучный, неотвязчивый; Вѣстникъ Европы — врагъ мстительный, управляющій спокойныя минушы и постоянный. Силы ея положительныя: здравый смыслъ, остроуміе, знаніе языка, право помѣщать политическія новости, шрудолюбіе. Сотрудниковъ именныхъ, ш. е. извѣстныхъ писателей, не имѣешь; ни въ ней, ни въ Сынѣ Отечества съ Сѣвернымъ Архивомъ никто не печатаетъ своихъ сочиненій, кромѣ нѣкоторыхъ Литтературныхъ волонтеровъ, кои изрѣдка сообщаютъ кое что Издавателямъ. Тактика Сѣверной Пчелы, заключается преимущественно въ правилѣ: *poli me tangere*. Стрѣлы ея обращаются особенно на порицателей и соперниковъ. Авторы посторонніе, Авторы смиренныя и входящіе въ кругъ ея умозрѣнія, могутъ надѣяться на ея безпристрастіе.

Теперь перейдемъ къ Литтературной газетѣ. —

Января 16.

N. N.

(Продолженіе обѣщано.)

Литературныя новости.

Въ Москвѣ съѣхались вмѣстѣ три ученые путешественника, по части Исторіи и Древностей Славянскихъ: Гг. Строевъ, Венедикъ и Кухарской. — Г. Строевъ, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ и Москвѣ, получилъ предписаніе Академіи Наукъ продолжашъ свое Археологическое путешествіе по Россіи. — Нынѣ онъ начнешъ осматривать книгохранилища съ Губерніи Новгородской. Въ прошлой году онъ осматрѣлъ Архангельскую (кромя Соловецкаго монастыря) и Вологодскую. — Публика видѣла, какую богашую добычу предсказали Академіи Наукъ нашъ достойный соотечественникъ. Любители Исторіи заранѣе восхищаются плодами нынѣшнихъ Египетскихъ трудовъ его. И въ самомъ дѣлѣ чего нельзя ожидать отъ Г. Строева для грядущихъ Историковъ, при его богашыхъ предварительныхъ свѣденіяхъ и опытности, послѣ личнаго обозрѣнія обширной сцены Россійской Исторіи и всѣхъ ея источниковъ. — Пусть Телеграфъ, кидающійся, по выраженію одного Литтератора, на всѣхъ достойныхъ писателей, которыми гордится Словесность наша, и которыя составляють нашу надежду, И. И. Дмитриева, Пушкина, Барашинскаго, Князя Вяземскаго, Дельвига, М. А. Дмитриева, Мерзлякова, Каченовскаго, Ардыбышева, Языкова, Хомякова, Шевшерева, Андросова, Венелина и проч. и проч., — пусть Телеграфъ называетъ поиски Г.

Спроева мечшою ; но для истинныхъ друзей просвѣщенія такая *метта* лучше тысячи всякихъ его Исторій. — Желаетъ здоровья и душевной твердости неушомимому Археологу въ путешествіяхъ его по арктическимъ шундрамъ, и шропическимъ гостинымъ. — У насъ шрубать часто о путешествіяхъ иностранцевъ въ Африку, Азію, Америку, — развѣ предпріятіе Г. Спроева требуетъ меньше пожертвованій, развѣ оно легче? —

Столь же шрудное путешествие, на счетъ Россійской Академіи, въ Болгарію, Румелію, Молдавію, Валахію предпринялъ и *Г. Венелинъ*, Авшоръ примѣчательной книги о древнихъ и нынѣшнихъ Болгарахъ. Чума, климатъ, варварство, невѣжество, ненависль Туркокъ : — вошь съ чѣмъ онъ долженъ будетъ сражаться на каждомъ шагу ; но на что не рѣшается чистая любовь къ наукѣ ! Г. Венелинъ отправился изъ Москвы въ предпрошедшую субботу. Путешествіе это предпринимается для изслѣдованія

А. О древностяхъ

- 1) Филолого-Литтературныхъ : путешественникъ постарается ошыскашь и описать оставшіеся памятники древней письменности сихъ странъ, а преимущественно Болгарской : сюда принадлежатъ древніе списки книгъ Св. Писанія и сочиненій Святыхъ Опцевъ, богослужебныя книги, дѣшодиси, сказанія, надписи.

б) Историко-Географическихъ: путешественникъ постарается омыскашь по возможности, и объяснишь положеніе всѣхъ мѣстъ, о коихъ упоминаеть Исторія, преимущественно Русскія мѣстописа, въ предполагаемыхъ для осмотра странахъ; собратъ разныя свѣдѣнія, могуція объяснить ихъ Исторію и Русскія мѣстописа, народныя преданія, старинныя названія мѣстностей, рѣкъ и проч.

в) обратишь вниманіе на все, что можетъ объявить забытую Болгарскую, т. е. первоначальную Славянскую церковь, Болгарскую Іерархію и главнѣйшія черты ея Исторіи.

г) изобразить разныя перемѣны въ состояніи жителей сихъ странъ и ихъ языка, преимущественно Болгаръ, во все время Турецкаго правленія.

Б. Настоящаго времени.

Путешественникъ долженъ изслѣдовать Болгарскій языкъ, въ синтетическомъ и аналитическомъ отношеніи, т. е. его Грамматику, свойства, слогу, показатъ отношенія его къ Мало-Русскому, Карпашо-Русскому и Велико-Русскому. Онъ долженъ старатся о собраніи народныхъ пѣсень и сочиненіи крашкаго Словаря, представитъ обзорнѣе Волошскаго языка. Путешественникъ не оставитъ безъ вниманія политическаго и правственнаго состоянія сихъ странъ, и представитъ свои замѣчанія о промышленности, повѣрїяхъ, обычаяхъ, одеждахъ,

просвѣщеніи; представитъ топографическое описаніе предполагаемыхъ для осмотра странъ, мѣстъ, городовъ, монастырей, опишетъ произведенія природы.

Наконецъ о Г. Кухарскомъ. Можно справедливо сказать, что въ Польшѣ особеннымъ и всеобщимъ вниманіемъ, обращеннымъ на сходство языковъ Славянскихъ, мы обязаны большому Польскому Словарю, изданному Докторомъ Линде въ Варшавѣ отъ 1807 до 14-го года въ VI томахъ in 4. Ибо въ семь словарь сравниваются Польскія слова съ словами всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Скоро увѣрились, сколь великая польза для всякаго Славянскаго языка произтекаетъ изъ такого сравненія, и при основаніи Варшавскаго Университета 1816 года, опредѣлено бысть въ ономъ и кафедра Славянскихъ нарѣчій. И для того по предложенію Королевскаго Варшавскаго Университета, Министерство просвѣщенія назначило Профессора Кухарскаго путешествовать по всѣмъ Славянскимъ землямъ, для лучшаго познанія діалектовъ и собранія всего, касающагося до народовъ Славянскихъ. — Съ тѣмъ намѣреніемъ составилъ себѣ Проф. Кухарскій планъ путешествія и систему Славянской Филологіи, состоящую 1) изъ Грамматики діалектовъ Славянскихъ, 2) изъ Географіи Славянскихъ земель, 3) Политической Исторіи и другихъ вспомогатель-

ныхъ Наукъ Исторіи, 4) Исторіи Литтературы, и Изыщныхъ искусствъ Славянскихъ народовъ и 5) изъ Древностей Славянскихъ заключающихъ въ себѣ 4 отдѣленія: состояніе религиозное, гражданское, военное и домашнюю жизнь древнихъ Славянъ. На всѣ сіи предметы обращалъ онъ вниманіе въ своемъ путешествіи, чтобы дополнить и исправить или объяснить и собрать все, что до сихъ поръ мы имѣли отъ различныхъ писателей, касательно сихъ предметовъ. Съ этою цѣлю выѣхалъ онъ изъ Варшавы осенью 1825 года и остановился прежде въ Краковѣ; гдѣ Библіотекаремъ ученый Славянскій Филологъ Баншке; отсюда отправился онъ въ Бреславль, гдѣ находится богатая центральная Библіотека Университета и Архивъ, содержащій много любопытныхъ бумагъ, касающихся до Исторіи Силезіи, составлявшей часть древней Польши и до сихъ поръ обитаемой Польскимъ народомъ. Въ Прагѣ пробылъ онъ 7 мѣсяцевъ для изученія Филологіи Чешской и всеобщей Славянской, въ чемъ ему много способствовалъ ученый Аббатъ Добровскій. Въ Лузаціи живутъ до сихъ поръ Славяне, называющіеся Сербами, и потому изъ Праги перешелъ онъ къ нимъ, и въ Бауцентъ учился языку Верхне-Лузацкому, а въ Котбусѣ Нижне-Лузацкому. — Въ Герлицѣ разсмотрѣлъ рукописи, оставшіяся послѣ Доктора Аншона, касательно діалекта Полабовъ и самаго народа; въ особенности же здѣсь собиралъ онъ Славянскія Географическія имена и пѣсни того на-

рода. Изъ Берлина чрезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ возвратился къ Славянамъ Австрійскимъ, изъ Вѣны объѣзжалъ цѣлую Моравію и Сѣверную Венгрію, гдѣ живутъ шакъ называемые Словаки, и посѣщалъ поколѣніе Сошаковъ и Русиновъ, обитающихъ въ Карпатахъ въ восточной части Венгріи. Возвращаясь чрезъ Пестъ, перешелъ къ Славянамъ Южнымъ, начиная отъ Эдинбурга въ Западной Венгріи, гдѣ живутъ верхніе Хорваты, Нѣмцами называемые *Wasserkroaten*. Въ Грець, столицѣ Спиріи, нѣтъ уже Славянъ; но есть каедрa языка Славянскаго (*Windisch*), ибо цѣлая внутренняя Австрія населена Славянами и Краинцами. Изъ Марбурга, гдѣ начинается языкъ Славянскій, посѣщилъ шакже шакъ наз. Вандаловъ на Юго-Западной границѣ Венгріи; послѣ пребыванія въ Лайбахѣ для изученія діалекта Краинскаго, посѣщилъ онъ Кариншію, для изслѣдованія, какъ далеко проспираются Славяне на Западъ; по рѣкѣ Сога (*Isone*) прибылъ въ Герць и Триестъ, откуда ѣздилъ въ Венецію для рукописей и книгъ Славянскихъ. Познакомившись съ діалектомъ Краинскимъ, перешелъ къ Кроашскому въ Аграмъ, гдѣ занимался большею частію Кроашскою Грамматикою и Исторією Литшературы. Въ прошедшемъ году съ началомъ весны объѣхалъ Истрию, Далмацію до Рагузы; въ сихъ земляхъ ему удалось сдѣлать наиважнѣйшія въ Славянской Литшературѣ открытія. Изъ Черногоріи (*Monte negro*) вывезъ онъ большое собраніе народныхъ Черногор-

скихъ пѣсень, составленное Симономъ Милишиновичемъ, знаменитымъ сочинителемъ Пѣсы Сербяка. Война съ Турціею не позволила перейти къ Славянямъ, находящимся въ Турецкихъ владѣніяхъ; но какъ Сербы разпространены по Венгріи, Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и другимъ Австрійскимъ провинціямъ, то и имѣлъ онъ случай узнать все касательно сего народа; и шолько народъ Болгарскій ошалея ему неизвѣстнымъ. По возвращеніи изъ Южныхъ провинцій останаавливался въ Лембергѣ, для изученія языка и Исторіи Русиновъ. Въ концѣ осени прибылъ въ Кіевъ и пошомъ въ Москву. — Извѣстія о разныхъ его открытіяхъ и замѣчаніяхъ, касательно его науки, напечатаны въ разныхъ Польскихъ, Чешскихъ и Нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ. Важнѣйшее изъ нихъ безъ сомнѣнія есть открытіе Славянскихъ Руническихъ надписей на двухъ шлемахъ, найденныхъ въ Южной Сиріи. Замѣчательнѣйшее въ сихъ Рунахъ есть то, что онѣ читаются отъ правой руки къ лѣвой, какъ писали въ первыя времена Греки и Этруски, процвѣтавшіе въ Италіи еще до Римлянъ. — Г. Кухарскій отсюда ѣдетъ въ Петербургъ, и, по возвращеніи нынѣшнею осенью въ Варшаву, намѣренъ познакомить ученую Публику въ подробной диссертаціи съ Славянскими Рунами, и въ особенномъ сочиненіи съ своимъ путешествіемъ.

Всѣ сіи путешествія предприняты на иждивеніи Правительства. Слава Царю, кошорой при-

нимаетъ съ благоволеніемъ и утверждаетъ всѣ пред-
сшавленія, клонящіяся къ пользѣ Наукъ. — Музы
благодарны. —

Д. М. Велланскій, давно занимающійся сочи-
неніемъ полного курса *Физики*, уже окончилъ, слыщ-
но, и къ веснѣ напечатываетъ первую часть *Фи-
зику неорганической природы онаго*; органическія
шѣда будущъ описаны и изъяснены во второй Ча-
сти. —

Такимъ образомъ его сочиненіе обниметъ всю
природу, и слѣд. его физикъ дано другое значе-
ніе, а не то, въ кошоромъ она обыкновенно при-
нимается. Говорятъ, что Философъ - Наура-
листъ нашъ намѣренъ здѣсь начала принимаемой
имъ теории предложить къ самымъ частнымъ яв-
леніямъ и развитъ подробно. Любопышно увидѣшь,
какъ исполнитъ онъ сіе предпріятіе.

М. А. Максимовиъ окончилъ *систематику
раствнй*, которая соснавляетъ вторую часть
его *основаній Ботаники* она содержитъ въ себѣ
понятія о системѣ вообще, изложеніе важнѣй-
шихъ системъ и описаніе растительныхъ се-
мействъ по естественной системѣ. Въ семь мѣ-
слцѣ она поступитъ въ печать. Такъ вошь чему
предшествовала на горизонтѣ Денница.

Прекрасное, полное изданіе сочиненій *Фопъ-
Визива*, предпріятое книгопродавцемъ *Салаевымъ*,

ужь совершенно въ половину; двѣ часпи вышли, остальные печатаются. — Мы слышали, что какіе-то спекуляторы перепечатываютъ ужь это изданіе, спойвшее издастелю многихъ издержекъ. — Но они, разумѣется, не коснутся до тѣхъ сочиненій Фонъ-Визина, которыя теперь только что въ первый разъ напечатаны. — Деньги за право на изданіе Г. Салаева наследники пожертвовали въ пользу училищъ Московской Губерніи.

Тотъ же Г. Салаевъ печатаетъ *пѣсни и романы* А. Ѳ. Мерзлякова.

Г. Ширяевъ совершилъ безпримѣрной подвигъ въ нашей книжной торговлѣ. Онъ издалъ въ прошломъ году огромную экономическую книгу Теэра. Общество Московское любителей Сельскаго Хозяйства, преимущественно наши почтенные Агрономы, Н. Н. Муравьевъ, и Князь С. И. Гагаринъ, замѣтили ему, что изданіе не хорошо и обезображено ошибками. Что же? Г. Ширяевъ уничтожилъ все первое изданіе, и упробилъ Г. Маслова перевести Теэра вновь, издалъ теперь его переводъ; — новое изданіе обогачено примѣчаніями Н. Н. Муравьева, которыми восхищается хозяева.

Вторая часть сочиненій незабвеннаго Веневитикова почти оппечатана, и на слѣдующей недѣлѣ выйдеть въ свѣтъ. Въ ней заключаются статьи прозаическія: письмо къ Графинѣ NN о

Философіи, Анаксагоръ, бесѣда у Платона, нѣсколько Апологовъ, ошривокъ изъ Романа, замѣчанія на разсужденіе Г. Мерзлякова, объ Онгльи, о Борисѣ Годуновѣ, ошривокъ изъ Эгмонта Геше, объ Европѣ изъ Герена, и проч.

Профессоръ Каченовскій вскорѣ издастъ два примѣчательныя свои изысканія: о древнихъ Русскихъ деньгахъ и Русской правдѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ появленія. Ошривками въ Вѣстникъ Европы любопытство возбуждено въ высокой степени у всѣхъ любительей Исторіи. — (Но чтожь не выходитъ вторая часть Исторіи Русскаго народа, которая должна была выйти еще въ прошломъ году. Вѣдь Авторъ теперь ужь не думаешь, — за чѣмъ же дѣло спало? (*) Между тѣмъ Московскіе кришики жалуются, что разбирать нечего. Хоть бы Исторію имъ на голые зубы!) —

Г. Шишковъ 2-й предпринялъ огромной трудъ перевести всѣ важнѣйшія драматическія сочиненія Нѣмцевъ. Нѣсколько лѣтъ онъ посвятилъ уже сему труду и перевелъ Пикколомини, смерть Валленштейна, Марію Стуартъ Шиллера, Эгмонта Геше, Фортуната Тика, Димитрія Самозванца Мильшица, Князей Хованскихъ Раупаха, Розамунде Кернера. Сими переводами (въ 4 Частяхъ) онъ

(*) См. упрекъ его Карамзину задумавъ, въ предисловіи.

начинаешь свое изданіе подь заглавіемъ *избранный Нѣмецкой Театръ* (*).

Г. Аксаковъ издалъ свой переводъ Певерля. Почитатели знаменитаго Шотландца прочтуть вѣрно съ удовольствіемъ весь эшотъ романъ и особенно нѣкоторыя мѣста, переданныя мастерски. Разговоръ легкой, живой, сильной.

Статистическое описаніе Россіи при Петрѣ Великомъ, сочиненное Кириловымъ, наконецъ пошло въ печать. Въ продолженіи слишкомъ года набралось подписчиковъ 50, преимущественно изъ казенныхъ мѣстъ, и Г. Ширяевъ принялъ на себя издержки, кошорыя вычтеть послѣ уже изъ выручки.

Неупомимый Г. Перевоииковъ оканчиваетъ большее свое сочиненіе объ Астрономіи. Послушаемъ, что скажутъ иностранцы объ эшотъ трудѣ нашего соотечественника.

Г. Андроссовъ занимается Статистическимъ описаніемъ Москвы.

Выходишь 2 часть Шледера введенія въ Исторію для дѣшей.

(*) Цѣна за всѣ 4 Части (8 трагедій) 20 руб. — Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Г. Надеждинъ напечаталъ свое разсужденіе о Романтической Поэзіи на Латинскомъ языкѣ. Въ прошедшій спорникъ онъ защищалъ оное публично въ Университетѣ, для полученія степени Доктора Словесныхъ наукъ. — Собраніе было блестящее и многочисленное: Преосвященный Діонисій, Протопресвитерь Архангельскаго собора Кушневичъ, И. И. Дмитріевъ, Князь С. И. Гаттаринъ, Н. Н. Самаринъ и многіе другіе друзья просвѣщенія присутствовали на диспутѣ. — Доктораменту возражали на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ сперва студенты, потомъ Профессоры и посѣщители, и получали отъ него отвѣты скорые и удовлетворительные. Вошь его тезисы:

I. Гдѣ жизнь, тамъ Поэзія. II. Поэзія, сама въ себѣ единая, разнообразна въ своихъ видоизмѣненіяхъ. III. Видоизмѣненія Поэзіи определяются духомъ возраста рода человѣческаго, въ коемъ она существуешь, IV. Три видоизмѣненія принимала доселѣ Поэзія, являвшіеся: *Первобытною*, *Классической*, *Романтической*. V. *Романтическая Поэзія* существовала и уже не существуешь. VI. Періодъ *Романтической Поэзіи* ограничивается пространствомъ времени, именуемыхъ *средними*. VII. Для *Поэзіи Романтической* высочайшій первообразъ изящества составляла внутренняя человѣческая природа. VIII. Духъ *Романтической Поэзіи* былъ развитіе общаго духа времени *среднихъ*. IX, Міръ, въ которомъ живемъ мы, отъ времени *среднихъ* существенно

оплищается. X. *Романтигеской Поэзіи* возста-
 новленіе въ наши времена не возможно. XI. *По-
 эзія*, слывающая нынѣ *Романтигескою*, представ-
 ляешь только лживый ея призракъ. XII. Суеш-
 ныя подражанія *Романтигеской Поэзіи* для на-
 шихъ временъ постыдны и вредны. XIII. Къ пре-
 дотвращенію порчи, коею лживый призракъ *Ро-
 мантигеской Поэзіи* угрожаетъ поетическому ду-
 ху, изученіе *Поэзіи Классигеской* представляешь
 надежнѣйшее и спасительнѣйшее средство. XIV.
 Наше Ошечество преимущественно должно воору-
 жаться изученіемъ *Классигеской* древности про-
 тивъ пагубныхъ вторженій лживаго *Романтизма*.

Кстапи здѣсь скажемъ: вотъ лучшее сред-
 ство, кромѣ посѣщенія лекцій, познакомись кому
 угодно съ Университетомъ, съ образомъ мыслей
 Членовъ о наукахъ, съ ихъ сужденіями, искус-
 ствомъ говорить, съ степенью ихъ познаній, и
 наконецъ съ степенью познаній самихъ Студен-
 товъ. Милости просимъ на диспуты! Они пуб-
 личные, равно какъ экзамены и лекціи. —

Одинъ молодой Студентъ перевелъ почти
 всю новую Исторію Герена, какъ услышалъ, что
 въ Петербургѣ ужь печатается это сочиненіе. —
 Переводчики такихъ книгъ должны бы, для взаим-
 ной пользы, предуздомлять въ журналахъ о сво-
 ихъ предпріятіяхъ. —

Н р а в ы

Недосугъ (*).

Есть люди, которымъ 24 часовъ въ сутки мало, а другіе и съ шѣми не знаютъ куда дѣваться.

Есть такіе, которые безпрестанно трудясь и заставляя другихъ трудиться, не успѣваютъ; — трудовъ много, а пользы нѣтъ. —

Раздѣленіе времени дѣло весьма умное; но потребно, чтобы время, драгоценнѣйшій нашъ капиталъ, по пустому тратень не былъ; можно, запершись, чинить перья, и по работа; на повѣрку выдушъ труды и чиненныя перья. —

Въ продолженіе жизни моей случилось мнѣ видѣть людей дѣйствительно трудившихся: не примѣшилъ я на лицахъ ихъ безпрестанной заботливости и шоропливости въ упражненіяхъ, и не слыхалъ ошъ нихъ постоянной жалобы: куча дѣлъ, недосугъ! — Они просто упошребляли утро, и часть послѣ обѣда на упражненіе; прочіе часы оставались на ошдохновеніе, бесѣду съ добрыми людьми; доспавало и на забавы. — Когда примѣчаю, что люди безпрестанно спѣшатъ и нкуда не успѣваютъ, безпрестанно заботающа, и ошобѣдашъ имъ нѣкогда, то горько сожалѣю о участи сихъ спрадальцевъ, и думаю, что ежели дѣло по человекъ, то довольно 24 часовъ, а ежели человекъ не по дѣлу, то распяни сутки на бо часовъ, все будетъ Недосугъ. —

(*) Доспавлено ошъ провинціального наблюдателя.

Д у р а к и.

Я зналъ одного почтеннаго старца, ко-
торый уменъ былъ не на словахъ, а на дѣлѣ, ибо
онъ оставилъ послѣ себя не умственные начер-
панія, но существенные памятники, которые еди-
ножды здраво обдуманы, были не затруднитель-
ны въ исполненіи. —

Часто имѣлъ я удовольствіе наслаждаться
его бесѣдою, и не одинъ разъ слыхалъ отъ него
о несуществованіи дураковъ. — Многіе изъ насъ,
слушая, сомнѣвались и не вѣрили — но онъ
смѣло повторялъ, что нѣтъ на свѣтѣ дураковъ,
и вотъ какъ это доказывалъ: — „Многіе жалуюш-
„ся, что дураки до чрезвычайности расплодился,
„не ужели благодѣтельная природа ихъ такъ
„сотворила? — Нѣтъ, ихъ люди сами шворяшъ:
„когда требуютъ каршинъ отъ конфетчика, Ма-
„шешашики отъ башмачника, отъ дроворуба сло-
„весности, то и выходятъ у людей тошъ ду-
„ракъ, кто не соответствуетъ въ полной мѣрѣ
„симъ опредѣленіямъ. Разбери челоуѣка съ са-
„мыми ограниченными понятіями; найдешь въ немъ
„полезную черту, и отыщешь способъ упо-
„требить его на пользу, — Есть люди, которые
„способны только рубить дрова — съ Богомъ,
„пусть ихъ дрова рубяшъ, и дрова надобны;
„умъ хорошъ, когда онъ на пользу ближняго го-
„день. — Мы опредѣлены жить въ обществѣ,
„безконечныя наши надобности требуютъ по-
„собія отъ другихъ; каждый получая долженъ и

„отдавать, и сей долгъ плашится по мѣрѣ способности, кошорой въ отношеніи къ другимъ
 „едва ли самъ себя человѣкъ опредѣлишь можешь.
 „Отъ чего вспрѣчаясь съ людьми, споль грубо въ
 „нихъ ошибаюся? — Отъ того, что или со-
 „всѣмъ ихъ устраняюшь, или ожидая отъ нихъ
 „всего, навьючиваюшь на нихъ дѣло прошивное ихъ
 „склонности и силамъ. —

„Есть люди, кошорымъ приписываюшь все
 „вообще весьма посредственный умъ, — а дѣло
 „производяшь они порядочно и съ большимъ ус-
 „пѣхомъ, ибо на дѣло остроша и изящныя каче-
 „ства не всегда надобны; на диво сливаетъ
 „иной ламъ дуракомъ, кошорый съ успѣхомъ въ
 „другомъ мѣстѣ дѣло дѣлалъ, и на оборотъ. —
 „Отъ столяра стиховъ шребовать не можно,
 „развѣ ихъ выуждашь; но уповашельно будущъ
 „стихи похожи на топорную работу. — Сколько
 „великихъ мужей, кошорые величіемъ славы обя-
 „заны одному великому качеству, смѣткъ или
 „прозорливости узнавашъ людей приличныхъ и
 „способныхъ къ дѣлу!“ — Почтенный спарець на
 конецъ ушверждалъ что у всякаго есть свой
 талантъ, кошорый отыскашь издо, что дура-
 ки тогда шолько въ полномъ смыслѣ дураки, ког-
 да берутъ на себя чужую работу, имъ не при-
 надлежащую, въ чемъ не всегда они сами быва-
 юшь виноваты. Правъ ли спарець былъ въ суж-
 деніи своемъ, оставляю другимъ на разрѣшеніе. Я
 рассказываю слышанное. —

О благородномъ спектаклѣ.

Въ понедѣльникъ, 28 Апрѣля, — любители театра по убѣжденію Человѣколюбиваго общества, дали спектакль въ домѣ Благороднаго собранія въ пользу бѣдныхъ. Несмѣемъ судить объ игрѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ порознь, но почемужъ умолчать о впечатлѣніи, произведенномъ ими въ зрителяхъ? Почемужъ не сказать двухъ словъ вообще объ этомъ достопамятномъ зрѣлищѣ? — Какая то электрическая сила вылетала со сцены, быстро пронеслась чрезъ всѣ ряды, потрясала всякаго зрителя, проникала въ глубину его сердца: всѣ одно думали, одно чувствовали, сострадали, раскаявались, любили, шоквали, желали, радовались, — всѣ были добродѣтельны, всѣ были достойны быть людьми. Вотъ торжество искусства, — и какія шипла, какія почести, часто условныя, случайныя, можно сравнить съ его волшебнымъ преимуществомъ — такъ управлять сердцами человеческими, волновать, умилять, надѣлять ихъ плодотворными сѣменами истины, красоты и добродѣтели, возносить въ горня. Вънець творенія Божія есть чловѣкъ. Вънець творенія чловѣческаго — искусство. Порадуемся, что въ XIX вѣкѣ ни одинъ образованной чловѣкъ не сомтвается въ этой истинѣ, и, мимо позлащенныхъ глыбъ Державина, поклонимся боговдохновеннымъ жрецамъ искусства.

Для прозаиковъ, которые убѣждаются только наличною пользою, скажемъ здѣсь мимоходомъ, что сборъ для бѣдныхъ простирается до 15 тысячъ рублей.

М. П.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Апрѣля 29 го дня 1830 года.

Ценсоръ Сергѣй Глинка.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

1830 года.

№ VIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~
Т и б р ь.

(П ѣ с н я)

„Варварь съвера надменной
Землю Рима хладно мнешь,
И съ угрозой дерзновенной
Тибру древнему поешь :

*

„Тибрь! ты ль это? чѣмъ же славенъ?
Что добра въ твоихъ волнахъ!
Что такъ шуменъ, своенравенъ
Расплескался въ берегахъ!

*

Основаніе посѣва составляетъ пшеница : по близости портовъ и по всеобщему употребленію ея сбытъ върнѣе и прибыльнѣе другаго хлѣба. Яровую предпочитаютъ ; она приходитъ самъ-го , иногда и болѣе.

Маисъ въ прошедшемъ только столѣтніи введенъ Турками. По чрезмѣрной дешевизнѣ его мало идетъ въ продажу ; зерно въ хорошей годъ приходитъ во сто крапъ , и всякой его съестъ. Правда , что работы и хлопотъ съ нимъ много : землю переуешь , пучную и хорошо вспаханную ; нѣсколько разъ въ лѣто его поляютъ и оканываютъ : малѣйшій морозъ и засуха ему убійственны. Но разъ посеявши , онъ безвредно стоитъ на корню до самаго Декабря ; саранча его не ѣстъ , и собранный въ кошицы и съ небольшими предосторожностями онъ сохраняется го лѣтъ и болѣе. Изъ его муки , съ молокомъ или водою , приготавливаютъ тѣсто , называемое мамалыгою , копорая замѣняетъ въ народѣ хлѣбъ ; соломой или прослянью кормятъ скотъ , кроютъ мазанки и опаливаютъ : по симъ причинамъ не мудрено , что лѣнивые и безпечные Молдаване столь быстро распространили употребленіе маиса , — который также называется кукурузою или Турецкою пшеницею. Вѣроятно , что улучшенное благосостоя-

ніе поселянъ замѣнилиъ современемъ грубую мамалыгу, покрайней мѣрѣ, хлѣбомъ.

Ячменемъ вообще кормяиъ здѣсь лошадей; коня овесъ питашельнѣе, но къ нему еще не привыкли; худо родится, и по рѣдкости дорогъ. Въ Хопинскомъ и Ясскомъ цынушахъ изъ горъ бьютъ обильные ключи, и на нихъ множество мельницъ. Прочія части Бессарабіи, не имѣя сей выгоды, довольствуются въпряными и лошадиными: механика послѣднихъ самая прорсная. Всѣ эти мельницы весьма доходны.

Въ иныхъ мѣстахъ сѣютъ коноплю, ленъ и табакъ — но въ маломъ количествѣ; послѣднее распеніе отъ пого здѣсь не разводится, что жители привыкли къ Турецкому.

Скотоводство. Въ Бессарабіи степи пространныя, воды и лѣсовъ много, пастбища хорошія и скотоводство въ соразмѣрности съ сими выгодами положенія. Отъ сѣвера до юга всѣ имъ безъ исключенія занимающа, но особенно въ цынушахъ Бендерскомъ, Аккерманскомъ и Измаильскомъ. Сіи при цынуша, называемые Буджакомъ или собщвенно Бессарабіей не столь населены, какъ сѣверныя, отъ засухъ и солончаковъ менѣе удобны для хлѣбопашества, а потому жители занимающа преимуще-

Три письма изъ Турціи.

I.

Демотика. 22 Августа 1829.

... Все еще покоилось въ Адрианополѣ, когда я выѣхалъ, солнце едва взошло и лучи его отражались на минаретахъ мечети Султана Селима; выѣхавъ изъ Эски - Сарая, я слѣдовала по густой алеѣ, составленной по большей части изъ шелковичныхъ деревьевъ; черезъ Тунжу (древ. *Fonzos*) переѣхалъ я по каменному мосту довольно прочному. На берегу находишь довольно большое зданіе вновь построенное, въ коемъ по приказанію Султана заведена казенная фабрика для дѣланія красныхъ шапочекъ, замѣнившихъ у Турокъ шеперь прежнія чалмы. — Адрианопольскія улицы были пусты; въ самомъ городѣ видны осшатки древней дороги, усшланой камнями — дорога сія вела къ Демотикѣ. Въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ, увидѣли мы небольшую деревнишку, знаменитую пребываніемъ въ оной Карла XII; шому десять лѣтъ назадъ, еще бывльвъ цѣлости домъ, въ которомъ жилъ сей несчастный воинъ, — но однажды общество пировавшихъ Турокъ отъ неосторожности произвело пожаръ — и шеперь, невидно слѣда Карлова дома.

Мы переправились черезъ Марицу въ бродъ и поѣхали по правому берегу рѣки; — Марица въ древности была извѣстна подъ именемъ, *Hebras*; *Виргилій* воспѣлъ ее —

Берега Марицы близъ Адрианополя довольно хорошо воздѣланы. Прѣхавъ 35 верстъ, мы прибыли въ Демошику (*). Городъ сей разположенъ у подошвы возвышенной и крутой горы и раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одна населена Греками, а другая Турками; на горѣ еще сохранились древнія стѣны съ четверугольными башнями, образующими крѣпость. Входъ въ оную весьма крутъ и дурень; еслибы каменистая сія дорога не была настѣчена, то бы невозможно было взобраться на сію крушую гору, имѣющую видъ конуса, кошорая вмѣстѣ съ развалинами крѣпости и окружными высоками, покрытыми виноградниками, даетъ Демошику весьма живописной видъ. — У подошвы горы течеть ручей Кизильдера (древ. Eucus) впадающій въ Марицу. Въ крѣпости находися Епископство, и весьма древняя церковь; образа самага стариннаго письма, одинъ изъ оныхъ изваянь изъ бѣлаго мрамора и представляеть Св. Евангелиста Луку; передъ входомъ въ церковь я также замѣшилъ нѣсколько древнихъ надписей, хорошо сохранившихся; любитель древностей долженъ опыскивать оныя по большой части въ церквахъ, въ огородахъ и крѣпостныхъ стѣнахъ, при строеніи коихъ часто употреблялись древніе

(*) На всѣхъ картахъ Турціи, до сихъ поръ издаваемыхъ, Демошика назначена на лѣвой сторонѣ Марицы, между щѣмъ какъ она находися на правой; нельзя себѣ представить, до какой степени невѣрны карты Турціи — неисключая и той, кошорую недавно издалъ Генераль Гильеммо. —

камни. — Въ Адрианопольскихъ улицахъ, для перехода черезъ оныя во время грязи, кладуть большіе камни; на нѣкошорыхъ изъ оныхъ, перевораченныхъ, нашли очень древнія надписи. — Греческій Архіерей пригласилъ меня къ себѣ и принялъ весьма хорошо, угостилъ по Турецкому обычаю т. е. чашкой кофе и шрубкою шабаку; — я расспрашивалъ его о городѣ, о древностяхъ, но къ сожалѣнію нашель его совершеннымъ невѣждою.

Въ крѣпости есть довольно хорошіе дома, принадлежащіе Грекамъ; я замѣнилъ нѣсколько милостивыхъ женщинъ, одѣтыхъ нешолько опрятно, но даже со вкусомъ.

Я спрашивалъ Архіерея о Карлѣ XII, но ему нешолько не было извѣстно, что Карлъ жилъ въ Демотики, но даже и самое существованіе сего Шведскаго героя на семь свѣшъ было для него тайною. — Нѣкошорые изъ здѣшнихъ жителей лучше были знакомы съ Исторіею своего городка, и преданіе о Шведскомъ Героѣ дошло до нихъ; они показывали мнѣ домъ, въ коемъ онъ былъ заключень. Домъ весьма небольшой; теперъ отъ онаго остались однѣ шолько полуразвалившіяся стѣны; но пребываніе въ немъ вѣщности сохранило оному до сего времени названіе дворца. Въ времена Греческой Имперіи Демотика называлась *Diodimotychos* и городъ сей былъ вторымъ послѣ Адрианополя; когда въ Греціи было два Императора, то одинъ изъ оныхъ пребывалъ въ Демотикѣ. —

М.

*Письмо о Петербургскомъ театрѣ къ
Издателю.*

... Начнемъ съ Италіанцевъ, ибо прежде всего я видѣлъ здѣсь Семирамиду. Г-жа Мелась, прелестная сценическая пѣвица, и оркестръ, какого я уже давно не слыхалъ, мнѣ принесли величайшее удовольствіе: вошь по моему и все; но я узналъ изъ разбора Св. Пчелы, что Г-жа Мелась большая трагическая актриса; и что оркестръ шель бы гораздо лучше, если бы (совѣстно сказать) не Кавось, т. е. не одинъ изъ отличнѣйшихъ капельмейстеровъ нашего времени, имъ дирижировалъ. — Здѣшній національный спектакль мнѣ показался разговоромъ выше Московскаго, а мимикою ниже. Кромѣ извѣстныхъ вамъ отличныхъ драматическихъ артистовъ, на Русской сценѣ появились новыя дарованія: Г-жа Семенова, щедро надѣленная отъ природы дарованіями и средствами, Г-да Григорьевъ, Дюръ, Воронихинъ, уже полезные актеры, подающъ большую надежду; Г-жа Прилуцкая, съ пріятною наружностію, общается также сдѣлаться хорошею актрисою; а Г. Соосновскій, со временемъ можетъ замѣнить, въ общему сожалѣнію, уже успарѣлаго Боброва. Не знаю, какъ это дѣлается, только школа Петербургскаго Театра продолжаетъ оживлять его драматическую сцену: Московская жь Русская труппа украшается, какъ мнѣ помнится;

уже много лѣтъ, только поступающими въ нее со стороны Артистами (1) какъ по Г-жой Си-нецкой, Г-ми Мочаловымъ, Щелкинымъ, Лавровымъ, Байлышевымъ и прочими; но за то здѣш- нѣ балеты не могутъ хвалиться ни танцорами, ни роскошными костюмами, ни прекрасными де- корациями передъ Московскими. Ришардъ, Г-жи Соръ, Воронина, прелесль-Харламова, и моло- дой рой ученицъ вашей Терпсихоры, легче здѣш- нихъ Зефировъ и Нимфъ, хотя, можетъ быть, нѣ- которымъ должны уступить въ пантомимѣ. (Ис- помина и Телешева превосходны въ нѣмой игрѣ). Славнаго Гонзаго и Корсини только изрѣдка на- поминають подновленные ихъ декорации, а Брауна здѣсь нѣтъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ свадь- бу Фигаро, которая какъ комедія мѣстная, вре- менная и наполненная собешвенно Французскою остроуміемъ, не можетъ нравиться безъ согласной и хорошей игры Актеровъ. — Г. Сосницкій жи- вотворилъ Фигаро: откуда у него взялся эшотъ, жаръ, кошорымъ онъ кипятилъ длинный и пред- длинный монологъ 5-го дѣйствія? Публика не на- ходя, слава Богу, принаровленій къ нынѣшнему нашему быту, не прерывала его, какъ въ Парижѣ, продолжительными рукоплесканиями, и не давала Акшеру отдыховъ, предузнанныхъ въ свое время

(1) А Гг. Рязанцевъ, Сабуровъ? А Г-жи Н. Рѣпина, Сабурова?

Авшоромъ ; однакожь Г. Сосницкій , помогая искусствомъ дарованію , не ослабно кончилъ ужасную для всѣхъ Актеровъ сцену съ самимъ собою , и запоздалыя рукоплесканія вполнѣ вознаградили тяжкій трудъ его. Г-жа Сосницкая живо мнѣ напомнила себя : она прелестно представляла Сусанну , хотя и очень плушовавшее , но невиннѣйшее лице , во всей піесѣ , которую грѣхъ поклепать спрогимъ благочиніемъ. Г-жа Валберхова не ошстала ошъ своей привычки всегда искусно выполнять , а иногда и украшать свои роли. Бывшій вашъ , а щеперь , къ вашему горю , здѣшній Рязанцевъ , кажешся , развернулъ и пополнилъ свои дарованія ; онъ игралъ Антонія очень весело и смѣшно , безъ каррикашуры ; Г. Каратыгинъ б. поддержалъ величавость Испанскаго вельможи , ревновалъ ужасно и укололся забавно любовною печашью. Г-жа Шелихова по обыкновенію была мила , и нравилась въ роли Херубина ; почти всѣ вспомогательныя лица , а особливо Марцелина , содѣйствовали успѣху Комедіи , и пословица „ въ семьѣ не безъ урода “ со всѣмъ бы къ ней нашла , ештли бы заика судья не слишкомъ уродился. Я не знаю журнальныхъ разборовъ объ эшомъ представленіи , но мнѣ читали нѣсколько рецензій , какъ говорятъ , написанныхъ сошрудниками Сѣверной Пчелы , Бабочки и еще какихъ-то еженедѣльныхъ выходцевъ. Чшобъ вы увидѣли , до какой степени они могутъ бытъ поучительны нашимъ Арписшамъ ,

я приведу вамъ въ примѣръ нѣкошорыхъ изъ самыхъ рѣзкихъ и рѣшишельныхъ сужденій. Одинъ изъ кришиковъ пишетъ „что Г-жа Каратыгина б. въ отдѣльно игранномъ 3-мъ дѣйствіи: *Горе отъ ума*, доказала ему, что она истинно прекрасная комическая актриса, что онъ принужденъ въ первый разъ такъ хвалить ее, и сравнивать съ Г-жею Марсь, ибо она совершенно постигла и обдумала“... что же? 30 или много 40 бездѣльныхъ стиховъ, составляющихъ всю, ни мало не хитрую ролю Нашали Дмишріевны! — Что это, похвала или брань? — И какъ должна принять такое внезапное привѣтствіе актриса, представляющая уже давно Селимену и прочіе большіе и шрудные характеры. Тошъ же Кришикъ и въ той же Комедіи, недовольный Г. Сосницкимъ, игравшимъ Загорецкаго, совѣщаетъ ему, почти слово въ слово одно и тоже, что и актеру, представлявшему Молчалина. Чтобы сказала бѣдный Грибоѣдовъ, (на кошораго печально взводяшь разныя неблизцы), еслибы онъ увидѣлъ въ прекрасномъ актѣ своей комедіи двухъ близнецевъ, (Молчалина и Загорецкаго), похожихъ между собою, какъ двѣ капли воды. Другой, изъ чьихъ-то сошрудниковъ, съ душевнымъ умиленіемъ превозносилъ обдуманную, вѣрную и, чуть ли, не совершенную игру Г. Каратыгина б. въ Фаустѣ, не Гётевомъ, а въ безобразномъ и безполковомъ сшивкѣ всѣхъ смѣшанныхъ отъ Эврипида до Коцебу сеншенцій, шранзицій

и раздумій, которыя, однакожь, не взирая на заслуженную симъ Актеромъ любовь публики,

*Не принесли ему за всё многостраданья,
Хотя для отдыха, награлъ рукоплесканья.*

Правда въ награду старанію, съ которымъ онъ изъ уваженія къ Публикѣ и своему искусству игралъ самую нелѣпую роль, Г. Карашыгинъ былъ вызванъ: зрители, кажется, хотѣли его утѣшить своею благодарностію за вольное самоубійство, въ продолженіи 3-хъ часоваго грудотерзанія. Но я незнаю, отдали ли печашную справедливостъ благородной, одушевленной, вѣрной, проспой, и пошому превосходной игрѣ тогоже Г. Карашыгина въ Іоаннѣ, Герцогѣ Финляндскомъ. — Переводъ сей піесы въ представленіи показался мнѣ хорошимъ, хотя его и не превозносили въ журналахъ, какъ нѣкоторые переводы, которые читая я вспомнилъ эпиграмму, сдѣланную Каннистомъ на самого себя. Но молчаніе нашихъ театральныхъ Аристарховъ меня удивило почти столькоже, какъ писаніе ихъ: еще до сей поры ни слова не сказано о явленіи очень рѣдкомъ и пріятномъ на нашей сценѣ: Г. Кавось поставилъ для своего бенефиса новую оперу (Осада Коринѳа) съ прекрасною и претрудною музыкою Россини, и представилъ публикѣ ученицу свою Г-жу Биркину съ очень пріятнымъ, вѣрнымъ, чистымъ, обработаннымъ и одушевленнымъ голосомъ. Опера, въ которой Г. Самой-

ловъ былъ, по прежнему, хорошъ, а Г. Ефремовъ пѣлъ съ новымъ для него искусствомъ, шла необыкновенно согласно: прелестная мелода и живое чувство, съ которымъ пѣла Г-жа Биркина, шопчасъ обрадовали любительей собственно нашихъ талантовъ, и ей бы охотно просили они нещочность, но она не имѣла нужды въ прощеніи; игра ея была благородна и прилична, не взирая на робость и неувѣренность, безъ которыхъ не могутъ обойтись дебютанты. Наружность ея очень благовидна и чрезвычайно благосклонный приемъ Публики поспешенно придавалъ ей болѣе смѣлости, живости и даже силы въ пѣніи. Испаліанскіе пѣвцы, которыхъ мнѣ показывали въ ложахъ и партерѣ, съ восхищеніемъ ей аплодировали, а особливо въ ея аріи и гимнѣ послѣдняго акта, который она пѣла съ искусствомъ, дѣлающимъ большую честь ея учителю и съ рѣдкимъ и для опытныхъ пѣвицъ выраженіемъ, которое доказываетъ ея природное дарованіе. Жаль, что вы не могли видѣть этого спектакля, онъ бы вамъ доставилъ удовольствіе: похвалитъ свое, достойное похвалы. Но заговоря о достойномъ похвалы, грѣхъ будешь умолчать о Нимфодорѣ Семеновѣ Семеновой, которая, осмѣляя нашу сцену, думала объ утѣшеніи и удовольствіи зрителей, благосклонныхъ къ ней въ теченіи 20 лѣтъ; она взяла на свои руки молодую Биркину, образовала ея способности, дала ей учительей языковъ, словесности,

музыки; и нишомица ея вознаградила успѣхами во всею добрую душу своей благодѣшельницы, и должно надѣяться, что хотя для рѣдкости, будешь ей благодарною. Вошь вамъ пока всѣ наши театральныя новости. . . .

С. П. Бургъ 12-го Февраля.

И. И.

П р а в ы.

Что значитъ умѣть дѣлать свои дѣла.

Анекдотъ.

Нужно ли бышь грамашнымъ, чтобы хорошо дѣлать свои дѣла? — Кажется въ наше время это вопросъ, даже рѣшенный! — Не совсѣмъ-то рѣшенный, Милосивые Государи! Тутъ еще представляется вопросъ: *какія* дѣла? — Чшобы честно рѣшить дѣло, нужна совѣсть; чшобы рѣшить правильно, нужна грамашность; но чтобы хорошо дѣлать свои дѣла, именно не нужно ни того ни другаго! вошь вамъ и доказашельства.

Одинъ старинный судья (а можетъ бышь и Предсѣдатель) былъ такой плохой, такой безграмотный, что напрямѣрь: вмѣсто *двадцатью* ударами, писалъ *дваццатью*; помѣчая входящія, вмѣсто: *Августа*, писалъ *Авъ-Густа* — и шому подобнос; шакъ чшо когда однажды вмѣсто 20 ю, къ которымъ привыкъ онъ, нужно было написать

осмью, то онъ взялъ особую бумажку, загородилъ ее ладонью, перекрестился — и сперва попробовалъ, напишешся ли такое трудное слово, но видя, что не удача, совсѣмъ былъ гошовъ уже написать свое любимое *двацатью*; но, къ счастью подсудимаго, это роковое слово взялся написать другой!

Но кто бы подумалъ, что онъ, эпомъ безграмотный, *дѣлалъ свои дѣла* лучше грамотныхъ! — Было одно дѣло, которое *не шло*, совсѣмъ не столько по незнанію Предсѣдателя, сколько пошому, что просишелей *не ходили*! — Наконецъ одинъ изъ просишелей, иностранецъ (видно ужъ обрусѣвшій) замѣшивъ такую натуральную причину медленности, рѣшился не только *походить* по дѣлу, но и *сойтись*, съ хѣмъ сѣдуешь, и сдѣлалъ это очень искусно; пошомъ оказался еще искуснѣе.

Онъ знакомится съ нимъ на обѣдѣ у одного общаго пріятеля, который такъ, стороною, заводитъ рѣчь, что „*нуженъ-де для дожки его Высокородія несесертикъ*; а купишь-то все нѣкогда; *дѣлами* заняшь; просилъ де меня; да я какъ-то „это дѣло мало *разумѣю*!“ — Послушай, любезный, сказалъ онъ наконецъ, обратился къ иностранцу: ты по Кузнецкому-то мосту всякой день гуляешь! не возмешь ли ты на себя этой комиссіи, а меня ты крайне обяжешь, избавивъ отъ эшихъ хлопотъ! — Да ужъ привези прямо къ Его Высокородію!

Догадливый иностранецъ, согласясь, заплашилъ нѣсколько сошь, (а иные говорятъ, всего полторааша), за дамскій несессерь и на другой же день рано поутру является къ Предсѣдателю.

Тому вещь чрезвычайно понравилась. Онъ *взялъ* ее, т. е. *взялъ* въ руки! —

„Сколько же, башюшка, мнѣ заплатить за нее?“ спросилъ онъ.

— Помилуйте, ошвѣчалъ проситель, смѣюли взять съ васъ за эшу бездѣлицу? Позвольте просить Васъ, принять ее отъ меня *такъ*. . . .

Это *такъ* — въ переводѣ на правильное нарѣчье, значило бы совсѣмъ *не такъ*; но Предсѣдатель понялъ . . . и разкричался:

Какъ Милосливый Г., недумаете ли вы, что я беру *взашки*, что я *пользуюсь*! . . . Не говорите же ни слова! извольте *взять* деньги, извольте *сударь*, извольте! — извольте!

И съ эшимъ словомъ *вынулъ красильную* и отдалъ просителю, который оспался споль доволенъ, какъ будто его сошни окупались спорицею!

Незначитъ ли это хорошо дѣлать свои дѣла и послѣ эшаго, нужно ли для того быть *грамотнымъ*!

спивенно скоповодствомъ и садоводствомъ.

Конскіе заводы многочисленны, но посредственны; лошади выходятъ только для упряжи. Верховыя преобладаютъ большихъ капиаловъ и хорошаго призора: и то и другое здѣсь весьма рѣдко. Вообще Молдаванскія лошади безъ заду; довольно красивы, быстры, но не отличаются крѣпостью. Русскіе помещики выписываютъ Малороссійскихъ жеребцовъ, которыми надѣются исправить здѣшніе заводы.

Рогатый скотъ прекрасенъ: коровы рослы, лучны и обильны молокомъ. Волы, необходимые для хлѣбопашества, всѣ сѣрые; нѣкоторыя разводятся Крымскихъ бурыхъ, ибо они очень легки на ходу — но крѣпостью, особливо покорностью уступаютъ здѣшнимъ. Молдаванской земледѣль, котораго волы составляютъ почти единственное богатство — обходится съ ними очень ласково и причаешь повиноваться одному голосу.

Овцы одни изъ главныхъ отраслей скоповодства въ Бессарабіи: природныя называются Цукчи и Цыгаи; шерсть на нихъ довольно тонкая и хорошая, почти равняющаяся съ Шлёнской: но главное ихъ достоинство — крѣпость и привычка къ климату. Мериносы напрошивъ подвержены разнаго рода бо-

„Тѣсень, мумень, — ве завидно
 Прокашилъ тебя швой рокъ,
 Солицу красному обидно
 Поглядѣшься въ швой пошокъ.

*

„Не гордись. — Когда бѣ шмы — горе!
 Нашу Волгу увидалъ,
 Ошъ сшуда, ошъ спраха бѣ въ море,
 Струи грязныя умчалъ. —

*

„Кѣкъ парчою голубою
 Разослалась по сшепямъ,
 Кѣкъ привольно въ ней собою
 Любоваться небесамъ!

*

„Какъ молодой народъ могуча,
 Какъ Россія широка,
 Какъ языкъ ея гремуча
 Льетса дивная рѣка;

*

„Далеко валы широки
 Для побѣдъ ошважныхъ шлеть,
 И послушныя пошоки
 Въ царство влажное береть.

*

„Посмотрѣлъ бы шмы, какъ вскинеть
 Со хребша упорный ледъ,

И суда свои подвинешь ,
 Да на Каспiя пойдешь !

*

„О когда бы доплеснула
 До тебя ея волна ,
 Словно каплю бы сглотнула
 И въ свой Каспiй унесла!“

*

Тибрь въ отвѣтъ : — „Ужели, дикой ,
 Мой тебѣ невнятенъ вой ?
 Предъ побою Тибрь великой
 Плещешь вольною волной !

*

Славень я между рѣками
 Не просторомъ береговъ ,
 Не богатыми водами ,
 Не корыстiю судовъ ; —

*

Славень тѣмъ я , Тибрь свободной ,
 Что моихъ отважныхъ водъ
 Цѣпью шажкой и холодной
 Не коваль могучей ледъ ;

*

Славень тѣмъ непобѣжденной ,
 Что объ мой несдержный валъ ,
 Конь подковою презрѣнной
 Въ гордомъ бѣгѣ не спучалъ ;

*

Пусть же рѣки на просторѣ
 Спятъ подъ цѣпью ледяной :
 Яжь бѣгу, свободный, въ море,
 Неумолчною волной.“

Шевыревъ.

Незваный гость.

Незваный гость на пирѣ свѣла,
 Я встрѣшилъ жизни у дверей
 Холодность гордаго прибѣга
 Меня чуждавшихся людей.
 Я покраснѣлъ взоседь безъ зова,
 И вышелъ, и за мною снова
 Виномъ заискрился бокаль,
 И каждый пѣлъ и пировальъ . . .
 Но имя гостя убылова
 Никшо въ пиру не вспоминаль.

А. Шишковъ 2 й.

С о н е т ъ.

(С о н е ш ъ).

*Scoti not the Sonnet critic.**Wordsworth.*

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
 Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
 Игру его любилъ творецъ Макбета;
 Имъ скорбну пѣснь Камоенсъ облекалъ.

И въ наши дни пѣвнеть онъ поща:
 Вордсвордъ его орудіемъ избралъ,
 Когда вдали отъ суетнаго свѣта
 Природы онъ рисуешь идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды опдаленной
 Пѣвецъ Липвы въ размѣръ его спѣсенной
 Свои мечшы мгновенно заключалъ;

У насъ еще его не знали дѣвы,
 Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
 Гекзаметра священные напѣвы.

А. Пушкинъ.

П Р О З А:

Письмо къ Карлу Роквероль отъ Альбано Цезары.

(Изъ Титана — Романъ Ж. П. Рихтера).

„Незнакомецъ! въ то время, (*) когда въ хаосѣ смерти являющіяся слезащимъ взорамъ сокрушенные сполны побѣдные, и проны, и высокіе профети, — тебя опкровенно вопрошаютъ прямое сердце; опвѣчай ему шакже.

Услышала ли Богъ опъ тебя первую молитву человечества: есть ли у тебя другъ? распешли ты съ нимъ вмѣстѣ желаніемъ, сердцемъ, днями, какъ ты четыре кедры Ливанскіе, кошорые къ себѣ однихъ орловъ допускаютъ? есть ли у тебя два сердца, четыре руки; живешь ли вдвое, какъ безсмертный, въ міръ вѣчнаго боренія? или споишь одинокъ на опвѣломъ, шѣсномъ шпичѣ льдины нагорной — и нѣтъ чело-

---

(*) Альбано, герой сего романа, видѣлъ въ первой разѣ Карла Роквероля на погребеніи владѣтельнаго Князя; онъ еще прежде, по слухамъ, узнавши его характеръ, избралъ себя его другомъ и эшимъ письмомъ вызываетъ его на дружество.

вѣка, кому бы ты могъ показать Альпы мирошворенія, и небо раскинулось сводомъ далеко отъ тебя и бездны подъ тобою? Когда празднуешь день своего рожденія, ешь ли у тебя существо, кошороебъ, сжавъ тебѣ руку, сказало: мы все сблизаемся другъ съ другомъ — и въ глазахъ искало бы опвѣта.

Незнакомецъ! если нѣтъ у тебя друга, заслужилъ ли ты его? — Когда пламенѣла весна, и сладкіе сосуды цвѣтловъ развивались, и опкрывалось чистое небо, и тысячи вращъ опверзались въ рай наслажденія, скажи: сморѣлъ ли ты на нее съ грустью, какъ я, — просилъ ли у Бога влораго для себя сердца? — Когда же вечеромъ солнце упадало горою, и пламень его воспекалъ отъ земли, и лишь одинъ румяный паръ облакаль сребросвѣтлыя звѣзды: зрѣлъ ли ты въ шуманѣ прошедшаго сроднившіяся нѣни дружества, кошорыя на поляхъ бившы, какъ созвѣздїа одного круга, закашились вмѣстѣ; зрѣлъ ли, какъ онѣ исполински плывушь по кровавымъ облакамъ; думалъ ли ты, подобно мнѣ, о ихъ непреходящей любви и своемъ одиночествѣ? И одинъ въ безмолвіа noctномъ, когда пламенной духъ человека неушомимо странспвуетъ, и ищешь, — когда ночь развѣшиваешь свои хладныя солнца

по тверди надземной и между всеми опдаленными ликами неба ты не зришь ни одного любезного, безцѣннаго душѣ, — когда грустно увлекаешь тебя безконечность и ты чувствуешь себя на холодной почвѣ земли, чувствуешь, что сердце швое ни о чью грудь не бьется, кромѣ собственной: о возлюбленный, плачешь ли ты тогда, плачешь ли искренно?

„ — Карлъ, часто въ день рожденія я пересчитывала распущія годы, сѣи перья въ широкомъ крылѣ времени; и задумывался о шумномъ пролетѣ юности; тогда изъ дали простирала я руки на встрѣчу другу; о еслибы онъ вѣчно плылъ со мною въ Хароновой ладѣ, въ сей колыбели нашей, по потоку жизни, между шѣмъ какъ ея возрасты исчезаютъ на брегѣ съ ихъ цвѣшомъ, листьями и плодами — и на далекихъ волнахъ родъ человѣческой всплываетъ предъ нами въ безчисленныхъ гробахъ и колыбеляхъ.

Ахъ! не пестрый берегъ мчится, но самъ человекъ съ своимъ пококомъ; вѣчно разцвѣтаютъ и блекнутъ возрасты жизни въ садахъ прибрежныхъ; мы однажды прочимся — и безъ возврата.

Но другъ умчится съ нами. Въ сей часъ, на печальныхъ играхъ смерти, помысли о блѣдномъ вѣнцѣносцѣ; живо

предснавъ его юность и посѣдѣвшаго друга, которъй въ тайномъ уединеніи надъ нимъ плачетъ: сердце твое распаешь въ крошкѣмъ, но жаркомъ пламени; ты воскликнешь: „хочу любить, попомъ умереть и опить любить. Всемогущій! дай мнѣ другую душу, съ такимъ же желаніемъ, какъ моя.“

Если ты это сказала, приди къ моему сердцу; я другой ты: сожми мнѣ руку, держи ее, пока не изсохнетъ она. Нынѣ я видѣлъ лице твое и на немъ язвы жизни; приди ко мнѣ, близъ тебя хочу я лишь кровь и въ борьбу опважусь. Давно уже я искалъ, я любилъ тебя. Приди, сольемся, какъ два попока, возрастемъ вмѣстѣ; понесемъ другъ друга — и изсохнемъ вмѣстѣ. Горнило дружбы сплавитъ насъ, какъ серебро въ свѣпломъ пламени, — и пѣна нечистая опбрызнетъ вонъ изъ чистаго металла. Не смѣйся злобно надъ людьми, что они похожи на огни блудящіе; мы всѣ горимъ, подобно симъ огнямъ — и насъ увлекаетъ дождливая буря времени. — И тогда, какъ исчезнетъ время, мы снова, какъ нынѣ, найдемъ другъ друга на свѣпломъ праздникѣ новой весны. *Альбано де Цезара.*

НАУКИ.

б) Статистическіе матеріалы.

Бессарабія въ 1826 году.

(Отрывокъ).

Земледѣліе, промышленность, торговля.

... Всѣ эти спашьи я соединилъ въ одной главѣ, ибо торговля произскакаетъ отъ промышленности; а тамъ, гдѣ край пользуется вольностью поселянъ, плодами родной почвы и благошворнымъ климатомъ — имъ служишь основаніемъ земледѣліе.

Бессарабія споль роскошно одѣлена природою, что нѣтъ Европейскаго произведенія, ни живошного, котораго бы земля не могла произраспашь, а лѣса и воды воспашать. Трудъ и промышленность награждаются спорицею по множеству истоковъ, по легкости сообщеній съ Европой и Азіей: чего невозможеть просвѣщенная Авспрія, шо поглотилъ ненасытннй Конспаншинополь.

Съверъ Бессарабіи ш. е. цынушы Хопинской, Оргеевской и Ясской, опрѣзаные отъ Молдавіи, обильнѣе лѣсами, минераллами и водами. Положеніе гористое;

грунтъ каменный; берега Днѣстра усыяны живописными скалами. Въ долинахъ почва земли жирная, наполненная селипрою, долго хранишь живительную влажность и весьма удобна къ хлѣбопашеству. Температура прохладная; попадающія березы, и виноградъ не всегда вызрѣваетъ; даже въ Яскомъ цынушь вино кисло и не можетъ равняться съ Аккерманскимъ.

Особенный холодъ ночей здѣшняго края, споль вредный здоровью, но полезный произрастѣніямъ, приписываютъ слѣдующимъ причинамъ: 1) Черноземъ менѣе сохраняетъ солнечный жаръ, нежели песокъ; 2) холмистое положеніе земли производитъ тѣнь и удерживаетъ, скопившіеся въ низкихъ мѣстахъ, пары; 3) селишранные части, въ большомъ количествѣ наполняющія землю, необыкновенно холодяшь воздухъ; 4) раскаленная дневнымъ жаромъ атмосфера шянетъ, по захожденіи солнца, прохладу съ моря и Молдавскихъ горъ: потому южные и западные вѣтра сыры и не благопріятствуютъ здоровью; напошивъ восточный сухъ и освѣжаетъ воздухъ; сѣверный также здоровъ, но холоденъ и зимою наноситъ снѣгъ и вьюгу. За Днѣстромъ, гдѣ земля ровная и обнаженная, грунтъ песчаный и безъ селишры — ночи теплы; хотя

жъ вечеру и поднимается морской вѣ-
шеръ, но онъ только чшо прохладенъ.

Въ сихъ прехъ цынулахъ особенно
занимающа хлѣбопашествомъ; сѣють
въ большемъ количествѣ пшеницу, ма-
исъ, ячмень. Русскіе разводятъ рожь и
овесъ; мало употребляемые жителями.
Есть гречиха, просо, горохъ — но не мно-
го: за то обширныя поля заняты бах-
чею: арбузы, дыни и огурцы почти
единственная лѣтняя пища поселянъ.

Огороды во всей Бессарабіи наполне-
ны всякаго рода овощами и кореньями,
опличающимися своею сочностью; осо-
бенно хороши капуста и Турецкіе бобы,
занимающіе первое мѣсто на Молдаван-
скихъ сплахъ.

Земледѣліе въ Бессарабіи въ младен-
чествѣ: орудія самыя простыя, ма-
шинъ никакихъ. Землю пашутъ плугомъ
въ 6, иногда въ 10 воловъ; сохъ не упо-
требляютъ. На землю никогда не кла-
дутъ навоза, которъ ей можеть ей по-
вредить, — споль она жирна, — но по не-
сколько разъ перепаживаютъ; заборани-
ваютъ желѣзными боронами. — Лучшую
и новую землю отводять подъ бахчу;
оспальную досѣваютъ прочими хлѣбами.
Черезъ два года земля отдыхаетъ подъ
паромъ; по обширности спелей недо-
рожатъ еще новью.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1830 года.

№ VI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Смерть счастливца.

I.

Последней жизни содроганье :
И мушный взглядъ , разкрывшись , спалъ !
„Онъ умеръ!“ врачъ его сказалъ
И отвратилъ потчасъ вниманье !
Все лишина кругомъ была —
И въ любопытствѣ , въ ожиданьи ,
Толпы стоявшей вокругъ одра
Не прерывалось молчанье !
Туть началась ходьба вокругъ !
Но все наемники и слуги ,
И чуждыхъ душъ и чуждыхъ рукъ
Пошли ненужныя услуги !
Никто надъ нимъ не возопилъ
Въ священный часъ его исхода.

Что плакашь! и кому? — Онъ былъ
Счастливецъ!

Но шолпа народа
Нахлынула на упрѣ въ домъ,
Гдѣ онъ подъ бархатнымъ покровомъ
Лежалъ въ спокойствіи суровомъ!
Всѣ шушь, кто только былъ знакомъ!
И гласъ, не лести — убѣжденья,
Иль гласъ общественнаго мнѣнья,
Огромной залы по угламъ
Быль слышанъ здѣсь, былъ слышанъ шамъ:

„И шакъ, его ужъ нѣтъ! — куда она дѣвалась,
Сія прекрасная, великая душа,
Которая однимъ возвышеннымъ дыша,
Жила межъ насъ, жила — и жизнью наслаждалась!
Гдѣ просвѣщенный умъ? гдѣ эшотъ шонкій вкусъ?
Гдѣ эшотъ швердый духъ и благосшь помышленій?
Сей домъ, казавшійся шо свѣтлымъ храмомъ Музь,
То храмомъ роскоши и умныхъ наслажденій —
Ошнынъ, опустѣвъ, могилы приметъ видъ!

Сихъ спашуй, сихъ картинъ споль рѣдкое
собрание

Наслѣдникъ, можешъ бышь, какъ вещи, оцѣнитъ
И разпродасшь въковъ и Генія созданье! —
А онъ (кому даво споль много въ жизни сей!)
Любимецъ счастья! онъ до послѣднихъ дней
Не оставлялъ свои любимыя желанья.

Онъ въ полношѣ надеждъ покинулъ здѣшній
міръ,

Какъ гость, насытившись, встаетъ среди
 мечшанья,
 Что завтра ждешь его такой же новый пиръ!
 Вошь какъ все на землѣ невѣрно и непрочно!
 Но счастливъ, счастливъ, кто въ подобной
 сей судьбѣ,

И наслаждался непорочно
 И память добрую оставилъ по себѣ!
 Его конечно свѣтъ на долго не забудешь!
 Но впрочемъ жаль его для насъ, не для него:
 Тамъ лучше оцѣнишь достоинства его!
 Ему еще тамъ лучше будешь!

II.

Межъ тѣмъ, онъ шѣла отдѣлясь,
 Онъ полетѣлъ шуда, къ странѣ для насъ незримой,
 И видя новый мѣръ, сокрытый здѣсь онъ насъ,
 Тамъ вдругъ постигнувъ онъ, что здѣсь непо-
 спижимо!

Другіе образы, другіе звуки, цвѣтъ,
 То чудно-радостный, то чудно-страшный свѣтъ!

И понялъ онъ, что есть другая
 Природа, кромѣ той,
 Которую, себя въ томъ мѣръ заключая,
 Онъ гордо признавалъ природою одной!
 И вдругъ онъ сталъ предъ Тѣмъ, Кого, хоть очи Духа,
 Однако же его не зрѣли очеса!

И вдругъ его коснулись слуха
 Другіе голоса.

Г о л о с ь.

Быль разумъ данъ ему природой,
 Онъ вышній даръ не пренебрегъ:
 Всегда въ предѣлахъ, но съ свободой
 Стремилъ онъ умственный свой бѣгъ,
 Не заглушалъ его мечтами,
 Природы шайню не возмущалъ,
 И даже съ самыми спраснями
 Его господство сочешалъ!
 И вѣсь и мѣру сохраняя,
 Онъ говорилъ — и вокругъ него
 Внимали, шайно созная,
 Что разумъ Бога даръ — и Бога одного!

Х о р ь.

Благословенье на него!

Другой голосъ.

Нѣтъ! въ шѣсномъ кругѣ онъ природной
 Сей даръ преступно заключилъ,
 И въ эшомъ кругѣ лишь свободно
 И гордо мыслей бѣгъ стремилъ!
 Земной — воззрѣнія земнаго
 Онъ внутрь себя не устремлялъ,
 И дарованія святаго
 Восшоргомъ онъ не согрѣвалъ!
 Бросалъ его онъ, расточая
 Предъ шѣмъ, кто ниже былъ его,

И мудрый говорилъ, вздыхая:
 На шоль сей Бога даръ? и данъ онъ... для чего?

Х о р ь.

Презрѣль даръ Бога онъ! Прокляшье на него!

Г о л о с ь.

Посѣянъ былъ въ немъ духъ великій!
 Онъ, сколько могъ, его взрастить;
 И передъ шрономъ бы Владыки
 Ошважно правду говорилъ!
 Онъ, презирая заблужденья,
 Себя ихъ выше посшавлялъ,
 И часто взглядъ пренебреженья
 Ихъ, не внимая; ошвергалъ!
 Сомнѣній жизни и до слуха
 Не допускалъ онъ своего,
 Хранилъ всегда равенство духа
 И цѣлымъ возврашилъ, какъ принялъ онъ его!

Х о р ь.

Благословенъ на него!

Д р у г о й г о л о с ь.

Нѣтъ! не взрастилъ онъ, сколь возможно,
 Зерно, хранимое душой!
 Подвижникъ правды оспорожной,
 Онъ ей не жертвовалъ — собой!
 Онъ мыслялъ все постигнуть взоромъ,
 И съ заблужденемъ наравнѣ

Разилъ онъ истину укоромъ ,
 Когда скрывалась въ глубинѣ !
 Любви къ покою лишь послушной ,
 Сей духъ — былъ лишній для него !
 Хранилъ его онъ равнодушно ,
 И тщетно имъ владѣвъ , такъ опдалъ онъ его !

Х о р ъ .

Ошвергъ даръ Бога онъ ! Проклятье на него !

Г о л о с ъ .

Вдова , оставленная миромъ ,
 Но низкой доли далека ,
 Стыдилась я въ удѣлѣ сиромъ ,
 Просить , какъ нищая , куска !
 Случайно , съ шрепещомъ надежды
 Вступила я въ его чертогъ —
 И первый онъ ошеръ мнѣ вѣжды ,
 И ложный стыдъ свесши помочь !
 И разспросилъ онъ добродушно
 Всю повѣсть жребья моего ,
 И даръ взяла великодушной
 Я , не стыдяся , онъ него !

Х о р ъ .

Благословенье на него !

Благословенье на него !

Д р у г о й г о л о с ъ .

Младенецъ , ввѣренъ попеченью
 Я былъ любви его одной ;

Но, чуждъ обща исполненью,
 Онъ пребылъ мнѣ всегда чужой!
 Онъ съ виду былъ мой покровитель,
 Но лишь молвы одной искалъ —
 И, лучшихъ сердца чувствъ гонитель,
 Онъ ихъ насмѣшкой оскорблялъ!
 Онъ ошвергалъ при мнѣ безпечно,
 Что я считалъ свящѣй всего,
 И охлаждалъ мой жаръ сердечной,
 Когда пылалъ онъ для него!

Х о р ь.

Проклятье на него!

Проклятье на него!

Г о л о с ь.

Въ шѣни убожества не видной
 Былъ скрытъ шаланшъ природный мой,
 И въ небреженіи поспѣдно
 Оставленъ Бога даръ святой!
 Какъ Провидѣнья предо мною
 Посланникъ, вдругъ явился онъ,
 И взявъ, и властною рукою
 Изъ тьмы мой умъ былъ изведенъ!
 Я свѣтомъ новымъ озарился,
 Очамъ незримымъ до того!
 Мнѣ лучшимъ, Божій миръ явился!
 И что я былъ бы безъ него!

Х о р ь.

Благословенье на него!

Благословенье на него!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Борецъ на юприщѣ высокомъ,
 Я слабымъ былъ: онъ возвышалъ;
 Я спалъ мужашь: онъ хладнымъ окомъ
 Мои усилія встрѣчалъ!
 Хвалилъ во мнѣ — чшо недоспойно!
 Хулилъ — доспойное хвалы!
 И переслушивалъ спокойно
 Свой голосъ въ опзывахъ молвы!
 Бросалъ на мѣръ — покровъ могилы
 Не видѣлъ въ жизни — ничего!
 Самъ Богъ, дающій духъ и силы,
 Давъ бодрость, спасъ съшей его.

Х о р ъ.

Прокляшь на него!
 Прокляшь на него!

Г о л о с ъ.

Исполненъ благами земными,
 Въ желаньяхъ онъ умѣренъ былъ,
 Не возносился предъ другими
 И зналъ, чшо ихъ не заслужилъ!
 Пушемъ усѣяннымъ цвѣтами,
 Какъ мудрый, онъ спокойно шелъ,
 Не докучалъ предъ небесами,
 Довольный вкругъ себя смотрѣлъ!
 И часто, полнъ благословенья,
 Въ избытокъ блага своего,

Онъ возносилъ благодаренья
Къ судьбѣ, шполь щедрой для него!

Х о р ь.

Въ заслугахъ духа — ничего!

Другой голосъ.

Пока сихъ благъ онъ наслаждался,
Въ избыткѣ ихъ — благимъ онъ былъ!
Но чужь лучъ счастья отворачался,
Порядокъ вѣчный онъ винилъ!
За штьмъ всю жизнь ему ненастья
Правдивый рокъ не посылалъ,
Чтобы хопя подь солнцемъ счастья
Онъ, слабый, легче созрѣвалъ!
Но не узнавъ судьбы превращной,
Къ наукъ счастья шо же глухъ,
Пришелъ къ могилѣ онъ внезапно,
Не воспитавъ ни чьмъ свой духъ!

Х о р ь.

Пускай пеперь откроешь слухъ!

III.

И шренешь, намъ земнымъ безвѣстный
Ужасный шрепешъ сей, болезненный шого,
Съ кошорымъ входилъ жизнь, живилъ сосшавъ шъ-
лесный,

Или исходилъ изъ него,
Проникъ, пронзилъ насквозь сосшавъ его духовный,—
И стало все вокругъ недвижно и безмолвно!

И Топь, предъ Кѣмъ онъ былъ, Кошораго не зрѣлъ,
Одинъ въ сей пишинѣ глаголомъ возгремѣлъ:

„Ты не былъ никогда злодѣемъ,
Кровавый мести не алкалъ,
Не ползая ядовитымъ змѣемъ
И клеветы не изрыгалъ;
Но нѣшь своею заслугой въ ономъ!
Тебя естественнымъ закономъ
Такимъ природа создала,
Что кровь въ тебѣ *равно* текла!
Но ты чужою клеветою
Свой слухъ охотно наполнялъ,
И, побуждаясь правосою,
Невольно ядъ распространялъ!
Что былобъ, вредное орудье,
Когдабъ Святое Правосудье
Не полагало на всахъ
Съ дѣяньемъ вмѣстѣ — побужденье?
Но вѣчной Милосши въ судахъ
Гдѣ равновѣсїе — прощенье!
И знай, что здѣсь за шо одно
Госпова неизбежно кара,
Когда въ избытокъ что дано,
И щещнымъ сталъ избытокъ дара:
Но въ этой карѣ — мести нѣшь:
Она — естественный твой слѣдъ!

„Тебѣ былъ данъ сей даръ пространный
Въ удѣлъ не всѣмъ изъ смертныхъ данныхъ!
Тебѣ онъ данъ былъ для него?

Законы вѣчные кошѣли ;
 Чшобъ для великой общей цѣли
 Ты воспиталъ въ себѣ его !
 Сиѣ законы — неизмѣнны !
 И пакъ сей духъ , шобой презрѣнный ,
 Но нужный въ общей массѣ силъ ,
 Должно , чшобъ здѣсь ты возвратилъ ,
 Иначе волею швоею
 Онъ , вѣчный , былъ бы измѣненъ ,
 И не достигъ бы цѣли онъ
 Передъ Премудросшью Моею !
 Здѣсь воспиташъ его шруднѣй :
 Тамъ вы , какъ дѣти слабосильны ,
 Тамъ нѣтъ прозрѣнья для очей ,
 За шо источникъ силъ обильный
 Дается свыше въ помощь вамъ ;
 Но здѣсь , свободный совершенно ,
 Ты приходи до цѣли самъ ,
 Къ кошорой все опредѣленно !
 „Есть на шебѣ еще вина ,
 Илъ лучше шяжкѣй долгъ она !
 Ты охлаждалъ въ другихъ благое ,
 Хвалою злое возвышалъ ,
 И сѣмя истины свяшое
 Въ сердцахъ ошверзсшыхъ заглушалъ !
 Ты мрачнымъ одѣвалъ покровомъ
 И жизнь и мѣръ для шѣхъ очей ,
 Кошорымъ мѣръ въ величьи новомъ
 Блиспалъ всей яркостью лучей !

Но что въ Свѣтѣ вѣчномъ было
 Земль *благаго* суждено,
 То все исполниться должно;
 Что ты своей разрушилъ силой,
 Что погубилъ въ невинныхъ сихъ,
 Приобрѣши пепель за нихъ!

„ . . . . .

Ты къ наслажденьямъ чувствъ привыкъ!
 Здѣсь чувствва эти миновались;
 Но впечатлѣнія остались
 И въ духъ — чувственности крикъ!
 И шѣмъ изгладить ихъ шруднѣе,
 Что чувствъ орудія могли
 Слабѣе по малу на земли;
 Но духъ безсмертенъ? въ немъ сильнѣе,
 Въ немъ глубже все впечатлѣно,
 И истребишь ихъ — мудрено!
 И такъ онъ будешь все стремишься
 Къ предметамъ прежнихъ чувствъ своихъ;
 Но какъ орудій нѣтъ земныхъ,
 То и не можешь насладиться!
 А ты охселя, чтобъ истребишь
 Сей гладь, ничѣмъ неушолимой,
 Ты долженъ будешь покорись
 Не чувствъ попокъ, текущій мимо,
 Но вѣчный духъ свой измѣнишь!
 Ты видишь: долгое мученье!
 Но въ правотѣ Моей — не мщенье,
 Одинъ естественный законъ.

Въ тебѣ всегда хранился онъ!

„Но какъ ты вѣрвань? Законамъ
Природы вѣчныя швоей,

И мнишь, что ты былъ вѣренъ ей!

Но заблуждался ты и въ ономъ!

Не духъ-ли въ шѣлѣ обиталъ?

И не было другой природы,

Къ кошорой онъ принадлежалъ?

Тебѣ о ней швоей свободы

Могущій голосъ провѣщаль!

Ты шѣ законы оскорбляль

И шѣмъ, что ихъ не признаваль!

Ты не хошѣлъ въ себѣ духовной

Природы съ внѣшней сьединить;

Ты въ внѣшней шѣмъ привыкъ ходишь

И въ ней ходиль безпрекословно —

И шакъ ошанься въ оной шѣмъ:

Свѣтъ былъ - бы мукою тебѣ!

„Такъ Правосудія равенство

Здѣсь надъ тобой совершено!

Ты видишь: все тебѣ дано,

Чего алкаль ты, какъ блаженство!

И видишь ты, что Судія

Тебѣ не самъ готовишь мщенье:

Оно законовъ бышя

Одно простое ишеченье!

Ты самъ себя въ немъ осуждалъ;

А я сей судъ лишь оправдалъ!“

IV.

И силой вдругъ неборимой
Сей силой внутренней его,
Онъ увлеченъ былъ далеко!
И въ безпредѣльности — онъ мимо
Земли любезной пролетѣлъ!
И двухъ мировъ соединилъ,
Духъ жизни, былъ ея хранилъ!
И онъ, приближившись, узрѣлъ,
Что трупъ его покрытъ могилей!
И, увлекаясь доброшю,
Иль силой шаншвенной шюй,
Неодолимой мнѣнья силой —
Служилъ Бога прославляя
Его земное совершенство,
И Духу *вѣчное блаженство*
Въ надробномъ словѣ прорѣкалъ!

М. Дмитриевъ.

П Р О З А:

Бѣлокурый Екбертъ.

(Повѣсть Тика) (*).

---

*Kto jestem . . . jeszcze rano . . . powiedziec
nie moze.*

Mickiewicz.

Въ области Гарцской жиялъ рыцарь, котораго обыкновенно называли бѣлокурымъ Екбертомъ; онъ былъ лѣтъ сорока или около того, малаго роста; короткіе свѣшлые волосы падали прямо на блѣдное, сухощавое его лице. Екбертъ жиялъ про себя скромно, никогда не мѣшался въ распри сосѣдей и рѣдко выходилъ за ограду небольшого своего замка. Жена его столько же любила уединеніе; оба сердечно привязаны были другъ къ другу, и только о томъ горѣвали, что Богъ не благословляетъ брака ихъ дѣтьми.

Госпи рѣдко посѣщали Екберта, а если и посѣщали когда, то для нихъ

(*) Любителямъ замѣтныхъ Нѣмецкихъ шарадъ предлагаешя эта повѣсть.

не дѣлалось никакой переменны въ обыкновенномъ образѣ его жизни; скромность господствовала въ домѣ, и казалось, сама умеренность распоряжалась хозяйствомъ.

Чаще всѣхъ приходилъ въ замокъ Филиппъ Вальшеръ, человекъ, къ которому Екбертъ былъ душевно привязанъ, потому что находилъ образъ мыслей его весьма сходнымъ съ своимъ. Вальшеръ обыкновенно жилъ во Франконіи, но часто, даже по цѣлому полу-году и болѣе, проводилъ въ окрестностяхъ Екбертова замка, гдѣ собиралъ травы и камни; жилъ же доходами съ небольшого имѣньяца, и ни оцъ кого не зависѣлъ. Екбертъ не рѣдко участвовалъ въ уединенныхъ его прогулкахъ, и взаимная дружба ихъ съ каждымъ днемъ укрѣплялась.

Бывающъ минушы, въ которыя намъ мучительно имѣтъ шайну для друга, даже такую, которую прежде щастливо старались скрывать: душа тогда чувствуетъ непреодолимое влеченіе вполне открыться любезному, переливъ ощущенія свои въ его душу и имѣтъ самымъ усиливъ нѣжную дружбу. Въ эти-то минушы взаимно знакомящя пылкія души, и тогда же, не рѣдко случается, что одинъ вдругъ испугаешя пріязни другаго.

Туманнымъ осеннимъ вечеромъ сидѣлъ Екбертъ съ женою и другомъ у пылающаго камина; пламя ярко освѣщало комнашу и отражалось на потолокъ; сквозь окна смотрѣла темная ночь, деревья на дворѣ опряхали съ себя холодную влагу. Вальшеръ скучалъ, что ему далеко возвращаться, и Екбертъ предложилъ ему провести у него часть ночи въ ошкровенныхъ разговорахъ, а потомъ отдохнуть до утра въ особенной комнашѣ. — Вальшеръ согласился; принесли вина и ужинъ, прибавили дровъ, и разговоръ друзей спалъ живѣе и ошкровеннѣе.

Послѣ ужина, когда слуги собрали со стола, Екбертъ взялъ Вальшера за руку и сказалъ: другъ мой! надобно, чтобъ жена моя наконецъ рассказала тебѣ приключенія своей молодости, которыя довольно спранны. — Очень радъ, ошвѣчалъ Вальшеръ; и всѣ трое придвинулись къ камину.

Это было ровно въ полночь: мѣсяцъ то пряпался, то проглядывалъ изъ-за бѣгущихъ облаковъ. — Не приипшите того къ моей навязчивости, сказала Берта; мужъ мой говоритъ, что вашъ образъ мыслей такъ благороденъ, что несправедливо было бы имѣть для васъ какую нибудь шайну. Только, какъ

ни спрaненъ будетъ разсказъ мой, прошу васъ, не сочтите его выдумкою.

Я родилась въ деревнѣ оцъ бѣднаго пасшуха. Положеніе родителей моихъ было не завидное; они даже часто не знали, будетъ ли у нихъ хлѣбъ назавтра. Больше всего огорчало меня то, что бѣдность производила между ними частыя ссоры, и была поводомъ къ горкимъ взаимнымъ упрекамъ. Кроме того говорили они безперестанно, что я глупое, негодное дитя, которое не умѣешь приняться ни за какую работу; и точно, я была до крайности неловка: роняла все, что ни брала въ руки, не училась ни шить, ни вязать, не могла помочь въ хозяйствѣ, и умѣла только понимать нужду моихъ родителей. Часто, сидя въ углу, мечтала я, какъ бы спала имъ помогать, если бы вдругъ разбогатѣла; какъ бы осыпала ихъ серебромъ и золотомъ и наслаждалась ихъ удивленьемъ. Мнѣ казалось тогда, что около меня носятся духи, которые показываютъ мнѣ подземныя сокровища, или дарятъ меня кремешками, перемежняющимися въ драгоценныя камни; однимъ словомъ, самыя нелѣпыя мысли наполняли мнѣ голову; и тогда, если нужно было помочь матери, или отнести чтонибудь, я спановилась

еще неловче, потому что голова кружилась отъ разныхъ бредней.

Банюшка всегда была раздраженъ противъ меня за то, что я была для семьи нашей бесполезнымъ бременемъ; иногда даже обходился со мной жестоко, и рѣдко, рѣдко удавалось мнѣ слышать отъ него ласковое слово. Такимъ образомъ исполнилось мнѣ восемь лѣтъ, и тогда начали не на шушку думать, какъ бы меня научить чемунибудь. Отецъ полагалъ, что любя праздность, я дѣлаю все это отъ упрямства и лѣнности; короче сказать, онъ сначала спращаль меня, но какъ угрозы не помогли, сталъ наказывать жесточайшимъ образомъ, приговаривая, что побои будутъ возобновляться съ каждымъ днемъ за то, что я шварь ни къ чему не годная. Горько проплакала я цѣлую ночь, чувствовала себя совершенною сиротою, и шакою сама къ себѣ пишала жалость, что просила у Бога смерти; боялась упренней зари; не знала на что рѣшишься, желала слыть руководъльной, и не могла понять, чѣмъ я глупѣе другихъ знакомыхъ мнѣ дѣшей. Я была близка къ отчаянью.

Вставши на разсвѣтъ я почти машинально отворила дверь нашей хижины, очутилась въ полѣ, и скоро потомъ въ лѣсу, въ которъй едва еще

проникали первые лучи солнца. Не оглядываясь бѣжала я все далѣе, и не чувствовала усталости; мнѣ все казалось, что бапюшка догонитъ меня, и раздраженный моимъ побѣгомъ, еще жесточе накажетъ.

Когда я вышла изъ лѣсу, солнце было довольно высоко; я видѣла впереди что-то темное, покрытое густымъ туманомъ: мнѣ должно было по взлѣзати на холмики, по пробираться по пропикѣ между скалами; и наконецъ поняла я, что нахожусь въ ближнихъ горахъ. Уединенное мѣсто навело на меня ужась, потому что я въ долину, гдѣ родилась, не видывала горъ, и самое названіе ихъ, когда объ нихъ заходила рѣчь, страшно опзывалось для дѣтскаго моего слуха. Во мнѣ не доставало смѣлости ворошиться назадъ; напротивъ страхъ гналъ меня впередъ; часно, когда въверхъ свисалъ въ дровѣсныхъ вѣтвяхъ надъ головой моею, или когда въ ушреннемъ воздухѣ раздавались опдаленные удары дровосѣка, робко оглядывалась я кругомъ. Когда же наконецъ вспрѣпились мнѣ угольщики и горные жишели, и я услышала незнакомый языкъ, по чуть не обомлѣла отъ страха.

Такъ прошла я нѣсколько деревень, и шомимая голодомъ и жаждой, проси-

ла милоспины; на вопросы же любопытныхъ опвѣчала довольно удачно. Проблуждавъ около чешырехъ дней, напала я на пропинку, которая все болѣе и болѣе опводила меня опъ большой дороги. Тутъ окружныя скалы приняла другой видъ и спали еще спграннѣе. Камни, сославлявшіе ихъ, были шакъ взгромождены одинъ на другомъ, что казалось разваляпся опъ малѣйшаго порыва вѣтра. Я не знала, идти ли далѣе. Обыкновенно проводила я ночи въ лѣсу, тогда было лучшее время года, — или въ паспущескихъ хижинахъ; тутъ же вовсе не видѣла человѣческихъ жилищъ, и даже не надѣялась напасъ на нихъ въ такой глуши; скалы ежеминушно становились ужаснѣе; не рѣдко должна я была проходить по краю бездонныхъ пропастей, наконецъ даже и дороги подо мною не спало. Я была безутѣшна, плакала и кричала, и спрашно раздавался голосъ мой между дикими скалами. Наступила ночь, и я, выбравъ мѣстечко, обросшее мохомъ, хотѣла опдохнуть, но не могла спать; слышала ночью чудные голоса и принимала ихъ то за свиспъ вѣтра между горами, то за ревъ дикихъ звѣрей или крикъ пшицъ незнакомыхъ. Я молилась, и къ упру шолько заснула.

Я проспунлась на разсвѣтп, — предо мной возвышалась крупная скала; я

влезла на нее въ надеждѣ увидѣть выходъ изъ этой пустыни, а можешь бышь, и жилища человѣческія; посмотрѣла, и все кругомъ было шаковоже какъ и возлѣ меня: все было покрыто шуманною мглою, день мраченъ и ненаспливъ. Я не видѣла ни деревца, ни лужка, ни кустарника, ничего кромѣ сухихъ прутьевъ, одиноко и печально торчавшихъ въ узкихъ расщелинахъ скаль. Не лѣзя предспавишь себѣ, до какой спешени желала я увидѣть образъ человѣка, коша бы и страшнаго человѣка. Нестерпимый голодъ помилъ меня; я съла на землю и рѣшилась умереть. Спусти нѣсколько привязанность къ жизни превозмогла, и поднялась, и цѣлый день шла тяжко вздыхая и обливаясь слезами; наконецъ успала, силы мои испоцились, я едва помнила себя; почли не желала жить, и все шаки бо-длась смерши.

Къ вечеру окресшныя мѣсна повеселѣли; мысли и желанія мои оживали вмѣстѣ съ природой, привязанность къ жизни проснулась въ душѣ. Миѣ послышался вдали шумъ мѣльницы, я удвоила шаги, и какъ обрадовалась, какъ легко миѣ стало на сердць, когда наконецъ дѣйствительно доспигла конца голыхъ скаль, когда снова увидѣла передъ собою лѣса и луга съ синѣющими-

ся вдали величественными горами. Мнѣ казалось, что я перешла изъ ада въ рай; уединеніе и безпомощное мое состояніе переспали казались мнѣ спрашными. Вмѣсто ожидаемой мѣльницы нашла я водопадъ, и радость моя опять очень уменьшилась; я зачерпнула воды, и въ то же время послышался мнѣ вблизи тихій кашель. Никогда небывала я такъ неожиданно и такъ сильно обрадована какъ въ эту минуту; я пошла на голосъ, и увидѣла на краю лѣса отдыхающую старуху; почти все платье ея было черного цвѣта; черный капоръ закрывалъ ей голову и часть лица; въ рукѣ держала она клюку.

Я подошла ближе къ ней и просила помощи; старуха посадила меня подлѣ себя, дала мнѣ хлѣба и вина; я ѣла, а она между шѣмъ пѣла охриплымъ голосомъ духовную пѣсню; когда же кончила, велѣла мнѣ идти за собою.

Какъ ни чудны казались мнѣ и голосъ и вся наружность старухи, однакожь я чрезвычайно обрадовалась ея предложенію. Она шла довольно твердо при помощи клюки своей, и на каждомъ шагу такъ дергала лицомъ, что я сначала не могла удержаться отъ смѣха. Дикія скалы все далѣе и далѣе оставались за нами. Мы прошли черезъ

пріятный лугъ, потомъ черезъ довольно длинный лѣсъ; и въ ту самую минуту, какъ изъ него вышли, закапилось солнце; никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго во мнѣ этимъ вечеромъ. Все казалось обильно было пурпуромъ и золотомъ; вершины деревьевъ обрисовывались въ вечернемъ заревѣ; по полямъ распроспранился очаровательный блескъ, лѣса и въпви ихъ не колыхались, ясное небо подобно было опверстому раю, и весело журчали испочки, и шелестѣли листья въ безмолвіи природы. Тогда въ первый разъ душа моя получила понятіе о мірѣ и предчувствіе объ его событіяхъ. Я забыла себя и свою вожающую; мысли и взоры мои блуждали между золотыми облаками.

Мы взошли на холмъ, опѣненный березами; съ вершины его видна была простиравшаяся внизу долина, также усаженная деревьями, и среди ихъ хижинка. Насъ встрѣшилъ лай красивой собачки, кошорая кинулась и ласкалась къ старухѣ, потомъ подбѣжала ко мнѣ, осматривала меня со всѣхъ сторонъ, и снова воропилась къ старухѣ, визжа и прыгая.

Спускаясь съ пригорка, услышала я чудную пѣсню, кошорую, какъ казалось, пѣла птица въ хижинѣ. Вотъ она:

Уединенье
 Не всѣмъ дано ;
 Мнѣ наслажденье,
 Мнѣ рай ово !
 Сегодня , завтра ,
 Всегда равно ,
 Всегда одно
 Мнѣ упражненье :
 Хвалить и пѣшь
 Уединенье.

Не съ чѣмъ сравнить голоса эпой
 пѣсенки кромѣ опдаменныхъ звуковъ
 валпорны и флейшы.

Любопытство мое было чрезвы-
 чайно ; не дожидаясь приказанія спа-
 рушки , вошла я съ ней вмѣстѣ въ хи-
 жину , и замѣпила , не смотря на сумер-
 ки , что въ комнапѣ довольно опряпно ;
 на полкахъ стояло нѣсколько горшковъ ,
 на столѣ посуда какого-то особеннаго
 рода , а у окна въ блестящей кльпкѣ
 сидѣла пшица , та самая , копорая пѣла
 пѣню . Спаруха кряхтѣла , кашляла , и
 съ шрудомъ могла опдохнуть ; шо лас-
 кала собачку , шо разговаривала съ пши-
 цей , копорая на всѣ вопросы ея опвѣча-
 ла обыкновенной пѣсенкой ; впрочемъ
 спаруха не дѣлала ничего особеннаго ,
 какъ бы меня во все шуть не было .
 Разсмапривая ее , я нѣсколько разъ при-
 ходила въ ужась , пошому что лице ея

было въ безперестанномъ движеніи, и голова пряслась, вѣроятно отъ старости, такъ что я рѣшительно не могла разглядѣть ее фizioноміи.

Опдохнувши немного, она засвѣтила свѣчу, накрыла столикъ, и принесла ужинъ. Тушъ только вспомнила обо мнѣ, и приказала взять одинъ изъ содоменныхъ спулъевъ; такимъ образомъ усвлася я противъ нея; между нами стояла свѣча. — Старушка ломала свои руки и громко молилась, а между тѣмъ продолжала кривлять лицомъ, такъ что я чуть чуть опять не захохотала, но удержалась, боясь разсердить ее.

Послѣ ужина она опять сжала молилась, и окончивъ, указала мнѣ поспель въ низкой узенькой горничкѣ; сама же легла въ большомъ покоѣ. Я была упомянута и скоро заснула; въ продолженіе ночи просыпалась нѣсколько разъ и слышала, какъ старуха кашляетъ и разговариваетъ то съ собачкой, то съ птицей, которая, какъ казалось, дремала, и пѣла по временамъ опрывисшя слова изъ своей пѣсни. Все это, вмѣстѣ съ шумомъ березъ подъ окномъ, и съ трелями дальняго соловья, составляло такую странную смѣсь, что мнѣ казалось, будто я еще не проснулась,

или изъ одного свидѣнiя перехожу въ другое, еще болѣе странное.

Поупиру разбудила меня спаруха, и черезъ нѣсколько минутъ посадила за работу. Я должна была вязать, и скоро поняла это; сверхъ того обязана была ходить за птицей и за собачкою. Скоро привыкла я къ нашему хозяйству; мнѣ ужъ казалось, что все такъ и должно быть, какъ оно есть; и перестала думать о странностяхъ спарухи, о томъ, что жилище наше необыкновеннаго рода, и отдано отъ людей, и что птица — не простая птица. Правда, красота ея часто кидалась мнѣ въ глаза; перья на ней были всевозможныхъ цвѣтовъ, спинка переливалась тончайшей лазурью и яркимъ золотомъ, а когда она начинала пѣть, то гордо надувалась, и отъ того перья ея казались еще прекраснѣе.

Спаруха часто уходила и возвращалась не раньше вечера; я вмѣстѣ съ собачкой вспрѣчала ее, а она называла меня дитятиною своимъ и дочерью. Я любила ее отъ чистаго сердца; вамъ известно, какъ легко человекъ ко всему привыкаетъ, особливо въ дѣтствѣ. По вечерамъ она учила меня читать; я скоро поняла; въ послѣдствii чтенiе было мнѣ въ уединенii исчерпавшимъ источникомъ наслажденiй, пошому что

спарушка имѣла нѣсколько спаринныхъ рукописныхъ книгъ съ удивительными сказками.

До сихъ поръ дивлюсь себѣ, припоминая погдашній мой образъ жизни; не видя ни одного живаго существа, я заключена была въ пѣсномъ кругу маленькаго моего семейства; собачка и пшица производили на меня такое же впечатлѣніе, какъ бы и давнишніе друзья. Какъ часто ни слыхала я погда спранаго имени собачки, но теперь никакъ не могу его припомнить.

Такимъ образомъ прожила я у спарушки чепыре года, и мнѣ было ужъ около двѣнадцати лѣтъ; погда она спала ко мнѣ доврчивѣе, и наконецъ открыла тайну, а именно, что пшица каждый день кладеть по яицу, въ кошоромъ находилсь или жемчужина или драгоценный камень. Я и прежде замѣчала, что она попихоньку шарилсь въ клѣшкѣ, только никогда не обращала на то особеннаго вниманія. Теперь спарушка поручила мнѣ собирать въ ея опсущствіи эти яица и бережно складывать въ чудные сосуды; оставила пищи, и долго, нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ не возвращалась домой. Прялка моя пряла, собачка лаяла, пшица пѣла, и въ окрестностяхъ было такъ тихо, что я вообще это время не

помню ни одной бури, ни одного ненастного дня. Спранникъ, заблудясь въ лѣсу, не подходилъ къ нашей хижинѣ, дикой звѣрь не приближался къ ней; я была весела и работала изо дня въ день. Можешь быть человекъ былъ бы истинно счастливъ, еслибъ могъ такъ спокойно прожить до самой смерти.

Изъ немногаго, что я читала, со-спавила себѣ чудное понятіе о свѣтѣ и людяхъ, и обо всемъ судила по себѣ и моимъ поварницамъ. Когда шло дѣло о веселыхъ молодыхъ людяхъ, то я не могла иначе вообразить ихъ, какъ маленькими пшцами; пышныя барыни казались мнѣ такими, какъ моя птица, а спарыя дамы похожими на удивительную спарушку. Я читала также о любви, и воображала сама себя въ разныхъ спранныхъ обстоятельствахъ; создала себѣ прекраснѣйшаго въ свѣтѣ рыцаря, надѣлила его всеми совершенствами, и хотя не знала каковымъ онъ казаться долженъ послѣ всѣхъ трудовъ моихъ, но душевно сокрушалась, думая, что можешь быть онъ мнѣ не станеть ошвѣчать взаимной любовью. Тогда, чтобъ смягчить его, мысленно, иногда и въ голосъ, говорила я прогашельныя рѣчи. — Вы смѣетесь! — конечно теперь для всѣхъ насъ минуло время молодости.

Съ эсихъ поръ мнѣ пріятнѣе было оставаться одной, я тогда была полной госпожей въ домъ; собачка очень любила меня и во всемъ исполняла мою волю; пища на всѣ вопросы мои ошвѣчала пѣсней, прялка прилѣжно вершѣлась, и я не желала переменъ въ моемъ состояніи. Старушка, возвращаясь изъ дальнаго пути, хвалила меня за распорочность, говорила что съ пѣхъ поръ, какъ я занимаюсь ея хозяйствомъ, оно идетъ порядочнѣе; любовалась моимъ ростомъ и здоровымъ видомъ; однимъ словомъ обходилась со мной, какъ съ родной дочерью.

Ты умное дитя, сказала она мнѣ однажды хриплымъ голосомъ; если будешь и впередъ такъ вести себя, тебѣ всегда будетъ хорошо; но худо бываетъ пѣмъ, которые уклоняются прямого пути — не избѣжать имъ наказанья, холья и поздняго.

Покуда она говорила, я будучи отъ природы жива и скоро, не обращала большаго вниманія на слова ея; но въ ночи припомнила ихъ, не могла понять, что разумѣла подъ этимъ старушка, взвѣшивала каждое слово; я читывала о сокровищахъ и наконецъ пришло мнѣ въ голову, что можешь быть ея жемчужины и камни, вещи драгоценныя. Скоро мысль эта спала мнѣ яснѣе;

но что разумѣла она подъ прямымъ пушемъ, никакъ не могла я понять полнаго смысла словъ эсихъ.

Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ. Несчастливъ человекъ, что получаетъ разсудокъ вмѣстѣ съ упрямой невинности. Я поняла ясно, что отъ меня зависить въ осуществленіи снурухи унесши плиту ея и драгоценности, и попынать счастья въ свѣтѣ, о которомъ читывала. Вмѣстѣ съ тѣмъ могла я, можетъ быть, найти прелестнаго рыцаря, который не выходилъ у меня изъ головы.

Сначала мысль эта была мыслью обыкновенной; но когда я сидѣла за прялкой, то она невольно овладѣвала мною, и я такъ углублялась въ нее, что ужъ видѣла себя въ богатомъ уборѣ, окруженною рыцарями и Принцами. Послѣ такихъ мечтаній я душевно огорчалась, когда, взглянувъ кругомъ, видѣла себя въ тѣсной хижинкѣ. Впрочемъ снуруха не заботилась обо мнѣ, лишь бы я только исполняла свои обязанности.

Однажды хозяйка моя опять собралась изъ дому, сказавъ что на этотъ разъ проходитъ долѣе обыкновеннаго, что безъ нее я должна смотрѣть за всею и не скучать. Я просидѣла съ ней съ какимъ-то страхомъ; мнѣ каза-

лось, что никогда уже не увижу ея. Долго смотрѣла я вслѣдъ спарушки; сама не понимала причины своей грусти; и, не взявъ еще никакого рѣшишельнаго намѣренья, какъ бы предчувствовала уже его исполненіе.

Никогда не заботилась я такъ вѣжно о собачкѣ и пшицѣ; онѣ спали мнѣ ближе къ сердцу, чѣмъ когда-либо. Нѣсколько дней спустя послѣ уходу спарухи, проснулась я съ швердой рѣшимостью оставить хижину вмѣстѣ съ собачкой и пшицей, и пустились въ такъ называемый свѣтъ. Сердце во мнѣ сжималось; но я желала опасаться, по минулу спустя мысль эта пугала меня. Въ душѣ моей происходила непонятная борьба, подобная борьбѣ двухъ враждебныхъ духовъ. То представлялось мнѣ тихое мое уединеніе въ привлекательномъ видѣ, то вдругъ восхищала меня мысль о новомъ мірѣ съ его удивительными разнообразностями.

Я сама не знала, на что рѣшиться; собачка безпрестанно прыгала вокругъ меня, солнечные лучи радостно освѣщали поля, листья зеленыхъ березъ блестѣли; со мной было такъ, какъ бы я должна поскорѣе что-то кончить; и вдругъ я схватила собачку, крѣпко привязала ее въ комнашѣ, и взяла въ руку клѣшку съ пшицею. Собачка, удив-

ленная такимъ необыкновеннымъ поступкомъ, визжала, рвалась, и глядѣла на меня умоляющими взорами, но я боялась увести ее съ собою. Сверхъ того я взяла одинъ изъ сосудовъ съ драгоценными камнями, и спрячала его, а прочія оставила.

Птица преспранно вернула голову, когда я съ ней вышла за двери; собачка силилась опорваться и бѣжала за мною, но по неволѣ должна была остаться.

Избѣгая дикихъ скалъ, пошла я въ противоположную сторону. Собачка продолжала лаять и визжать и это меня чувствительно прогало; птица несколько разъ хотѣла закричь, но вѣрно ей не ловко было, потому что клѣтка качалась у меня въ рукахъ. Чѣмъ далѣе шла я, тѣмъ слабѣе становился лай собачки и наконецъ совсѣмъ замолкъ. Я плакала и чужь не ворошилась назадъ, но страхъ къ новому влекла меня впередъ.

До вечера успѣла я пройти горы и лѣсъ; когда же смеркось, то принуждена была зайти въ деревню. Чужь дыша отъ усталости, вошла я на постоялый дворъ; мнѣ отвели горницу и дали поспелю; я спала довольно покойно, только спарушка приснилась мнѣ и грозилась пальцемъ.

Сытранствіе мое было довольно единообразно; но чѣмъ далѣе подвигалась я, тѣмъ спрашнѣе дѣлалось воспоминаніе о спарухѣ и собачкѣ: я думала, что она безъ сомнѣнія умретъ съ голоду безъ моей помощи, а въ лѣсу казалось мнѣ, что спарушка выйдетъ ко мнѣ на встрѣчу изъ-за деревьевъ. Такъ шла я, вздыхая и плача; когда же во время оцдыха спавила клѣпку на землю, то пища начинала пѣсть чудную свою пѣсню, и живо напоминала мнѣ прекрасное, покинутое уединеніе. Какъ человекъ отъ природы забывчивъ, такъ и мнѣ казалось, что прежде, дѣтское мое путешествіе было гораздо веселѣе и легче нѣдѣшнѣго. Я желала даже возвратиться въ тогдашнее положеніе.

Я успѣла уже продать нѣсколько камней, и послѣ долгаго купнн пришла въ какую-то деревню. При самомъ входѣ въ нее почувствовала я въ себѣ что-то странное, испугалась, и сама не знала чего; но скоро поняла, что нахожусь въ той самой деревнѣ, гдѣ родилась. Какое пріятное удивленіе! тысячи воспоминаній оживились въ душѣ, и радостныя слезы ручьями покапались по щекамъ моимъ. Многое въ ней перемѣнилось; выстроились новые дома; тѣ, которые при мнѣ только что были конченны, развалились; во многихъ мѣстахъ

видны были слѣды пожара; все казалось несравненно меньше и тише, нежели какъ я ожидала. Я не изъяснимо радовалась, что послѣ столь долгаго времени увижу опять своихъ родителей: нашла домикъ нашъ, увидѣла знакомый порогъ; ручка у двери была прежняя, какъ будто я вчера только вышла оттуда. Сильно билось во мнѣ сердце; я поспѣшно отворила дверь; — но люди, совершенно незнакомые сидѣли въ горницѣ и устремили на меня глаза. Я спросила о Маршынѣ-паспухѣ; мнѣ отвѣчали, что ужъ при года, какъ онъ и жена его умерли. Поспѣшно удалилась я, и громко рыдая, пошла вонъ изъ деревни. Я бывало такъ лѣзла мыслью, что обрадую родителей своимъ богатствомъ; мечты дѣтства моего сбылись самымъ удивительнымъ образомъ, и все напрасно! Они не могутъ радоваться мнѣ, и все, что воспавляло любимую надежду моей жизни, на всегда погибло. —

Въ хорошенькомъ городкѣ наняла я себѣ небольшой домикъ съ садомъ и взяла надзирательницу. Хотя свѣтъ и не казался мнѣ такъ чудесенъ, какъ я нѣкогда воображала, однакожь я позабыла старушку и прежнее свое уединеніе; была спокойна и счастлива.

Птица давно ужь не цѣла; и однажды ночью очень испугала меня она, снова запѣвши пѣсню свою съ нѣкошорою въ словахъ перемѣной; вошь она :

Уединенье
Ты далеко!
Но сожалѣнье
О преступленьѣ
Не далеко,
Хоть далеко
Уединенье.

Цѣлую ночь не могла я сомкнуть глазъ; въ памяти моей возобновилось все минувшее, и я болѣе, сильнѣе, нежели когда либо чувствовала черному моего поступка. Проснувшись, я смотрѣла съ отвращеніемъ на птицу; она не спускала меня съ глазъ, и присутствіемъ своимъ наводила на меня ужась. Чѣмъ болѣе я смотрѣла на нее, тѣмъ страшнѣе мнѣ становилось; наконецъ я оперла кѣшку, всунула руку, и схвативъ ее за шейку, въ сердцахъ пожала; птичка жалостно взглянула на меня; я выпустила ее изъ пальцевъ, но она уже умерла. — Я похоронила ее въ саду.

Съ этого времени начала я бояться своей надзирательницы: мнѣ воображалось, что она меня когда нибудь

также въ свою очередь обокрадетъ или даже убьетъ. — Давно уже знала я молодого Рыцаря, котораго мнѣ нравился; я соединилась съ нимъ, и эшимъ, Господинъ Вальперъ, кончается моя испорія.

Еслибъ вы ее тогда знали, подхватилъ Экбертъ; — еслибъ видѣли ея молодость, красоту, и непоспозимую прелестъ, сообщенную ей спраннымъ ея воснишаніемъ! я въ ней видѣлъ какое-то чудо. . . У меня нѣтъ никакаго соспоянія; но если шеперь живу въ досташкѣ, то всѣмъ обязанъ ея любви. Мы здѣсь поселились, и никогда еще не раскаявались въ нашемъ бракѣ.

Однакожь мы заговорились, сказала Берта; на дворѣ глухая полночь: пора спать.

Она вспала; Вальперъ поцеловаль у ней руку, пожелаль доброй ночи, и сказалъ: благодарю васъ сударыня; шеперь я буду воображать, какъ вы играли съ пшичкой, и кормили маленькаго *Малекъ - Ассана*. — Она пошла въ свою комнату.

И Вальперъ легъ спать; одинъ Экбертъ ходилъ еще безпокойными шагами по комнатѣ. Не глупое ли созданіе человекъ, разсуждалъ онъ; я самъ наспоялъ, чтобы жена рассказала свою испорію, а шеперь раскаяваюсь въ моей опкровенности. Что если онъ упо-

испребитъ ее во зло, сообщить другимъ, или позавидуетъ, потому что таковыя люди, нашимъ драгоценнымъ камнямъ, спанешъ притворяться и подкашываться подъ насъ?

Ему пришло въ мысль, что Вальшеръ не такъ дружески проспился съ нимъ, какъ бы надобно, послѣ такого опкровеннаго разговора. Душа, въ которой однажды возбуждено подозрѣніе, каждой бездѣлицей утверждаетъ въ немъ. Полномъ укрепилъ онъ себя въ недовѣрчивости къ честному другу, но все таки не могъ совершенно испребитъ ее. Онъ всю ночь провелъ въ такомъ состояніи, и спалъ очень мало. Берта занемогла и не вышла къ завтраку; Вальшеръ, по видимому, не слишкомъ беспокоившійся о томъ, разспался и съ рыцаремъ довольно холодно. Экбертъ не могъ понять его послупковъ, пошелъ къ женѣ; она лежала въ горячкѣ, и говорила, что вѣроятно ночной разсказъ до такой степени ее разспроилъ.

Послѣ этого вечера Вальшеръ рѣдко посѣщаль замокъ своего друга, а если и приходилъ иногда, то не надолго, и говариваль о самыхъ незначущихъ предметахъ. Это мучило Экберта какъ нельзя болѣе, и хотя онъ не говорилъ о томъ ни Бертѣ ни Вальшеру, но вся-

кой легко могъ замѣтить душевное его безпокойство.

Болезнь Бершы усиливалась; лекаръ безпокоился; румянецъ щекъ ея пропалъ, а глаза становились часъ отъ часу пламеннѣе. Однажды упрямъ, призвала она мужа къ постелѣ своей и выслала служанку.

Мой другъ, сказала она, я должна открытъ тебѣ то, что едва не лишаешь меня разсудка, и приближаетъ къ гробу; — хотя болѣзнь моя по видимому и нусная. Ты знаешь, что когда заходила рѣчь о моемъ дѣлствѣ, я, какъ ни старалась, не могла припомнить имени собачки, за которой такъ долго ходила; Вальшеръ же, въ шопъ вечеръ, прощаясь со мной, сказалъ вдругъ: „я буду живо воображать, какъ вы кормили маленькаго Малекъ-Ассана.“ Случай ли это? угадалъ ли онъ имя, или зналъ его прежде, и произнесъ съ умысломъ? А если такъ, то какую связь имѣетъ это съ человѣкомъ съ судьбой моей? Я много разъ боролась съ собою, и хотѣла увѣрить себя, что это ничто иное, какъ мечта; но нѣтъ, оно случилось, точно случилось. Ужасъ овладѣлъ мной, когда поспоронній человѣкъ такимъ чудеснымъ образомъ замѣнилъ недостатокъ моей памяти. Какъ ты думаешь, Экбертъ?

Экбертъ взглянулъ на спраждующую жену, молчалъ и думалъ о чемъ-то; полною сказалъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и безпокойный вышелъ въ боковую комнату. Въ продолженіи многихъ лѣтъ Вальперъ былъ единственнымъ его собесѣдникомъ, и не смотря на то, шенеръ человекъ эношъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, пятопилъ его и мучилъ бышіемъ своимъ. Ему казалось, что на душѣ у него будетъ легче и веселѣе, коль скоро онъ сполкнеть существо это съ своей дороги. Экбертъ вздумалъ ипши на охоту, и взялъ ружье.

Случилось это въ холодной зимній день; глубокій снѣгъ лежалъ на горахъ и нагибалъ къ землѣ древесныя вѣтви. Экбертъ блуждалъ по лѣсу, пошъ выступилъ у него на лбу. Онъ не нашелъ дичи, и еще болѣе разсердился; вдругъ что-то зашевелилось между деревьями; шо былъ Вальперъ, сбиравшій мохъ; Экбертъ, самъ не зная что дѣлаешь, приложился; Вальперъ оглянулся, и молча погрозилъ ему; между шѣмъ курокъ щолкнулъ, и Вальперъ упалъ.

Экберту стало легче; шяжкое бремя спало у него съ сердца, но ужась погналъ его къ замку, копорый былъ не близко; пришелъ, Бершы ужъ не было; передъ смертию она много говорила еще о Вальперѣ и старухѣ.

Долгое время прожилъ Экбертъ въ мертвомъ уединеніи; онъ и безъ того былъ всегда задумчивъ; попому что чудная исторія жены его безпокоила, и онъ вѣчно боялся какого-то близкаго несчастья; путь же вовсе потерялся. Тѣнь убитаго друга не опустошно сползла у него передъ глазами; вся жизнь его сдѣлалась цѣлью спраданій и угрызений совѣсти.

Иногда, чтобъ развлечься, ѣздилъ онъ въ большіе города по близости, бывалъ въ обществѣхъ и участвовалъ въ веселостяхъ. Ему хотѣлось наполнить пустошю души чувствомъ дружбы, но когда вспоминалъ о Вальтерѣ, то пререшалъ мысли о другѣ, ибо увѣренъ былъ, что съ каждымъ будетъ несчастливъ. Онъ такъ долго и спокойно жилъ съ Бершой; дружба Вальтера доставила ему столько годовъ благополучныхъ, и вдругъ лишился обоихъ и такъ не ожиданно! Бывали минушы, въ которыя жизнь казалась ему глупой сказкой, не существенностью.

Гуго, молодой, рыцарь привязался къ печальному Экберту, и повидимому писалъ къ нему непримворную дружбу. Обрадованный, удивленный Экбертъ шѣмъ охотно готовъ былъ раздѣлишь чувства его, что вовсе ихъ не ожидалъ. Между ними составила шѣсная

связь ; рыцарь старался угождать Экбершу ; они не вызвали другъ безъ друга ; въ обществахъ показывались всегда вмѣстѣ , словомъ : были неразлучны.

Но Экбершъ на короткое только время бывалъ веселъ , чувствуя , что Гуго любитъ его потому , что не знаетъ его общоупольсшвъ , и чувствовалъ сильное желаніе открыться ему , чтобъ узнать , останетсѣ ли онъ ему и послѣ этого другомъ ; но боязнь , возбужденная презрѣніемъ къ себѣ его удерживала. Въ другое время , увѣренный въ своемъ преступленіи , онъ думалъ , что ни одинъ человекъ , хоть немного знающій его , не спанетъ его почитанъ. При всемъ томъ не могъ Экбершъ далѣе превозмочь себя ; однажды во время прогулки глазъ на глазъ съ другомъ , рассказалъ онъ ему свои приключенія , и спросилъ : можетъ ли онъ любить убійцу ? Гуго казался умиленнымъ , и утѣшалъ его. Экбершъ съ облегченнымъ сердцемъ возвратился въ городъ.

Но Экбершу суждено было терзаться подозрѣніемъ въ самыя минуцы окривленности. — Едва успѣлъ онъ войти въ залу , какъ выраженіе лица его друга ему не понравилось. Экбершу видѣлась на губахъ его презрительная улыбка ; казалось , что Гуго имъ не за-

нимаешься, много говоришь съ другими, а на него не обращаешь вниманія. Въ залѣ находился между прочими одинъ старый рыцарь, который былъ всегдашнимъ его недоброжелателемъ, и часто спрашивалъ объ женѣ его и богатствѣ; къ этому старику подошелъ Гуго, завелъ съ нимъ тайный разговоръ, въ продолженіи котораго оба указывали на Экберта. Тогда несчастный увѣрился въ справедливости своихъ подозрѣній, счелъ себя обманутымъ, преданнымъ и пришелъ въ ужасную ярость. Приспально смотря на говорящихъ, увидѣлъ онъ вдругъ Вальшерова лице, всѣ знакомыя, слишкомъ знакомыя черты его, продолжалъ смотрѣть, и увѣрился что не иной кто, а Вальтеръ разговариваетъ съ старымъ рыцаремъ. Ужасъ Экберта превзошелъ мѣру; въ безпамятствѣ бросился онъ изъ комнаты, въ ту же ночь оставилъ городъ, и дальними, проселочными дорогами возвратился въ замокъ.

Тутъ, какъ безпокойный духъ, блуждалъ онъ изъ комнаты въ комнату, не могъ остановиться ни на одной мысли; ужасныя, смѣнялись онѣ въ головѣ его мыслями еще ужаснѣйшими, и сонъ не смыкалъ его глазъ. Иногда казалось ему, что онъ въ безуміи, и что все несчастіе его — пустой

призракъ воображенія; вдругъ вспоминалъ чертны Вальшера, и шерялся болѣе и болѣе. Онъ рѣшился путешествовать, чптобъ привести мысли въ порядокъ; о дружбѣ же, объ общежитіи и думать забылъ.

Онъ ѣхалъ, безъ цѣли, безъ намѣренія, и даже мало обращалъ вниманія на мѣста, представлявшіяся его взорамъ. Пробѣжавъ такимъ образомъ нѣсколько дней сряду во всю рысь, примѣнилъ онъ вдругъ, что заблудился между скалами, и не видѣлъ средства, изъ нихъ выбраться. Наконецъ встрѣтившійся старый поселенинъ указалъ ему спешку, пролежавшую мимо водопада; Экбертъ хотѣлъ изъ благодарности дать ему денегъ, но крестьянинъ не принялъ. — Ну что! еслибъ мнѣ вообразилось, думалъ про себя Экбертъ, что это опять Вальшеръ? и оглянулся назадъ, и то былъ не иной кто, а Вальшеръ. — Экбертъ прищпорилъ лошадь, и погналъ во весь духъ сквозь поля и лѣса, и скакалъ до пѣхъ поръ, покуда лошадь не пала подъ нимъ. Не безпокоясь объ этомъ, продолжалъ онъ путь свой пѣшкомъ.

Углубленный въ мысли, Экбертъ взошелъ на пригорокъ; ему показалось, что собачка лаеетъ, березы шумятъ; и услышалъ голосъ чудной пѣсни:

Уединенье
 Мое опять,
 И наслажденье
 Со мной опять;
 И подозренье
 Здѣсь не живешь;
 Бѣды мнѣ пьнье
 Не навлечешь
 Въ уединеньѣ.

Разспроился разумъ, опуманились мысли Экберша; онъ не могъ сообразить, шеперь ли спишь, или нѣкогда привидѣлась ему во снѣ жена его Берша. Чудесное сливалось въ головѣ его съ естественнымъ; мнръ, его окружавшій, былъ очарованъ; онъ не могъ владѣть ни одной мыслью, ни однимъ воспоминаніемъ.

Согнушая въ дугу шаруха, кашляя, поднималась на холмъ и кричала Экбершу, принесъ ли ты мою пшцу? мои перлы? мою собачку? Смори какъ преступленіе влечешь за собой, наказаніе. — Твой другъ Вальперъ, швой Гуго — были не иные кто, какъ я. —

Царь Небесный! прощепалъ Экбершь; въ какомъ же спрашномъ уединеніи провелъ я жизнь мою!

А Берша была сестра швоя.
 Экбершь упалъ на землю.

А за чѣмъ покинула она меня? Все бы кончилось счастливо и хорошо; конецъ ея испытанія приближился. Берта была дочь Рыцаря, отдавшаго ее на воспитаніе наслуху, дочь отца своего.

Для чего же эта ужасная мысль всегда вершѣлась въ голову моей? вскричалъ Экбертъ.

Почему что однажды въ дѣлствѣ своемъ рассказывалъ тебѣ объ этомъ отецъ. Онъ не воспитывалъ самъ дочери, которая была отъ перваго брака, въ угожденіе второй женѣ своей.

Безумно, дико лежалъ Экбертъ на землѣ; глухо, неясно слышалось ему, какъ старуха говорила, собака лаяла, и птица вѣпорила свою пѣсню.

А. Шишковъ 2.

Н А У К И.

И с т о р і я.

Начало человѣческаго образованія посредствомъ изобрѣтенія Механическихъ искусствъ.

(Отрывокъ изъ II части Шлецерова Введенія въ Исторію).

(Окончаніе).

Ну вотъ образчикъ и другаго рода *Историческій*. Я избираю для сего Исторію повареннаго искусства, основанную на описаніяхъ путешественниковъ, кои вводятъ насъ въ поварни древнихъ и новыхъ дикарей. — Начнемъ нѣсколько повыше.

Знаешь ли ты, что первобытнаго челоѵка спавишь сначала на ноги, что испоргаешь его изъ скопской бездѣйственности? что пробуждаетъ его, принуждаетъ сдѣлаться настоящимъ челоѵкомъ? — Голодь. *Ingenii largitor ventis*, говоримъ мы Лапинцы.

Ѣсть и пишь — первая самая понудительная изъ всѣхъ потребностей для челоѵка и животныхъ; голодь и жажда — мучительнѣйшая болѣзнь изъ

всѣхъ, кои можемъ имѣть чувствующее существо. Мы счастливы не имѣемъ объ этомъ никакого понятія, потому что никогда не чувствовали ни того, ни другаго. Попосидишься случайно день или два, какъ съ нами можемъ случиться, не значишь еще чувствовали голодь, а только позывъ на пищу.

Эта потребность возобновляется ежедневно, и болѣзнь надобно изцѣлить, во что бы то ни стало. Здоровый человекъ можемъ пробыть по большей мѣрѣ 4 сушки безъ пищи, въ слѣдующіе дни онъ слабѣетъ, въ 7 или 8 день болѣзнь приводитъ его въ ярость, такъ что онъ умираетъ въ бѣшенствѣ. Это извѣстно изъ страшныхъ повѣствованій о кораблекрушеніяхъ: 6 человекъ спасающихся въ лодкѣ, на открытомъ морѣ истощаются у нихъ припасы, и потомъ на кого падаетъ жребій, того умерщвляютъ и ѣдятъ. Это извѣстно также по людямъ, кои закладывались живые въ стѣны; такое безчеловѣчное наказаніе было въ общемъ употребленіи въ средніе вѣка; находили, что сіи несчастные искусывали себѣ руки... жили... Для удовлетворенія сей пламенной потребности нуженъ не малой запасъ. Взрослому, здоровому, крѣпкому человеку по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ климатахъ (въ жаркихъ странахъ половиною мень-

ше) нужно всякой день около 3 ф. пищи и 4 ф. пишия: на годь слѣдовашельно нужно ему пищи 25 пудъ и 35 пудъ пишия. Въ послѣднемъ онъ рѣдко чувствуешь нужду, пока употребляетъ воду. Но какъ достать ему 1000 ф. пищи?

*

Разумѣется, первые люди, спрянсивуя по пальмовымъ роцамъ, питались дикими расшеніями, древесными плодами, кореньями и правами. Подобно живошнымъ, умѣли они различать по вкусу и запаху, что годилось для ихъ желудка. Когдажъ въ послѣдствіи должны они были перейдши въ спраны худшія, гдѣ царство прозябаемыхъ не предсказывало имъ сколько пищи, сколько имъ было нужно, тогда спали нападать на слабыхъ живошныхъ, кои не могли имъ проливиться. — Все, разумѣется, ѣли они сырое, безъ всякаго приуготовленія, какъ можно было тогда думать о спряннѣ?

Впречемъ не бойся, чтобъ добышь ежегодно 25 пудъ было для нихъ слишкомъ затруднительно. Они ѣли многое, чего наши изнѣженные желудки сварить не могутъ. Самовдъ при Ледовиномъ морѣ ѣсть мерзлую рыбу, которая паетъ ужъ у него въ желудкѣ. Припомъ дикимъ, какъ дѣшамъ, нѣшь ни-

чего гадкаго : если ты можешь побѣдить свое отвращеніе , то я расскажу тебѣ нѣсколько проливныхъ примѣровъ , (впрочемъ не самыхъ еще гадкихъ) : Якутъ ѣсть гнилую рыбу , Гошпеншопъ кроповъ , дохлую скопину ; многіе ѣдятъ мышей и крысъ , змѣй и ящерицъ , даже непромышляя внутренности живошныхъ съ шакимъ удовольствіемъ , съ какимъ Гренландецъ ѣсть киповой жиръ ; Людьми и не хочу ужъ и пугать тебя .

Для насъ образованныхъ , скажемъ мимоходомъ , только въ слѣдствіе воспианія и привычки , нѣкоторыя живошныя огадились , которыя однакожь все негадки , — впрочемъ мнѣнія въ этомъ отношеніи различны . Французъ ѣсть лягушекъ , Англичанинъ кроликовъ , Испанецъ ословъ , — Нѣмцы не ѣдятъ сихъ живошныхъ ; Калмыкъ ѣсть лошадей ; за 1000 лѣтъ въ Германіи эпашица была въ общемъ употребленіи , какъ вдругъ по чему-то пришло въ голову Папы , запретить Христіанамъ ѣсть конское мясо подъ страхомъ адскихъ мученій . Китайцы , Калмыки и Негры ѣдятъ собакъ , которыя для этого и опкармливаются . — Мы напрошивъ ѣдимъ раковъ , настоящее насѣкомое , и угрей , настоящій родъ змѣй , когда са-

мые Гошпеншопы не прикасаются ни до какой рыбы съ гладкою кожею, безъ чешуи.

*

Я возвращаюсь къ дикому человѣку: когда и какъ началъ онъ слышать. Не прежде какъ занялась упренная заря его разума, т. е. когда дикій человѣкъ соединился съ другимъ дикимъ человѣкомъ, и помошь оба выучились говорить, и наконецъ уже они нашли огонь; тогда только можно спало и жарить и печь и варить.

I. Одинъ мущина и одна женщина жили вмѣстѣ: пословица: равное съ равнымъ легко сходящя, прилична даже почти всѣмъ животнымъ. Но овца и баранъ могутъ пастись вмѣстѣ цѣлые годы и останутся овцею и бараномъ; въ обществѣ же двухъ дикихъ людей зарождается человѣчество. Чудесное дѣйствіе общества! — Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій сей общественной жизни людей, есть то, что

II. Они выучиваются говорить, или изобрѣтають языкъ. Безъ языка разумъ невозможенъ (нынѣ изобрѣли искусство глухонѣмыхъ людей дѣлать умными, — но здѣсь совершенно другія условія). До сихъ поръ между самыми бессмысленными дикими не опыткалось еще ни одного народа, который бы не

имѣлъ языка. Слѣдовательно изобрѣшеніе должно было быть очень естественнымъ и до крайности легко: впрочемъ я не надѣюсь теперь даже дать тебѣ ясное понятіе о существѣ, возможномъ образѣ происхожденія, и чудныхъ слѣдствіяхъ слова. Покажешь замѣчу я тебѣ слѣдующее: словомъ одна человѣческая душа властвуетъ надъ другою и внушаетъ ей неборимо свои мысли. Я думаю въ эту минуту о какомъ нибудь предметѣ, о которомъ ты не думаешь. Но я тотчасъ заставляю тебя думать объ немъ, сказавъ тебѣ вслухъ, если только ты можешь слышать: „Шиллера Орлеанская дѣва.“

Съ первыхъ звуковъ словесныхъ мыслительная машина пошла въ ходъ, умственные часы завелись сами собою, и люди начали *изобрѣтать*. Въ какомъ порядкѣ сіи изобрѣшенія слѣдовали — я не знаю, да и ни кто не знаетъ. Поговоримъ объ одномъ, не легчайшемъ и слѣдовательно не древнѣйшемъ, но конечно важнѣйшемъ, изобрѣшеніи, которое припомъ имѣетъ близкое отношеніе къ предмету, избранному нами, повременному искусству, и которое необходимо должно было ему предшествовать.

Объ изобрѣтеніи огня.

Развесни огонь — бездѣлица! Кто не можешь нынѣ сдѣлать это? Но подумай ли ты, какое искусственное, сложное произведеніе есть вещь, называемая огнивомъ, которая находится теперь во всѣхъ людскихъ хижинахъ и домахъ? Сколько вещей соспавляющъ оно? 1. Кремень обь острыхъ углахъ и 2. огниво, 3. прутокъ изъ холстины или чего нибудь подобнаго, 4. спички, и 5. сѣра? Понимаешь ли, что тысящелѣтніа должны были прошечь до тѣхъ поръ, пока явился эпокъ снарядъ въ такомъ видѣ, въ какомъ теперь находится? Сперва должно было открытъ, что есть камни, кои чрезъ удареніе дають изъ себя искры; должно было изобрѣсти искусство дѣлать порошокъ, употреблять желѣзо, сѣру! Разсмотримъ всѣ ступени, на которыхъ помощи Адамовы должны были взбираться мало по малу до тѣхъ поръ, пока овладѣли геніальнымъ произведеніемъ, нашимъ нынѣшнимъ огнивомъ, результатомъ тысячи предшествовавшихъ открытій.

а. Спихию огонь люди должны были найсти, увидѣть, открытъ: прежде не имѣли они о немъ никакого понятія. И такъ не удивляйся, что были цѣлые народы, которые, Богъ знаетъ,

сколько времени, не знали огня, по крайней мѣрѣ не умѣли употреблять его. Древніе писатели именно говорятъ это о древнѣйшихъ Египтянахъ, Китайцахъ, Грекахъ, Персахъ и проч. Во многихъ преданіяхъ называются даже по именамъ тѣ люди, кои ввели у нихъ огонь въ употребленіе. Но чтобы въ новѣйшія времена можно было найдти народы безъ огня — это въ самомъ дѣлѣ удивительно. Въ 1521 году, такъ съ небольшимъ за 300 лѣтъ, Испанцы съ первымъ мореплавателемъ около свѣта Магелланомъ приспали къ такъ-называемымъ разбойничьимъ островамъ (между Китаемъ и Америкою) и развели огонь: дикіе обитатели, никогда невидавшіе, чтобы огонь горѣлъ такъ долго, были внѣ себя отъ удивленія, и почли его живою тварью, которое прильпилось къ дровамъ и дышалось ими. Первые, приблизившіеся къ пламени, обожглись какъ мухи, и потомъ не смѣли сморгнуть иначе какъ издали, дабы сіе страшное животное не пожрало ихъ. Кромѣ сихъ дикихъ послѣ найдены были еще многіе народы безъ огня на островахъ и въ Америкѣ. Даже въ прошломъ столѣтіи узнали такую несчастную орду человеческую во внутренней Африкѣ.

И такъ первые люди должны были узнать огонь, прежде нежели одни

могли выучиваться употребленію онаго у другихъ: какимъ бы образомъ объяснишь себѣ сіе открытіе? Молнія низводишь огонь съ неба на землю. Молнія бываешь во всѣхъ странахъ, въ однѣхъ очень часто, въ другихъ рѣже. Далѣе изъ многихъ крѣпкихъ камней вылетаютъ огненные искры, если они случайно ударятся одинъ о другой. Наконецъ огнедышущихъ горъ при началѣ вещей было гораздо болѣе, нежели теперь: легко могло спастись, что нѣкоторыя семейства, при своемъ кочеваніи, попали въ такія страны, гдѣ горѣлъ вулканъ. — Такимъ образомъ могли они узнать огонь, получишь о немъ какое-нибудь понятіе.

б. Но найденное понятіе объ огнѣ не приносило имъ никакой пользы: они должны были найдши высоковажное искусство *употреблять огонь*. Прежде всего два свойства огня должны были поразить ихъ: онъ *освѣщаль*, дѣлалъ изъ ночи день, и *согрѣваль*, дѣлалъ изъ холодной зимы жаркое лѣто. О послѣднемъ свойствѣ молнія не могла подать имъ понятія, равно какъ и искры, вылетавшія изъ камней: ибо оба явленія продолжались только по минушѣ: дѣло другое, когда молнія ударяла въ дерево, которое загоралось и горѣло нѣсколько времени. Египетскіе жрецы рассказы-

вали объ эпюмъ слѣдующую замысло-вашую баснь: „однажды молнія въ зимнее время ударила въ дерево на горахъ, и зажгло оное, и пожаромъ обхватило ближній лѣсъ. Теплоша понравилась одному изъ нашихъ соопечесшвенниковъ (они называютъ его Вулканомъ); а огонь между лѣмъ пошухалъ — тогда Вулканъ подложилъ дровъ, и такимъ образомъ поддержалъ горѣніе. Другіе подбѣжали, и сдѣлали поже, и въ благодарность за благодарія, которыя они съ того времени начали подучашъ отъ огня, избрали изобрѣшашеля своимъ царемъ.“ — Еще легче было найдши оба сіи свойства тогда, когда людямъ случалось бышъ близъ огнедышущей горы; ужасно-прекрасное зрѣлище продолжалось при семъ случаѣ не часы, не дни, но цѣлыя недѣли.

в. Съ чего же начали люди, желая удержашъ найденную стихію, и пользоваться дознанными ея благодаріями? Они сдѣлали, чего до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одинъ поитосъ, но что сдѣлалъ вышеупомянутый Египетскій человекъ: покаместъ огонь не погасъ, онъ подложилъ дровъ. Вошъ первый простѣйшій способъ *сохранять* огонь для безпреспаннаго употребленія. Всякой долженъ былъ заботишъся о томъ, чшобъ огонь не погасалъ въ его дому; гдѣ

жило много семействъ вмѣстѣ, шамъ сосѣдъ бралъ огня у сосѣда; такъ было къ Афинахъ во времена Сократовы. II Но, не говоря уже о томъ, какъ затруднительно было всякому держать огонь дома, очень могло случиться, что какимъ нибудь образомъ огонь погасалъ въ цѣломъ селеніи! И такъ, точно какъ умные крестьяне начинаютъ заводить въ своихъ деревняхъ общую печь, такъ въ древнѣйшія времена многіе народы заводили у себя общіе очаги. Къ нимъ приставляемы были многіе огнехранители или огнехранильницы на жалованьѣ, и всякой бралъ себѣ огонь съ этихъ очаговъ. Услугу хранители приносили большую потому, что всякой съ нихъ поръ могъ имѣть огонь безопасно и удобно, и вмѣстѣ она была не затруднительна, не требовала никакого искусства; всякая старая баба, только что бдительная, могла оказать ее. И однакожь, какъ обыкновенно случается, изъ этого общаго огня, бывшаго первоначально только умнымъ подицейскимъ учрежденіемъ, произошелъ по хитрости жрецовъ и суевѣрію такъ называемый священный огонь. Жрецы протравили до очаговъ, заставили плащить себѣ безъ мѣры; и чѣмъ это пустое дѣло въ глазахъ простой черни получило достоинство и важность, завели

разныя церемоніи и фокусъ - покусы. Они начали разславлять, что содержашъ огонь въ честь Божества, въ благодарность за низпосланіе человѣческому роду этого неоцѣненнаго дара. Такъ произошло у Персовъ и другихъ древнихъ народовъ поклоненіе огню, а у нѣкоторыхъ родилась даже нелѣпая мысль почищать огонь самимъ Божествомъ. — Очень вѣроятно, что такимъ же образомъ произошло и въ древнемъ Римѣ: хранили его шесть молодыхъ дѣвушекъ изъ знаменитѣйшихъ семействъ, которыхъ назывались Веспалками; должны были быть красавицами, и жили вмѣстѣ по монастырски, подъ начальствомъ великой дѣвы или старшей Веспалки. Мало по малу спали они получать большіе доходы и права. Онѣ находились по очереди при вѣчной лампадѣ. Дневальную, при которой погасалъ огонь отъ ея безопасности, съкъ Великій первосвященникъ. Вообще имъ предписывалась строгая нравственность и цѣломудріе. Преступницы зарывались въ землю живыя. Впрочемъ, такъ какъ дѣвы приносили ежедневно жертву въ обольстительномъ нарядѣ, и во время сихъ жертвоприношеній могли видѣть ихъ муцины, то и происходили часто несчастные случаи и казни, и пословица: цѣломудренна, какъ Веспал-

ка, потеряла свое древнее значеніе. Больше тысячи лѣтъ горѣлъ эпошь священнѣй или вѣчный огонь безъ пользы, потому что ужь давно выучились всѣ искусству зажигать огонь; но прекраснѣйшія *Chapoinesses* грѣлись около него съ удовольствіемъ. И уже Христіанская Религія погасила эпошь огонь, какъ Люшерова реформація огонь очистительной.

III. Вошь и еще средство доставлялъ себѣ огонь, прежде нежели всѣ люди научились разводить его. Въ 1697 г. въ Европѣ — подумай — въ Европѣ! — народецъ на островѣ Св. Рилды, одномъ изъ Гебридскихъ острововъ при Шотландіи, слѣдственно частію Англійской націи, употреблялъ такое средство. На всемъ островѣ было одно огниво, — и это огниво принадлежало одному жителю, который держалъ его у себя подъ шайною, — и кто хотѣлъ получить отъ него огонь, тотъ долженъ былъ покупать у него на годъ. Бездѣльникъ бралъ себѣ съ каждаго по пшицѣ или по три пшицы лица, (обыкновенная пища на островѣ), какъ огневою дань. Но въ 1697 пріѣхалъ къ островитянамъ Англичанинъ Маршинъ, и показалъ имъ, что они были дураки: что имъ должно только набирать кремней, кошо-

рыхъ было множеству на ихъ утесахъ, и ударяшь объ нихъ своими ножами.

д. Всѣ четыре средства имѣть огонь: — на своемъ очагѣ, брашь у соседа, съ общаго очага, покупать у какагонибудь бездѣльника, — были затруднительны, сложны, или дороги. — Между тѣмъ узанный огонь входилъ безпрестанно въ большее употребленіе, и вошь Геній приложили все свое стараніе на то, чтобъ изобрѣсти искусство — разводить его всегда, когда хочешь: 1. Чшо ешь различные роды камней, кошорые ошь взаимнаго ударенія даютъ искры, знали уже древнѣйшіе Греки: трудность состояла въ томъ, чтобъ поймать какія искры и произвести изъ нихъ пламя. И вошь явился, баснословятъ они, Промисей, кошорый „похитилъ огонь съ неба, и принесъ въ проспникъ на землю, ш. е. онь открылъ, чшо сердцевина проспника удобно можетъ быть употребляема *трутомъ*.“ II Другіе открыли, чшо огонь можно получить крѣпкимъ преніемъ швердаго дерева о мягкое. Такой способъ нашли Русскіе у Камчадаловъ, открытыхъ ими незадолго предъ 1700 годомъ. Сии полудикіе дѣлали скважинки въ сухомъ полень и вертели въ сихъ скважинахъ тонкую круглую спицу до тѣхъ поръ, пока зажигался огонь,

а вмѣсто пруту употребляли они сухую праву, уколоченную мягко — на мягко. Сей способъ разводить огонь продолжается и у другихъ дикихъ новѣйшихъ временъ. Такъ было и у древнѣйшихъ народовъ въ Кишаѣ, Греціи и проч. Отсюда на многихъ языкахъ (Еврейскомъ, Финскомъ, Русскомъ и проч.), зажигающъ огонь называется первоначально возгнеташъ огонь. Послѣ того, какъ обнародовалось уже удобнѣйшее средство зажигающъ огонь, древнее вышираніе было освящено суевѣріемъ и употреблялось въ торжественные праздники. Когда огонь погасалъ у Веспалокъ, то зажигающъ его можно было опять только преніемъ двухъ полѣнъ между собою. Тоже бывало при огнѣ Рождественскомъ, Троицкомъ, Ивановскомъ, коимъ древніе Нѣмцы дѣлывали всякія суевѣрныя шутки.

е. А сколько времени прошло отъ выширанія огня до изобрѣшенія искусства пользоваться желѣзомъ, и. е. до огнива? Сколько времени прошло до цѣлаго, совершеннаго огневаго снаряда? — А зажигающъ сшекла, а чудеснѣйшее средство получать огонь чрезъ простое сжатіе воздуха, коему научающъ насъ Физика.

Безмѣрно велики были благодѣянія, которыя доставляли огонь человѣческому роду: 1 *свѣтомъ* и 2 *теплотою*. Но были еще два благодѣянія, кои человекъ могъ получить отъ него: помощію огня человекъ выучился 3 *плавить металлы*, и 4 *варить, кипячить, жарить, печь*. —

Земля во внутренности своей, индѣ и наружи, содержитъ разные металлы. Въ естественномъ своемъ состояніи, нечислыя, не приносятъ они человеку никакой пользы. Но онъ открываетъ удивительное искусство очищать, *плавить* ихъ посредствомъ огня, и давать имъ чрезъ то всякія формы, — и являющія гвозди, сохи, мечи, иглы, копья: чѣмъ были бы мы безъ сихъ снарядовъ? Между тысячами разныхъ искусствъ, до коихъ возвысился духъ человѣческій, есть очень мало такихъ, кои можно было бы производить безъ помощи металла; а плавка металловъ и огонь нераздѣльны.

Впрочемъ здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ болѣе: мы ограничимся только услугами, кои огонь оказываетъ нищѣ при спряганіи въ пространномъ смыслѣ. Страннымъ тебѣ кажется теперь, что много надобно было ломать голову для того, чтобы явился на столѣ супъ; смѣшно, въ какой нуждѣ были люди до сихъ поръ, пока рядъ

génies supérieurs приготавливали имъ поваренные снаряды. Неудивительно ли, что Опагишяне, не совсемъ глупый народъ, неимѣющъ никакого понятія о кипящѣ пошому шолько, что не имѣющъ горшковъ ?

*

Мы, образованные люди, ѣдимъ еще иное сырое и холодное изъ царства прозябаемыхъ (овощи, салатъ), изъ царства животныхъ (усприцы), но не много. Дикій человекъ ѣлъ все шакъ, и теперь естъ еще дикіе и полудикіе, которыя ѣдятъ сырое мясо. Желудокъ ихъ можетъ варить шо, чего не можетъ нашъ ; зубы ихъ могутъ разжевать шо, что не возможно для нашихъ.

Гдѣ рыба и мясо сдѣлались главною пищею, тамъ рано придумали средство умягчать сырое мясо и предохранять оное отъ гніенія : простѣйшимъ средствомъ было сушить сіи припасы на солнцѣ. (Жишели береговъ Ледовитаго моря морозятъ рыбу, и питающа ея въ продолженіи зимы). — Лакомки (ибо почему не бытъ шакимъ и между дикими) не упустили сдѣлать замѣчаніе, что мясо животного, шолько что убитаго, покамѣслъ оно тепло, нѣжиѣ охладѣваго : свѣжая курица, изготовленная въ коспрюль — прекрасное искусство. — А не найдено ли было прежде средство смягчить сырое мясо по

калмычки подь сѣдломъ , - я не нахожу
никакого слѣда.

Наконецъ нашли люди огонь : какіе
спасительные перевороты произошли
здѣсь въ пищу мало по малу ! Многіе
естественныя произведенія только те-
перь стали употреблять въ пищу, —
прежде онѣ были безполезны. Почти
всѣ сѣлались пеперь вкусѣе. Разу-
мѣется, прежде всего начали жарить
мясо, и какъ люди приступили къ дѣ-
лу ? Всего естественнѣе, кажется, бы-
ло бы волкнуть лучину въ кусокъ мя-
са, и поворачивать его надъ огнемъ со
стороны на сторону. — Но не такъ
было : послушай какъ не ловко при-
нимаются за сіе дикіе новыхъ временъ.
Въ 1615 году уже нашли, что жители
южныхъ острововъ между Азією и Аме-
рикою жарили свиней — кладя горячіе
камни въ разрѣзанную тушу. Другіе
дикіе на островахъ Антилскихъ нали-
вали воды въ ущелину какого нибудь
ушеса, кидали туда горячіе уголки
или раскаленные камни, и разогрѣва-
ли или варили такимъ образомъ мя-
со. — Не думали ли и о поваренныхъ сна-
рядахъ ? Думали. Иные дѣлали кошлы
изъ звѣриныхъ кожъ, изъ древесной ко-
ры, изъ рыбьей чешуи ; другіе дѣлали
для этого деревянныя корыта. Недавно
еще цѣлый народъ въ Сіамѣ варилъ свое

пшено на огонь въ кокосовыхъ орѣхахъ. Всего смѣшанье было то, что при такой спиритической приборъ поваренной всякой разъ сожигался, или по крайней мѣрѣ вскорѣ поршился.

И вошь возспалъ геній, и нашель родъ земли, называемый глиною, которая прошивилась огню: онъ обложилъ сею глиною деревянный свой котелъ; такая оболочка давала время ищущу увариться и предохраняла отъ скорого сгорѣнія. — Потомъ явился второй геній, который замѣшилъ, что найденной глины можно давать всякія формы, и что нѣтъ никакой нужды во внутренней подкладкѣ, — и такъ явилось горшечное искусство. Сіе искусство могло бытъ изобрѣтено и прежде, ибо при немъ нѣтъ никакой нужды въ мѣталлахъ. Дикіе сушатъ такіе снаряды на солнцѣ, умнѣйшіе обжигаютъ на огнѣ. О глазурь, разумѣется, не лѣзя еще было думать; за то нечего было также бояться и оправы свинцовою глазурюю. Грузины, не дикіе, даже Христиане, до приведенія ихъ подъ владычество Русское, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ничего не знали о горшечномъ искусствѣ, какъ объ особенномъ ремеслѣ; поселяне имѣли сосуды для варенія изъ глины, но всякой дѣлалъ ихъ самъ; изъ сего

видно, каковы они были. — А какъ можно было печь безъ коспрюль, хотя и были зерна, мука и шѣсто? И теперь еще Аравишяне пекутъ свои пироги точно такъ, какъ за 4000 лѣтъ предъ симъ Сара, жена Авраамова, когда ей надобно было угощать проихъ гостей своихъ (1 Моис. 18, 6): они разводятъ огонь въ пескъ, и когда онъ прогоринъ, кладутъ шѣсто въ горячій песокъ, и засыпаютъ горячею золою и угольями. Внутренность такого пирога можетъ быть очень вкусна, но корку надобно поскоблишь гораздо.

*

Теперь довольно объ Исторіи повареннаго искусства, доведеннаго до начала горшечнаго искусства. Какъ длинна бы была сія исторія, если бы отъ сего грубаго начала довели мы ее до настоящаго совершенства! Открытіе соли, введеніе иностранныхъ пряностей, и, — важнѣе всего, — постепенный переходъ отъ высочайшей простоты до безконечнаго соединенія, смѣшенія и приправленія произведеній. Представь себѣ поварню какого нибудь богача, который кормитъ свое животное (плѣснующую часню своего я) дарами всѣхъ часней свѣта и всѣхъ царствъ приро-

ды. Слыхалъ ли ты о пашетѣ на столѣ Людовика XV, Французскаго Сарда-напала, — сей пашетъ, по изчисленію знапока, стоилъ столько, сколько нужно для продовольствія двадцати бѣдныхъ семействъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

На первой разъ довольно и вообще сихъ образчиковъ о началѣ человѣческаго образованія, посредствомъ Механическихъ искусствъ. Впослѣдствіи ты услышишь о другихъ родахъ образованія, кои однакоже всѣ происходятъ отъ сей прародительницы. Есть всеобщее духовное или умственное образованіе, то есть, способность думать, сравнивать и правильно судить, способность, которая совершенствуется упражненіемъ. Низшая степень сей способности, всякой чести однакожъ достойная, есть здравой смыслъ. Виды образованія суть: *моральное* образованіе нрава, сердца, которое обнаруживается въ человѣчествѣ (*Humanität*), часто прищипанномъ; *эстетическое*, образованіе чувствъ, гдѣ рѣчь идетъ о вкусѣ; наконецъ образованіе *учебное*, литературное. Последнее — есть младшая дочь древней прародительницы; долго еще не было наукъ, хотя человѣческія головы были ужъ наполнены свѣденіями. Въ позднѣйшія времена одна

изъ правнучекъ, Машемашика, показала свою благодарность прародишельницъ: безчисленныя услуги принесла эпа наука всѣмъ искусствамъ! Но прежде Машемашиковъ должны были явиться искусники или лучше — искусники сдѣлались учеными Машемашиками, утончивъ свои искусства.

Слово образованіе въ нѣкоторыхъ кругахъ общества имѣеть еще другое значеніе. Тамъ говорятъ: „вошь невѣста, на которой женился эпошь счастливчикъ, — она не только богата и прекрасна собою, но еще образована.“ То есть: она умѣеть читать, писать, считать, (впрочемъ безъ дробей), читаетъ журналы и романы, знаетъ кое-что по Французски, поетъ и бранчишь вальса два-три на фортепiano.

Все сказанное до сихъ поръ объ искусствахъ относима не только къ такъ-называемымъ тонкимъ, чистымъ, искусствамъ роскоши, но преимущественно къ искусствамъ, принадлежащимъ къ домашнему быту, или *ремесламъ*. Толпа пренебрегаетъ ихъ; но я никогда не вхожу въ масперскую безъ нѣкотораго почтенія, (хотя иногда бываетъ тамъ и очень нечисто), и предспавляю себѣ тамъ кладовую счастливыхъ мыслей, порожденныхъ пер-

вокласными гениями, произведенных цѣлыми массами человѣческихъ силъ, и сославляющихъ одну необозримую цѣпь, кошорая передавалась изъ рукъ въ руки. „Высокой духъ человѣческой также вѣшь надъ переплетомъ, какъ и надъ самой книгою, надъ декорацией въ театръ, какъ надъ изящною піесою, кошорая ламъ разыгрывается, надъ иглокою, какъ надъ Мессіадою.“

Эпо говорю впрочемъ не я; я не хочу однакожь назвать того по имени, кто говорилъ эпо: беллетристики были бы опъ него безъ памяти.

М. П.

Вторая часть Шлецерова введенія въ Историю, изъ кошорой взяшь предложенной ошривокъ, на дняхъ поступить въ продажу въ Универ. книжной лавкѣ Г. Ширяева. Цѣна ей, равно какъ и первой, 2 рубля.

К Р И Т И К А.

Русскія Книги.

Димитрій Самозванецъ, Историческій романъ, сочиненіе Ѳаддея Булгарина. С. П. Бургъ въ Тип. А. Смирдина. 1830 въ 4 частяхъ. Въ 12 долю, съ 4 картинками и виньешою. Ч. I XXXI и 302. — II, 301 и XLI. — III. 362. — IV. 517.

Нѣчто о Димитріѣ Самозванцѣ.

(С о о б щ е н о).

Еслибъ названіе: *Исторической романъ*, принадлежало исключительно однимъ романамъ Вальшера Скопта и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе или менѣе счастливыхъ его подражателей, то романъ Димитрій Самозванецъ не могъ бы ни какъ назваться историческимъ; — но у насъ есть образцы особаго, рода романовъ, также основанныхъ на исторіи, которыхъ цѣль не имѣетъ однако же ни чего общаго съ цѣлю романовъ знаменитаго Шотландца. — Анахарсисъ Бартеlemi, Агашонъ Вианда и путешествіе Аншенора Ланшье суть также историческіе романы, которые, по мнѣнію моему, составляютъ послѣднее звѣно въ цѣпи постепенностей, соединяющихъ истину съ вымысломъ, — и къ сему - по роду, мнѣ кажется рѣшительно принадлежатъ новый Русскій романъ: Димитрій Самозванецъ.

Существенная разница между ихъ романовъ и романовъ школы Вальшера Скошпа очевидна; — Возмите на примѣръ путешествіе Аншенора: интрига, дѣйствующія лица, спрасси, романической интересъ, однимъ словомъ все, что составляетъ душу романа, подчинено одной господствующей мысли автора: описать древнюю Грецію; онъ выводитъ на сцену свои дѣйствующія лица не для того, чтобъ занимать ими читателя, но чтобъ заставляя ихъ говорить о томъ, что онъ почерпнулъ въ исторіи, и хотѣлъ высказать подъ другою, имъ самимъ изобрѣшенною, формою. — У Ланшье всѣ вымышленныя персонажи служатъ, такъ сказать, рамкою, въ которую вставлена историческая картина; происшествія мѣлчныя и ничтожны; они нужны были автору для одной связи историческаго разсказа, который любопытнымъ своимъ содержаніемъ замѣняетъ всѣ прочія достоинства хорошаго романа.

Отнимите все историческое у романа Г-на Ланшье, и что останется? — одна плохая и скучная сказка. — Въ сочиненіяхъ Вальшера Скошпа мы видимъ совершенно другую цѣль: онъ избираетъ какую нибудь историческую эпоху, какъ сцену, на которой дѣйствуютъ его лица — костюмъ и декорация, сообразныя съ временемъ, довершаютъ очарованіе; но главный интересъ сосредоточенъ въ дѣйствующихъ лицахъ, основанъ на посмертномъ развитіи интриги, на заманчивомъ и въ-

стѣ правдоподобномъ сцѣпленіи частныхъ произшествій, на изображеніи страстей, а больше всего на вѣрной обрисовкѣ характеровъ. — Опнмиши у Вальшера Скошша основу историческую, и вы сдѣлаете шоже самое, когда заставите искусныхъ актеровъ играть хорошую піесу въ комнатахъ и безъ костюмовъ; очарованіе уменьшится, — но такъ какъ піеса и актеры хороши, шо, не смотря на шо, они безъ всякаго сомнѣнія принесутъ вамъ истинное удовольствіе.

Изъ числа вышеупомянутыхъ мною романовъ ближе всѣхъ подходитъ къ Димитрію Самозванцу, разумѣется не по содержанію, а по формѣ и главной своей цѣли, Аншеноръ Г-на Ланлье; но Русской романъ имѣетъ на своей сторонѣ величайшее преимущество: главное дѣйствующее лице въ ономъ не вымышленный и безцвѣтный Аншеноръ; но Димитрій Самозванецъ, лице историческое и въ высочайшей степени интересное для каждаго Русскаго; дѣло идетъ не о путешествіи и любви частнаго человека, но объ участи цѣлаго народа и гибели всего рода Годуновыхъ. Впрочемъ, цѣль обоихъ авторовъ совершенно одинакова; одинъ желаетъ описатьъ древнюю Грецію, другой описалъ намъ Россію въ царствованіе Годунова; оба автора пользуются — и даже не совсѣмъ разборчиво, каждыиъ случаемъ высказать все шо, что почерпнуто ими въ Исторіи. Форма разговоровъ, способъ изложенія, подробныя, не только истори-

ческія, по даже топографическія и статистическія извѣстія, безпрестанно вмѣшиваемыя въ разсказъ и прерывающія ходъ дѣйствія въ романъ, словомъ все, носить на себѣ ошпечатокъ удивительнаго сходства. — Однѣ уже содержанія главъ въ Димитрій Самозванцѣ напоминають сей родъ еочиненій — прекрасный, полезный и освященный именами великихъ писателей. — Для бѣльшей ясности, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ 1 и 2 помовъ.

Томъ 1-й Глава 5. Народные подки. *Кружало Царское. Торговые ряды. Красная площадь. Кликуша. Диво.*

Томъ II. Глава 4. *Бесѣда съ монахомъ о древнемъ Києвѣ. Духъ Украйны. Любовь, соблазнитель.* Глава 6-я. *Разговоръ съ священникомъ Михаиломъ объ Украинцахъ - Днѣпровскіе пороги. Прибытіе въ Сѣчь. Кошевой Ашаманъ Герасимъ Евангеликъ*

Спрашиваю всякаго: не замѣтили даже въ сихъ краткихъ содержаніяхъ главъ господствующая мысль автора и не имѣеть ли она разительнаго сходства съ цѣлію сочинителя Путешествія Аншенора? — Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, которые могли бы быти безчисленны. — У Ланше, въ одномъ мѣстѣ, Аристидъ спрашиваетъ Фанора о Спаршѣ — „расскажи намъ, молодой человекъ,, — говоритъ онъ, „какіе нибудь анекдоты о сей республикѣ,“ — и Фаноръ принимается раз-

сказывать историческіе анекдоты о твердости духа Спаршандевъ; — „Теперь поговори о ихъ правленіи,“ — продолжаетъ Аристидъ — и Фаноръ начинаетъ говорить о Сенатѣ, Эфорахъ, законоположеніяхъ и образѣ правленія Спарты. — У Г-на Булгарина Самозванецъ говоритъ Кіевскому монаху, что Кіевъ кажется ему крѣпкимъ. — И монахъ сей часъ начинаешь: „Городъ стоитъ на „горѣ, по среди обширной равнины; между этою „горою и новымъ Кіевомъ печешь Днѣпръ. Новой „городъ имѣетъ видъ преугольника и окруженъ „деревянною стѣною, съ деревянными же башнями „ми. Крѣпкій замокъ лежитъ на покатости горы „и возносится надъ новымъ городомъ; но старый „городъ выше его . . . и прочее. — Самозванецъ спрашиваетъ; „многоли въ Кіевѣ церквей;“ и монахъ отвѣчаетъ: „Православныхъ не болѣе дѣся „ши, а на моей памяти еще было сорокъ. Главныя „Св. Софіи противъ ратуши и Св. Михаила подъ „замкомъ. Прочія разсыяны въ разныхъ частяхъ го „рода и находящаяся при монастыряхъ. Знаменитая „церковь Св. Василія лежитъ теперь въ развалинахъ.. „Католики имѣють здѣсь четыре церкви: собор „вую, Доминиканскую на рынкѣ, ошдевъ Бернар „диновъ подъ горою, Иезуитскую между Бернардин „скою и рѣкою.“ — Потомъ монахъ спрашиваетъ Ошрепьева: „быль ли ты въ храмѣ Св. Софіи?“ „Еще не успѣлъ,“ отвѣчаетъ Самозванецъ — и монахъ начинаетъ ему описывать сей знаменитый

Храмъ. Черезъ нѣсколько листовъ разговоръ въ такомъ же родѣ о Запорожцахъ съ старымъ Запорожскимъ козакомъ — пошомъ объ Украинцахъ съ священникомъ. — Въ другомъ мѣстѣ Самозванецъ разговариваетъ съ Поляками о церквахъ Московскихъ, о колоколахъ, башняхъ, ворошахъ, объ архитектурѣ частныхъ домовъ — словомъ обо всемъ томъ, что входитъ въ составъ подробныхъ топографическихъ описаній. — Князь Вишневецкій говоритъ Басманову: „позвольте спросить, что называете вы собственно городомъ Москвою?“ — и Басмановъ или, лучше сказать, вторюя устами Басманова отвѣчаетъ: — „Кремль, Китай, Царевъ городъ, Скородомъ, Замоскворѣчье и Дворцовая слобода составляютъ городъ. Нѣмецкая слобода жилище иноземцевъ и Красное село, гдѣ живешь семь сотъ семействъ ремесленниковъ и торгошей, не принадлежатъ къ городу и называются посадами.“ —

Довольно, кажется, сихъ примѣровъ, которые, повторяю опять, могутъ быть безчисленны, чтобы оправдать мое мнѣнiе, касательно рода, къ коему принадлежишь сей новый примѣчательный Русской романъ. —

У.

Еще нѣсколько словъ о Димитрѣ Самозванцѣ.

. . . „Нужно, чтобы происшествія, составляющія Историческую цѣлость романа,“ сказали очень справедливо Г. Надоумко въ одной изъ своихъ кришикъ (Вѣст. Ев. прошлаго года) „были шакого рода, что не могли бы не случиться съ дѣйствующими лицами въ силу даннаго имъ характера, и обстоятельство, въ коихъ онѣ поставлены; нужно, чтобы сіи самыя обстоятельства не снизывались въ одно пестрое ожерелье по капризному своеволю Авшора, а развивались сами изъ себя, по законамъ всеобщаго порядка нравственной вселенной.“

Въ Самозванцѣ, (Рецензентъ предполагаетъ чипателей, копорые прочли его), мы не видали нечего подобнаго. Это есть длинный перечень случаевъ, могшихъ бытъ и небытъ (*), неустремленныхъ къ одной цѣли, (**) неподведенныхъ подъ одну шочку зрѣнія, (***) неразвива-

(*) Такъ Самозванецъ могъ не встрѣшиться съ Хлопкомъ, Курбскимъ, съ опцемъ Герасима Евангелца, могъ не брать Требизонца, и проч.

(**) На чемъ вершится Романъ? Чего хочешь Самозванецъ? Престола? Такъ на что сцены, на примѣръ, съ Калерією? — На что описаніе его жизни до самой смерти, приутошавленной не тѣми происшествіями, копорыя случились до овладѣнія престоломъ? На что сцены съ Ксенією?

(***) Такъ непрямѣшно, чтобы Авшоръ подробно описываетъ Бориса, его семейство и дворъ, для объясненія послѣдующихъ успѣховъ Самозванца.

ющихся изъ одного средоточія (****). Они не соединяются между собою узами внутренней *необходимости*, опредѣляемой по счастливому выраженію одного Литератора, упругостию характеровъ и давленіемъ обстоятельствъ: ихъ можно вышивавлять, перешивавлять и обшивавлять множествомъ подобныхъ другихъ, безъ малѣйшаго ущерба всему разсказу. — Это $\frac{4}{2}$ а не I. — Напрасно говоритъ Авторъ въ предисловіи, что онъ соединилъ всѣ части Романа вымысломъ. — Нѣтъ онъ *не соединялъ* ихъ, а только вшивавля въ число историческихъ происшествій нѣсколько вымышленныхъ, едва ли уже не съ чрезмѣрнымъ избыткомъ. Онъ совсѣмъ не споялъ на такой почкѣ, съ которой бы видны были ему всѣ герои разсказа и ихъ дѣйствія, а смозрѣлъ на нихъ порознь, и порознь описывалъ. Отъ этого происходятъ противорѣчія въ характерахъ и дѣйствіяхъ, недостатокъ романической занимательности, отсутствіе связи внутренней, скука при чтеніи *безостановочною*. Отъ этого сочиненіе Г-на Булгарина ни

(****) Если Іезуиты составили планъ дѣйствій, то какъ они оставили Самозванца въ Москвѣ, а еще болѣе въ Кіевѣ самому себѣ на волю, какъ и за чѣмъ пустили къ Запорожцамъ? — Непримѣтно и послѣ въ немъ послужаго воспитанника. Если самъ онъ вздумалъ объявить себя Царевичемъ — то какъ пришла ему въ голову эта мысль? Вообще необходимо было предсказать первоначальное образованіе всего замысла, хотя въ разсказѣ.

какъ не лзя назвать *Романомъ*, согласно съ приведеннымъ опредѣленіемъ.

— Станемъ же смотрѣть на Самозванца не какъ на полную и цѣльную каршину, а какъ на собраніе рисунковъ, болѣе или менѣе прилаженныхъ одинъ къ другому.

Въ этомъ отношеніи (начнемъ съ хорошаго): должно ошдашь справедливосшь за многія, очень хорошо изобрѣшенныя положенія, счастливыя замашки, узлы заплешенные удачно, (хощя иногда и не крѣпко). Такъ напримѣръ:

Монахъ Григорій Опреньевъ замышляетъ назваться Царевичемъ; — вдругъ Борисъ ошкрываетъ ему сонъ, въ кошоромъ ясно представляется мечтателю вся будущая счастливая судьба его. Съ какимъ восторгомъ долженъ онъ быть услышавъ сіе неожиданное постепенное ошкрытие, и вмѣстѣ съ какою радосшю, при пошребованномъ изъясненіи, могъ углублять ядовитыя стрѣлы въ сердце несчастнаго Царя, и заранѣ лишавъ его духа на время будущей брани! — Почему бы не объяснишь ошсюда самонадѣянность *Опреньева*, залогъ успѣховъ и шоржества его?

Сонъ Ксеніи о вѣнчавномъ змѣѣ, вылетѣвшемъ изъ гроба, очень хорошъ. Но почему бы не вспомнишь ей объ немъ, когда она находилась во власти дерзкаго Самозванца, и, по крайней мѣрѣ съ помощію Марьи Давиловны, не основавъ на немъ надежды на избавленіе ошъ рукъ злодѣя?

Монахъ Опрепевъ является въ собраніи Московскихъ Боярь, недовольныхъ Борисомъ, говоритъ длинную рѣчь, и заключаетъ; Димитрій живъ! — Здѣсь электричество должно бы пробѣжать по членамъ всѣхъ слушателей, но между шѣмъ какъ слабо окончена сія искренняя сцена?

Удачно выведенъ Лжедимитрій, разбирающій бумаги умершаго Царя.

Очень хорошо замышлено разпространеніе слуховъ въ Москвѣ о Димитріѣ между простымъ народомъ. —

Прекрасно поставленъ Семень Годуновъ съ помощницею, когда она выбирающъ жертвъ между Боярами, для представленія списка ихъ успрашенному Борису, какъ его собственныхъ непріятелей.

Шуйскій описываетъ Борису шрупъ Димитріевъ (252): „Ты знаешь лучше другихъ, остался ли въ живыхъ Царевичъ Димитрій.“ „Великій Государь! . . . я своими глазами видѣлъ окровавленное его тѣло, своими руками оцупалъ глубокую язву въ горлѣ, держалъ ножъ, смывалъ кровь.“ . . . „Довольно, довольно! воскликнулъ Борисъ, поблѣднѣвъ и содрогнувшись.“

Шутъ Кирюшка сказалъ много умнаго.

Вѣрно изображеніе мѣлкопомѣстной Польской Шляхшы, собирающейся въ походъ на Москву.

Очень хорошо описаны Лезуишты въ началѣ III части.

Теперь о дурномъ.

Характеры являясь въ разныхъ сценахъ, прошиворѣчаютъ сами себѣ.

Характеръ *Самозванца*, который долженъ быть средоточіемъ всего Романа, не имѣетъ ни жизни, ни цѣпа, ни постояннаго органическаго движенія. Возымѣвъ, невѣдомо какъ, исполинскій замысль, какой только могъ войдши когда нибудь въ голову челоуѣку, онъ, кажешся нарочно, употребляетъ всѣ силы, чтобы помѣшать его исполненію. Напращавъ подозрительнаго царя злобными намѣтками и прореченіями, онъ смѣло являешся на другой день предъ лице его въ свитѣ посла подъ одеждою и именемъ Иваницкаго. Не увѣрившись въ рѣшимости Боярь на заговоръ и возмущеніе, идетъ съ Леонидомъ въ ихъ собраніе, гдѣ легко могъ бы ошалить и клобукъ и голову. Не лучше ли ему было прокрасъся шихомолкомъ въ ихъ дома, подъ смиренною одеждою инока, и подѣйствовашъ на ихъ недужныя совѣсти оружіемъ, которое весьма легко было ему занять у своихъ наставниковъ — Іезуитовъ? . . . Убѣжавши изъ Россіи, чѣмъ онъ занимался? . . . Любовными интригами и удалымъ наѣздничествомъ съ Запорожцами? . . . Первое вымышлено совершенно безъ нужды для хода всего дѣла: ибо — *Карелин*, въ ветхомъ саванѣ таинственности, наскучили намъ давно уже въ сочиненіяхъ Радклифъ и Дюкредюменила. Последнее имѣетъ цѣну исторической достовѣрности, но совершенно не склеено съ цѣлостью сказа. Прощиворѣчія въ

поступкахъ Лже-Димитрія бросающа въ глазахъ безпрестанно. Эпощъ извергъ, упопивши безжалостно несчастную Карелю, умоляетъ Апамана Запорожскаго не лишь крови и щадить челоуѣчество. Свиданіе съ Курбскимъ едва не сдѣлало сжимника изъ того, кошорый не за долго предъ тѣмъ спокойно вызвался быль палачемъ друга своей юности. А эта юность? . . Она окружена мракомъ непроницаемымъ. Судя по разговору Самозванца съ Пыхачевымъ можно подумать, что онъ почно сынъ Барвары Онирепьевой: но — какъ же и когда попался онъ къ Іезуитамъ? . . Однимъ словомъ лице его оспасается совершенно неизъяснимымъ; и Романъ, кошорый долженъ быль бы помочь Исторіи и освѣтить мглу ея вымышленнымъ свѣтомъ, ограничивается приведеніемъ въ разговорную форму примѣчаній къ Исторіи Государства Россійскаго. Нельзя не замѣтить также небрежности Автора въ представленіи тѣхъ общошательствъ жизни Самозванца, коихъ простая Исторія имѣеть всю занимательность Романа. Признаніе Лжедимитрія Вишиевецкому изображено такъ, что всеобщій энтузіазмъ, произведенный имъ, кажется совершеннымъ безуміемъ. Ночлегъ въ Новгородъ Сѣверскомъ у Спасскаго Архимандрита, кошорому оставляетъ онъ послѣ записку, объявивъ себя въ ней Царевичемъ, совершенно опущенъ, а какое дѣйствіе могло, должно бы произвести это обстоятельство? Можеть бышь Авшоръ хотѣлъ за-

мѣнишь это вынужденнымъ признаніемъ Лже-Димитрія Леониду, застигнутому его въ лютомъ преслушеніи : но эшотъ *coup-de-maitre* въ Вудстокѣ естъ излишняя вставка въ нашомъ Романѣ, теряющая всю свою силу, по несообразности съ характерами и обстоятельствомъ.

Борисъ, второе лице Романа, поставленъ еще не выгодно, съ противорѣчіями чрезвычайно рѣзкими. Увидѣвъ въ первой разѣ монаха Опрѣльева у Ксеніиной няни, онъ столько неостороженъ, что ведетъ его къ себѣ, и открываетъ незнакомому подозрительному человѣку почти всю свою душу, (сердится за неблагопріятное толкованіе); онъ, начавъ гаданія у любимицы Семена Годунова, до такой степени проситъ, что вѣритъ не только глупымъ фокусамъ, сдѣланнымъ предъ его глазами, но и сдѣланнымъ въ его отсутствіи (II. 27), шѣмъ, кошорые клеветъ передаешь ему послѣ опъ имени чародѣйки; вѣритъ, что она узнала имена его тайныхъ враговъ, и проч. (Припомъ, если онъ полагался на знанія чародѣйственныя Федосьи — за чѣмъ же ему еще было говоришь съ незнакомымъ человѣкомъ Опрѣлевымъ) ?

„Молишься, молишься, дѣши мой!“ воскликнулъ Борисъ (I. 121), „вашъ родителъ имѣетъ нужду въ заступленіи чистыхъ душъ. . . . Какъ Царь я долженъ карашъ и миловашъ. Быть можешъ, въ числѣ обвиняемыхъ и осуждаемыхъ естъ невинные, за кошорыхъ я долженъ буду отвѣ-

чашь.“ — Царица, въ присуществіи сына и дочери, возражаешь: „*отвѣтъ будутъ тѣ*, кошорые смущають шебя злыми навѣтами; кошорые скрываютъ правду предъ швоимъ Царскимъ престоломъ, а не ты, шворящій судъ и правду по видимому и слышимому.“ А чрезъ четыре страницы (147) на слова Θεодора: „если между ними (жертвами, принесенными для утвержденія на престолъ) есть невинные? . . . Несчастіе безвиннаго можешь обратишь на мою голову,“ Борисъ же, (какъ Президентъ въ Коварствѣ и Любви Шиллера) отвѣчаешь на оборотъ: „безвинные! . . . Дитя! . . . кто тебѣ внушилъ эти мысли, эти рабскія чувства? Для шого ли опваживалъ я мое счастье, спокойствіе и . . . словомъ опваживалъ все, чшобъ передать власть въ руки малодушнаго? Безвинныя жертвы! Развѣ это не вина, заидовашъ мнѣ, бышь неблагодарнымъ?“ Чшо сперва говоришь Борисъ, и оприцаешь Марія, шо говоришь потчасъ послѣ Θεодоръ и оприцаешь Борисъ! —

Характеръ Бориса совершенно изуродованъ: Царь вышпаленъ вездѣ челошкомъ безнравственнымъ, лицемѣромъ, злодѣемъ, и жестокимъ шيرانомъ. Авторъ вооружается на него совсемъ несправедливо. „Разшоприште дѣла его,“ говоришь онъ, „величался въ счастья, не смѣлъ даже явно казнить шѣхъ, кошорыхъ почиталъ своими врагами, и въ первую бурю упалъ! Гдѣ же геройство?“ —

Какъ упалъ? онъ только что умеръ, а какъ окончилась бы при его жизни война съ Самозванцемъ — неизвѣстно. — *Героемъ* впрочемъ никто его не почитаетъ.

Такія же или еще большія проживорѣчія въ характерахъ Шуйскаго, Леонида, Марины.

О дѣйствіяхъ нельзя утвердить, чтобы то или другое непременно должно было принадлежать шому или другому лицу. Соберите всѣ ихъ въ кучу и раздайте послѣ другимъ лицамъ, — не выйдешь никакой перемѣны въ сущности Романа, и также нельзя будетъ ничего сказать больше ни въ пользу, ни въ упрекъ новому размѣщенію.

Вошь примѣры невѣроятностей и пропусковъ: два одинакіе сна сряду трудно увидѣть вмѣстѣ отцу и дочери, Борису и Ксеніи. — И Борисъ, услышавъ о снѣ Ксеніи, не спросилъ объ немъ ни у дочери, ни у полкователя!

Могъ ли Григорій, не возбуждая подозрѣнія сильнаго въ Борисѣ, рассказывать ему повѣсть о двухъ Грекахъ, которую такъ легко могъ Борисъ примѣнить къ себѣ? И на что ему было опиваться безъ цѣли?

Какъ могъ Ошрепьевъ, бывши долго съ глазу на глазъ у Бориса, въ монашеской рясѣ, явиться къ нему чрезъ короткое время въ свитѣ Сапѣги подъ именемъ Иваницкаго?

Какъ Борисъ тотчасъ не велѣлъ схватить подозрительнаго Иваницкаго? И отъ чего, послѣ

доноса *Шуйскаго*, въ коемъ не было ни слова объ *Отрепьевѣ*, такое внезапное оспервененіе протиснувъ него?

Вѣроятно ли, чтобы робкіе Бояре пожелали узнать шайну Леонида, шайну, которая во всякомъ случаѣ могла навлечь на нихъ несчастія?

Отрепьевъ открываетъ Боярамъ, что Димитрій живъ, но онъ долженъ бы прежде дѣйствительно увѣрился въ ихъ ненависти къ Борису по какимъ либо особливимъ причинамъ, а не повѣришь одной клятвѣ, долженъ бы обольститъ ихъ по крайней мѣрѣ обѣщаніями будущаго Царя, дабы кто нибудь не донесъ Борису о такомъ важномъ происшествіи. — Да и въ самомъ дѣлѣ, почему никто не сдѣлалъ этого, — а вѣрная награда была готова.

Могла ли Кликуша, при множествѣ повсемѣстномъ Борисовыхъ шпионовъ, рассказывать на площади такъ ясно о мнимомъ убіеніи Димитрія.

Недосшаточно оправдана ненависть Семена Годунова къ Боярамъ.

Почему Леонидъ не смѣлъ показаться вдовѣ Кришоса?

Какъ могла спастись Калерія, брошенная въ воду? Какъ Отрепьевъ могъ встрѣпиться съ Леонидомъ тогда же?

Есть и промахи историческіе: на пр. Авшоръ часто называетъ знаменитаго Сильвестра, настав-

ника Иоаннова, Митрополитомъ, между тѣмъ какъ онъ былъ только Священникомъ.

Въ предисловіи Авторъ говоритъ, что Димитрій былъ сосланъ въ Угличъ послѣ кончины Грознаго, по внушенію Бориса Годунова. — Нѣтъ, Угличъ былъ удѣломъ Димитрія по назначенію его родителемъ; да и Борисъ не принималъ еще дѣятельнаго правленія въ первые дни по смерти Грознаго.

Никакъ Иваницкой не могъ рассказывать Боярамъ (I. 59), что Димитрія хотѣли убить ночью въ Угличѣ, и что Докторъ его спасъ, ибо цѣлый Угличъ, а за нимъ и вся Россія, знали навѣрное, что смерть, естественная или насильственная, приключилась Царевичу — днемъ.

Авторъ также осторожнѣе поступилъ бы, въ историческомъ смыслѣ, если бы не разспрашивался о баснословныхъ Греческихъ вѣнцахъ и скипетрахъ Мономаха.

Опытные наши Археологи замѣчаютъ также, что книгъ не переплели у насъ въ пергаментъ при Борисѣ, какъ сказано на с. 269 (IV), что слѣдственное дѣло о смерти Димитрія написано въ подлинникѣ столпцемъ, и не могло быть связкою, а только свиткомъ, что измѣреніе и перепись земель не есть заглавіе рукописи (269), что Лжедимитрій не могъ относить напечатаніе Апостола къ 1564 году, а развѣ къ 7072, ибо онъ

Рождества Христова стали считать у нас только при Петрѣ, а прежде считали ошь сотворенія міра и проч.

Но довольно; поблагодаримъ Автора за собраніе многихъ любопытныхъ извѣстій изъ разныхъ рѣдкихъ и важныхъ книгъ о домашней жизни Русскихъ и Поляковъ въ XVII вѣкѣ, Запорожской свѣчѣ, объ Іезуитахъ и проч. — Впрочемъ онъ слишкомъ дорожилъ всѣми найденными извѣстіями, и неубавилъ видно ничего изъ написаннаго по окончаніи романа.

Говорятъ, что онъ изобразилъ Поляковъ съ лучшей стороны, чѣмъ Русскихъ. — Это несправедливо.

„Кажется мнѣ,“ говоритъ Авторъ (XXVII), что я далъ новыя формы моему Русскому Историческому Роману, соединивъ драматическое дѣйствіе съ разсказами и вводными повѣствованіями.“ Нѣтъ это формы старыя: такъ написана еще Урна въ уединенной долинѣ.

Слогъ чистой, и по большей части правильной, какимъ отличаются всѣ сочиненія Г. Булгарина; но, повторимъ слова Г-на Шевырева, ему недостаетъ разнообразія, теплоты, живости.

Вообще рисунки лучше колорита. Вездѣ одна краска и даже съ немногими оштѣнками. Всѣ лица, (которыхъ слишкомъ много), говорятъ почти однимъ языкомъ.

Тексты часто прибраны не удачно; поговорки также.

Относительное достоинство Самозванецъ имѣеть большее, — какъ книга прочтенная всюю Русскою читающей публикой, какъ собраніе любопытныхъ извѣстій о Россіи и Польшѣ въ XVII столѣтіи, полезное и для Императоровъ.

Трудъ достоинъ всякой похвалы; нравственная цѣль, предположенная Авторомъ, также.

Изданіе очень хорошо, картинки прекрасныя, кромѣ второй, очень безобразной.

„Духъ Императорскихъ партій,“ сказано въ Сѣверной Пчелѣ (N 22) „существовавшей и существующей вездѣ) и положеніе Г. Булгарина, какъ Журналиста и *гиттамаго* Автора, лишаютъ его удовольствія выслушать въ Россіи *негатный* справедливый приговоръ трудамъ своимъ.“ Рецензентъ *старался* доказать противное. —

W. W.

С М Ъ С Б.

Отрывки изъ писемъ Рус. Путешественника по Италіи.

П и с ь м о 2.

(Окончаніе).

Нигдѣ такъ не постигнете пласшической Анапоміи шѣла человѣческаго, какъ въ Неаполь? шамъ въ народѣ нагоша какъ будто не считающся неприличіемъ; шамъ невольно убѣдишься, что человѣкъ изобрѣлъ одежду не по благородному инстинкту шьда, а по нуждѣ. Видя часто полунагихъ или мокрыхъ лаззарони, почши нагихъ хлѣбниковъ, легко объяснишь начала Пласпики на югѣ, и изобрѣшеніе мокрыхъ одеждъ ваяшелями.

Замѣшите пріятное довѣріе къ климашу, когда, идучи мимо купеческихъ лавокъ, увидише, какъ богашья шелковыя шкани, шали, плашки сукна, изящно драпируютъ входы и окна лавокъ. Особенно сіи украшенія пѣбляютъ въ шѣсныхъ улицахъ мрачной Флоренціи, извѣстной своими шелковыми издѣліями.

Идете мимо мастерской, двери настежь расшворены; видише все, что дѣлается въ этой комнашѣ, которая служить болѣе спальней хозяину и его работникамъ, нежели жильемъ. Это объясняетъ назначеніе маленькихъ домиковъ Пом-

пея, состоящихъ изъ одной тѣсной комнашки, безъ оконъ, съ широкимъ выходомъ на улицу.

Вошь Пульчинелло поставилъ среди площади или улицы свой походной театръ и дребезжащимъ крикомъ сзываетъ любопытный народъ — охотника до публичныхъ зрѣлищъ. Вошь сцена въ родѣ Велизарія: слѣпой шарикъ, сопровождаемый дѣвучкою, сшановишся на перекресткѣ; онъ играетъ на скрипкѣ, она на гитарѣ, и оба поютъ сцену прекраснымъ, но прѣснымъ голосомъ. Иезуитъ воздвигаетъ амвонъ у дома и передъ образомъ Мадонны или распятымъ читаетъ проповѣдь, въ которой объясняетъ, что если богатые palazzi вельможъ Римскихъ блестятъ златомъ и роскошью, каковъ же долженъ быть рай — palazzo Божій? — Простой поселянинъ передъ изображеніемъ Христа рассказываетъ стихотворно Его страсти. Масперовой оставилъ работу, старушка свою пряжу, всѣ собрались и слушаютъ или поученіе Иезуита, или остропы Пульчинеллы (*), или дуэшь нищихъ. Въ Неаполѣ, на берегу моря, собирается нѣсколько лаззарони около Импровизатора, который имъ говоритъ стихи или переводитъ на Неаполипанское нарѣчіе Аріосша: лаззарони пріемлютъ живѣйшее уча-

---

(*) Судя по вѣкошорымъ картинамъ Помпей и вазамъ Эфрусскимъ, Пульчинелло, вѣроятно участвовалъ въ древнихъ Римскихъ fabulae Atellanae.

сіе во всѣхъ походе́ніяхъ описы́ваемаго героя, и часто не пристойно браняшь судьбу, когда она мѣшаетъ его подвигамъ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, на праздни́къ винограда, кружка́ми собираются поселяне, и поселянки пляшуть подь ладный стукъ шамбурина; но вечеромъ съ факелами ходя́тъ торжественно по улицамъ и мажутъ иногда лица вспрѣчныхъ сокомъ винограда.

Видя всю эту открытую жизнь народа Италіанскаго, вы можете оживишь пустынные улицы Помпей.

Жителю юга душно въ зашворахъ комнаты: онъ, любовникъ своей вѣрной природы, живешь въ ея объятіяхъ, подь благодѣтельнымъ вліяніемъ вѣчно-свѣтлыхъ и голубыхъ ея взоровъ. Конечно, въ Неаполѣ, при недоспашкахъ устройства общественаго, эта жизнь бываетъ причиною многихъ картинъ отвращительныхъ, несносныхъ для путешественника, потому что народъ выношишь наружу одну непристойную нищету и невѣжественное безстыдство; но во Флоренціи, одушевленной довольствомъ и промышленностью, эта пестрая жизнь веселишь взоры странника. — Такъ и всегда при всѣхъ отношеніяхъ, сохранишь сіе вліяніе климата, которымъ объясняется шѣсноша домовъ Помпей и публичная жизнь древнихъ.

Вотъ еще нѣсколько развалинъ изъ этой жизни, вошедшихъ въ новое зданіе Италіи. Спрасть къ общественнымъ зрѣлищамъ, происпекающая изъ первой же причины, удивительно сильна въ здѣшнемъ народѣ. Онъ принимаетъ въ нихъ шаковое же драматическое, живое участіе, какъ древле въ дѣлахъ форума. Духовное правительство Рима весьма замысловашо наполнило годъ множествомъ праздниковъ, состоящихъ большею частію изъ процессій, копорыя занимають безпокойный духъ народа, всегда склонный къ необузданной вольности, всегда легко раздражаемый. Въ Неаполѣ до сихъ поръ совершается чудо Св. Іаннуарія, патрона сего города, побѣдителя Везувія (*): въ церкви, построеной въ его имя, хранится опвердѣлая кровь его, копорая ежегодно въ праздникъ сего Святаго распускается и пріемлетъ первобынный видъ жидкости. Толпы поселянокъ, убранныхъ нарядно, шѣсняясь въ церкви, кричають, воплями вызывають Святаго на чудо; еслижь онъ долго медлитъ, приходясь въ опчаяніе, повосяють его; по совершеніи того, всѣ въ восторгѣ. Нынѣшній годъ Патронъ Неополитанской очень замѣшкался, и, говорясь, что причиною этого былъ опѣздъ Короля въ

(*) Св. Іаннуарій перешомъ остановилъ изверженіе Везувія, угрожавшее Неаполю разрушеніемъ, и на этомъ мѣстѣ воздвигнуша ему спашунъ съ проспертою рукою на Везувій.

Испанію. . . . — Въ Римѣ рѣдкую недѣлю нѣтъ процессій или освѣщеній : нѣкоторыя изъ нихъ учреждены съ большими вкусомъ, извѣстнѣйшими художниками. Такъ на пр. Микель Анжело устроилъ иллюминацію кресла въ храмѣ Св. Петра, уже давно запрещенную Папами по поводу неприличныхъ сценъ, память происшедшихъ : онъ же сочинилъ освѣщеніе часовни Папы Павла III (сарелла Paulina). Знаменитѣйшая изъ сихъ процессій есть *corpus Domini*, когда Папа, на колѣняхъ передъ Св. Причастіемъ, несетя рядомъ Кардиналовъ подъ пышнымъ балдахиномъ. — Царю Рима предшествуетъ постная его брашя изъ всѣхъ монастырей Римскихъ, сынные Аббаты, Прелаты, Кардиналы ; за смиреннымъ Пастыремъ церкви слѣдуетъ его дворъ, пешные Швейцары — шлохранители въ гошическо-арлекинской одеждѣ и вооруженное войско. Иллюминація храма Св. Петра есть *chef-d'oevre* всѣхъ иллюминацій. Фейерверки (*fochetti*) Римскіе удивительны по мѣстному положенію. Крѣпость Св. Ангела, мещущая тысячи огней надъ водами Тибра, и освѣщающая разсыпными ракетами куполь Св. Петра, есть зрѣлище неподражаемое. Народъ спрасино влюбленъ въ него, и если чуть замѣшится неудачу въ исполненіи, шо свистками выражаетъ свое негодованіе.

Особенно надобно видѣть сей народъ въ живописномъ кругломъ амфитеатрѣ Корейскомъ, за

кровоаю правлею быковъ (giostra). Нынѣшній Папа хошѣлъ непременно уничтожить, и, только склонившись на усиленные просьбы Государственнаго Секретаря Кардинала Албани, позволилъ сіе зрѣлище. Быки справятся собаками; раздраженное животное шакъ и бросаетъ рогами кровожадныхъ враговъ своихъ; безотвязный песъ, усталый, изнеможенный, съ пѣной и кровью у рта, послѣ многихъ мешаній, не смѣетъ подойти къ звѣрю, упершему въ землю рога, и только лаетъ издали; народъ, рукоплескавшій быку, освистываетъ робкаго пса; но вошь явился новый герой, погнался за побѣдителемъ, шакъ и вершился у его рыла, досталъ ухо, схватилъ, списнулъ его зубами, повисъ на немъ и замеръ . . . быкъ остановился и застоналъ. Народъ въ восторгъ кричитъ и рукоплещетъ. Здѣсь-то вы узнаете въ немъ пошомка кровожадныхъ пошшителей Коллизея.

Чувства вольности, ищенія, ревности еще знакомы и перепешимъ Италіанцамъ и перелипы въ нихъ съ кровью отцовъ. Не смотря на мудрыя установленія правительствъ, Италія несвободна еще отъ бандитовъ. Гдѣ чаще сверкали кинжалы, какъ не въ Италіи? искры ихъ и шеперь еще не исчезли. Нерѣдко слышите о гибели какого нибудь новаго Верпера или жертвы ревности. Въ примѣръ дикаго Ошеллизма, вошь анекдотъ, слу-

чившійся въ домѣ Лукіана Бонапарте: у его ребенка была кормилица, прекрасная собою; Лукіанъ, за вѣрную услугу, подарилъ ей серги; мужъ узнавъ это, возымѣлъ подозрѣніе; поварищи замѣтили въ немъ уныніе и не могли развеселить его; однажды во время обѣда, онъ вызвалъ изъ-за-спола жену свою; она и прежде часто ходила къ нему, но на эшошь разъ долго не возвращалась, спала искашь ее, нигдѣ не находяшь; идушь на квартиру мужа, дверь заперша; ломають ее и чтожь тамъ? Жена и мужъ мертвы лежатъ въ крови; возмѣ кинжалъ; на столѣ записка: шакъ да погибнуть всѣ невѣрныя жены! —

Но въ эшихъ грубыхъ чувсвахъ, которыя однако, будучи облагорожены просвѣщеніемъ и направлены къ цѣли полезной, могутъ развиться въ подвигахъ высокихъ, связываешся одно чувство великое, оживляющее всѣ страницы Римской Исторіи, — чувство самоопроверженія, съ шюю разницей, что идея отечества замѣнена идеею Религій. Есть въ Римѣ шакія Христіанки - машроны, которыя на алшарѣ Хрисповомъ съ шакимъ же восторгомъ закалають чувства материнскія, какъ машроны языческія закалили ихъ на жершвенникѣ отечества. Самоопроверженіе доходитъ до фанатизма. Не смотря на всю шрогость женскихъ каполическихъ монастырей, въ часто встрѣчаеме 17-ши лѣтнихъ дѣвушекъ, ко-

шорья въ первой порѣ весны, украшенныя всѣми дарами природы и форпуны, съ восторгомъ срывающъ съ себя цвѣты и брилліаншы, замѣняя ихъ шажкимъ вѣнцомъ невѣсть Христовыхъ, и подъ чернымъ покрываломъ преждевременно иссушающъ розы младости (*).

Вникая болѣе и болѣе въ подробности жизни Римской и вообще Неаполишанской, вы убѣдишесь, что климатныя стихіи все еще присущи въ этомъ народѣ, угрожающемъ будущимъ вѣкамъ сильнымъ изверженіемъ. Солнце не измѣнило почвъ Италіи, нѣкогда пылавшей вулканомъ и огненнымъ человѣчествомъ, а теперь мещущей однѣ слабыя искры.

Такъ и формы Религіи, Литтературы, Поэзіи, искусство, какъ и жизнь, представляющъ намъ множество колоннъ и разныхъ украшеній древнихъ, послужившихъ къ сооруженію новаго Италіанскаго міра (**). Вошь почему, если хотимъ об-

---

(*) Это причивается и шѣмъ, что въ Римѣ восхищаніе молодыхъ дѣвушекъ ввѣрено, большею частію, женскимъ монастырямъ.

(**). Нѣкоторыя мѣлкія замѣчанія подтверждающъ сію мысль. На пр. въ домахъ и особенно въ монастыряхъ чешвероугольные дворы, въ родѣ поршиковъ, съ фонтанами во срединахъ, очень напоминающъ портики древнихъ и весьма схожи съ Помпейскими; форма кровель въ Помпѣи объясняется шеррсамя, замѣняющими кровли въ Неаполѣ. Простой народъ носилъ въ холодѣ широкія шинели и правую полу оной закладывающъ на лѣвое плечо свое, какъ Римлянинъ шоку. Посадане и рабочіе носящъ куршки, но, лѣ-

ратиннѣ путешешствіе въ ученіе классическое, должно, какъ мнѣ кажется, начинать его съ Италіи, ибо она крѣпкимъ узломъ связала цѣпь древней Исторіи съ новѣйшею. Италія объясняетъ всѣ символы новаго Европейскаго міра, безъ нея для насъ непонятныя. Италія есть корень всего великаго разнообразнаго древа Европы, которое, съ множествомъ прививковъ гошическихъ, просперло свои цвѣшущія вѣтви до льдовъ нашего Сѣвера.

Ш.

Письмо къ Издателю Московскаго Вѣстника.

Не для комплиментовъ вамъ, М. Г., а для правды, надобно сказать, что журналъ вашъ всегда былъ безпристрастнѣе и умѣреннѣе другихъ; должно признаться, что въ нынѣшнемъ году, говоря объ Исторіи Русскаго народа, и вы сблизись съ тоною; но только съ тоною, а сказали чистую правду. И такъ позвольте и теперь помѣшится въ вашемъ журналѣ отзывъ челоуѣка, не принадлежащаго ни къ одной изъ партій, раз-

---

шомъ опъ жара скидая ихъ, набрасываютъ на плечи: понижно, какимъ образомъ жарваръ Сѣвера, пришедь съ сѣговъ въ жаркую Италію и увидѣвъ Римлянина въ шогѣ, сбросилъ свою шѣсную куртку, и повѣсивъ ее вмѣсто шогъ, освободилъ шѣмъ скованную грудь свою.

дѣляющихъ на разные приходы нашу отечественную Словесность.

Всегда уважая необыкновенный талантъ А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами, съ неудовольствіемъ читывала я преувеличенныя, безусловныя и даже смѣшныя похвалы ему, въ Сынѣ отечества, въ Стверной Пчелѣ и особенно въ Московскомъ Телеграфѣ. Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а обожали и предавали анаемѣ всѣхъ варваровъ, дерзавшихъ посягаться не всѣми его произведеніями, и находившихъ въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ его — недостатки! . . Называя Байрона — *первымъ поэтомъ человечества*, своего вѣка, Телеграфъ необивуясь говаривалъ: *Байронъ, Пушкинъ* и пр. и чтоже шеперь? . . Если неумѣренныя похвалы возбуждали неудовольствіе въ людяхъ умѣренныхъ, какое же негодованіе должны произвеси въ нихъ явныя припязанія оскорбить, унижить всякими, даже не литературными средствами, того же самаго Поэта, передъ которымъ шѣ же раболѣпные журналы, весьма недавно — пресмыкались въ прахѣ? — Развѣ Пушкина можно спавить въ рядъ съ его послѣдователями, хотя бы и хорошими стихотворцами? Онъ имѣеть такого рода достоинство, какого, не имѣлъ еще ни одинъ Русской Поэтъ - стихотворецъ: силу и точность въ изображеніяхъ не только видимыхъ предметовъ но и мгновенныхъ движеній души человеческой, свою

особенную чувствительность, сопровождаемую горькою усмѣшкою. . . . Многие стихи его, огненными чертами врѣзанныя въ души чипашелей, сдѣлались народнымъ достояніемъ! Объ искусствѣ составленія стиховъ я уже и не говорю.

Многіе скажутъ: „За тѣмъ узнавать Пушкина въ пародіяхъ? За тѣмъ относить къ нему „разныя намеки? Онъ выше ихъ.“ . . . Милостивые Государи, узнавашь — не значашь признавашь обвиненія и клеветы справедливыми! Но не узнашъ не лзя. . . . Мудреноли поддѣлашья къ наружной формѣ, упошребл каррикашурно и слова, и выраженія Поэша? . . .

Есть и другіе журналы, впрочемъ достойные уваженія, въ которыхъ разбирали Пушкина или съ пустыми привязками, или съ излишнимъ ожесточеніемъ. Последнее тѣмъ прискорбнѣе, что встрѣчалось въ рецензіяхъ Критика, по видимому имѣющаго обширныя познанія не только въ своей, но въ древнихъ и новѣйшихъ иностраннхъ Литтературахъ, мысли котораго по большей части свѣжи и глубоки. Я увѣренъ, что онъ ошдаешъ полную справедливость Пушкину, и что только нехѣныя похвалы и вредное для Словесности направленіе его послѣдователей, вмѣстѣ съ строгимъ образомъ мыслей самаго критика о нѣкоторыхъ предметахъ, увлекли его въ излишество. . . .

При нынѣшнемъ, спраннымъ и запушанномъ положеніи Литтературныхъ мѣтій, не должно

молчать. Пусть публика знаетъ, что многіе, или, лучше сказать, всѣ благомыслящіе люди, радуются, на примѣръ, оппаденію Телеграфа и Сѣверной Пчелы отъ такъ называемыхъ *знаменитыхъ друзей* и ихъ приверженцевъ, ибо всѣ они, болѣе или менѣе, известны своими дарованіями и талантами. Похвалы выше сказанныхъ журналовъ — пхали славу ихъ! . . . и да погибнешь навсегда прозвище *знаменитыхъ друзей*, не въ добрый часъ данное имъ въ Сынѣ Отечества. Кругъ людей, которыхъ славишь Телеграфъ и Сѣверная Пчела, до того уменьшился, что имъ приходится хвалишь — только другъ друга и . . . ; брань ихъ — есть уже право уваженіе просвѣщеннаго общества. Прежде Телеграфъ нападалъ на Литтераторовъ, неполюзующихся громкою славою и на людей ученыхъ (последнее весьма понятно) ; теперь онъ напалъ, или, приличнѣе сказать, *кинулся* на всѣ отличные таланты и на всѣхъ, совершившихъ уже свое литературное поприще, не въ шутку знаменитыхъ и заслуженныхъ Корифесвъ нашей Словесности. . . въ добрый часъ! . . . но подъ какимъ мѣднымъ щитомъ укроется онъ отъ клеима общественнаго мнѣнія? . . .

1830 Марта 23.

А.

Второе письмо изъ Турціи.

Ипсала, 24 го Августа.

Изъ Демошки двѣ дороги ведутъ въ Эносъ, одна идетъ по правой сторонѣ р. Морицы, другая по лѣвой; послѣдняя лучше, и Греки, занимающіеся перевозкою товаровъ изъ Филиппополя, Сливны и Адрианополя, всегда слѣдуютъ по лѣвой сторонѣ Морицы. — Дорога сія была еще при древнихъ, ибо видны остатки хорошей мостовой изъ плашнику (1). — Я не буду описывать всѣхъ Греческихъ и Турецкихъ деревень, черезъ которыя мы проходили, изъ нихъ нѣкоторыя довольно деликія, и населены досшапочными жителями, — но нельзя не упомянутьъ объ м. Ипсалѣ, въ 45 миль Демошки отстоящемъ. — Оно населено довольно досшапочными Турками, и состоитъ изъ 500 или болѣе домовъ. Ипсала съ небольшимъ измѣненіемъ сохранила древнее свое названіе (Cypsela). Мы остановились для отдохновенія въ полѣ въ 2 хъ верстахъ отъ Ипсалы, между симъ мѣстечкомъ и небольшою Греческою деревнишкою, называемою Ахурія, — несчастные жители оной совершенно разорены проходившими войсками изъ Салоники и Гимуржины; деревня Ахурія лежитъ на большой перекрестной дорогѣ, идущей съ правой стороны Морицы черезъ Кешань въ Родоспро, а отсюда въ Константинополь. —

(1) Она сначала шла близь Морицы. между небольшихъ рощей, потомъ нѣсколько удалилась отъ рѣки — на правомъ берегу въ отдаленіи виднѣя величественной хребтъ Родопскихъ горъ.

Въ 7 верстахъ отъ Ипсалы на берегу Морицы поселилось нѣсколько семействъ Некрасовцевъ, — нельзя не удивляться, глядя на сихъ выходцевъ: уже 195 лѣтъ, какъ они оставили Россію, и сія горсть людей, окруженная иноплемениками, въ два вѣка сохранила во всей чистотѣ свой языкъ, свои обычаи — и свою одежду; они насъ встрѣтили съ радостію, съ чувствами истинныхъ Русскихъ, говорили они объ нашей опчиствѣ, и сѣтовали, что не могутъ загладишь вины своихъ праотцевъ, переселившись обратно въ Россію.

Турки называютъ ихъ деревню Казакъ-кіой; они не требуютъ отъ нихъ подати, но изъ 90 способныхъ носить оружіе 45 должны отправлять на конѣ службу. —

Они сохранили всю національную гордость, и заставили себя уважать Турками, которые, не смотря на ихъ малое число, не смѣютъ дѣлать имъ обидъ, и обходятся съ ними совсѣмъ иначе, нежели съ Греками, Молдованами и Болгарами; въ деревнѣ ихъ, построенной на Русской ладъ, вы найдете старообрядскую церковь и колокола; — нигде въ Турціи неимѣетъ права имѣть колоколовъ, кромѣ Некрасовцевъ. — На вопросъ мой, когда и какъ получили на это позволеніе — они отвѣчали: „мы какъ пришли, да зазвонили — шакъ „и до сихъ поръ звонимъ.“ — Лѣтомъ они занимаютъ хлѣбопашествомъ, но зимою главное ихъ

занятіе — рыболовство; они надѣляютъ всю спрану рыбою; возящъ оную въ Адрианополь въ лодкахъ. — Безпечные Турки не въ состояніи сами заниматься рыбною ловлею. — Изъ Некрасовцевъ есть также много хорошихъ охотниковъ; они спрѣляютъ кабановъ, которые водятся въ большомъ множествѣ въ камышахъ, распущихъ по берегамъ Морицы; я видѣлъ однажды цѣлое стадо дикихъ свиней. Въ числѣ Некрасовцевъ много грамотныхъ; у нихъ есть дьякъ, который ведетъ родословную книгу, и строго наблюдаетъ, что бы никто не женился иначе, какъ на дѣвушкѣ, которая въ родствѣ съ женихомъ не болѣе 7-го колѣна, — что заставляешь ихъ часто для отыскиванія себѣ жены, предпринимать путешествіе даже въ Анатолю, гдѣ есть большая деревня, населенная Некрасовцами. —

Я не могу себѣ описать, какъ они любящъ все Русское; — молодые ребята часто отправаляются на Дунай, чтобъ услышать напѣвы родимой Руси, и Некрасовецъ, который успѣлъ выучить нѣсколько новыхъ пѣсней, возвратившись домой, скорѣе другихъ понравится и получить руку первой красавицы своего села.

М.

Въ послѣднемъ номерѣ М. В. выписки изъ Корелии обезображены опечатками: вмѣсто тѣхъ страницъ предложатся при слѣдующемъ номерѣ исправленные.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано :

Читай :

Стр. строк.

62 — 13 намъ
— 22 Книгъ ,
65 — 5 сожжешь ,
66 — 22 взвѣшенъ !
67 — 1 спаль
— 26 гробъ ,
— 27 мертвецъ ,
93 — 9 Fonzos
— 27 Hebras
95 — 26 Didimotychos

нами
Кивачъ
сожжешь
взвѣшенъ
спаль
гробъ
мертвецъ
Tunzus
Hebras
Didimotychos

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Марта 28 го дня 1830 года.

Ценсоръ Сергей Глинка.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ

1850 года.

№ VII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ, СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р о д и н а.

„Что пѣвецъ въ груди твоей?

И безмолвный и унылый

Ты сидишь въ кругу друзей,

Какъ пришлецъ изъ-за могилы;

Ты глядишь въ пустую даль,

Въ край шуманной полуночи,

И задумчивыя очи

Живо говоришь печаль.

Не обрядъ ли погребальной

Ты предвидишь въ цвѣтѣ дней?

И сей взоръ — есть взоръ прощальный.

Съ мѣстомъ родины твоей?“ —

О друзья! младя лѣтны

Не успѣлъ я разлюбить;

Не гошовъ за волны Лешы
 Въ царство шѣней переплышь. —
 Нынь, дружка, пивецъ печальной
 Вспомнилъ родину свою:
 Онъ глядишь на сѣверъ дальній,
 На полярную звезду! . . .

За Кавказскими горами,
 Тамъ, гдѣ пропасти на днѣ,
 Терекъ буйными волнами
 Воетъ въ шемной глубинѣ, —
 Чушь замѣшный межъ скалами
 Тамъ мелькаешь шрудный пушь;
 По спезъ его кремняшой,
 Полный радостию чистой
 Вновь пойдуль когда-нибудь? . . .

Есть на сѣверѣ далекомъ
 Безмятежная страна;
 Тамъ, въ безмолвіи глубокомъ,
 Спишь свяшая шарина.
 Прежде звукъ шрубы военной
 Въ томъ краю не умолкаль;
 Тамъ съ ордой иноплеменной
 Ханъ Ташарскій кочеваль;
 Тамъ полмертвая Россія
 Дѣшямъ грознаго Башыя
 Славу предковъ отдала,

И съ уныніемъ ждала,
 Пошрясая цѣпи ржавы,
 Не взойдешь ли прежней славы
 Догорѣвшая заря?

Но давно мои поля
 Не слышали грома брани! . . .
 Съ шумомъ вѣки прошекли,
 Нѣшь Моголовъ — скрылись Ханы;
 Ихъ надгробные курганы
 Муравою заросли.

Будто ленива голубая,
 И обширна и свѣшла,
 Тамъ шумитъ рѣка родная,
 И въ лазурь ея сшекла
 Пали длинными рядами
 Тѣни мшистыхъ береговъ;
 Тѣни сумрачныхъ дубровъ,
 И надъ свѣшлыми струями
 Пшицы, вольныя вездѣ,
 Съ крикомъ вьются въ высоты, —
 Пышны въ томъ уединеннѣ
 Всѣ картины ясныхъ дней,
 Но безмолвной ночи тѣни
 И роскошнѣй и милѣй,
 Той порой, когда въ заливѣ
 Такъ небрежно, такъ лѣниво
 Блещетъ мѣсяць молодой.

Все молчишь — едва порой,
 Надъ дорогою пустынной
 Туча пыли пролетишь,
 И горами пробѣжишь
 Съ эхомъ топотъ лошадиной.
 Эхо стихнешь — берега
 Вновь безлюдны, вновь безмолвны;
 Свѣтись мѣсяць, плещущъ воды,
 И едва издалека
 Слышны пѣсни рыбака.
 Все прелестно въ той пустынь!
 Все мнѣ мило и донинѣ —
 Свѣтлые, живые дни,
 Волги вихри, непогоды,
 И суровые народы,
 Ошпечашокъ старины —
 Незгладимо, глубоко
 Въ сердца вѣзались онѣ! . . .

Грустный, мрачный, одинокой,
 Тѣню по свѣшу бродя,
 О сирота моей отчизны!
 Долго на дорогѣ жизни
 Стану вспоминать шебѣ!

Волги радостныя волны,
 Скороль, полонъ прежнихъ думъ,
 Я приду на брегъ безмолвный
 Слушать вашъ знакомый шумъ?

И воскреснуть ли; какъ прежде,
 Въ горешной душѣ моей
 Обманувшія надежды
 Свѣтлыхъ юношескихъ дней?
 Или странникъ охладѣлый,
 Если вновь шуда придешь,
 Въ той странѣ осиротѣлой
 Лицъ знакомыхъ не найдешь; —
 Многихъ въ край чужбины дальней
 Волны жизни увлекли,
 Многихъ вихорь смерти ранней
 Сорвалъ и унесъ съ земли,
 И пѣвецъ бродя уныло
 Вдоль знакомыхъ береговъ;
 Будешь вспоминать, что было;
 И чего не будешь вновь, —
 Будешь ждаться съ тоской глубокой,
 Не порали и ему
 Факель жизни одинокой
 Бросишь въ Спиксову волну.

Z.

Отрывокъ изъ Ажедимитрія.

МОНАСТЫРЬ. КЕЛЪЯ.

МЕМОДІЙ (*читаетъ письмо; потомъ говоритъ*).

Такъ Богъ караетъ въ справедливомъ гнѣвѣ!
 Не трость земли, не градъ, губитель нивъ,
 Не быстрыхъ рѣкъ мгновенные разливы, —
 Орудія разгнѣваннаго Бога;

Но торжество безвѣрія и злобы, —
 Вошь знаменье Небеснаго суда!

Опечество! Могушая Россія!
 Ужежь себя въ конецъ оставилъ Богъ?
 Предасшь ли Онъ Свой домъ на поруганье
 И Милосердый, съ высренняго свода
 Не обратишь къ намъ свѣтлаго лица?

(*Феногенъ входитъ*).

Сынъ, подойди. Не радостныя вѣсти
 Намъ плещь Москва; забылъ ее Творецъ; —
 Такъ пишущь намъ; — безчѣинствуешь власшншель,
 Безмолвствуешь терзаемый народъ,
 Бояре рабствують, и храмы Бога
 Осквернены безумствомъ пришлецовъ.
 Престольный градъ приѣмлешь видъ Гоморы,
 И носится въ народъ слухъ, что Царь,
 Признавъ въ душѣ расколь и ересь Папы,
 Съ нимъ заключилъ позорный договоръ;
 Что хочешь онъ, булапомъ хитрыхъ Ляховъ
 Россіи новый начертать законъ,
 И, мощную, склонилъ подъ иго Рима.

Ф Е Н О Г Е Н Ъ.

Повѣришь ли разсказамъ черни буйной?
 Народъ всегдашній, тайный врагъ Царей,
 Онъ любитъ мстить ихъ власши клеветною.

М е т о д і й.

Повѣрь, гласъ Господа, — народа гласъ.
 Ты молодецъ, сынъ; плода трудовъ и бдѣній

Печальнаго ты не спяжалъ плода.
 Но я, сихъ спѣнь сороколтннй жншель,
 Я постѣлъ ошь доразсвѣшнхъ думъ;
 Меня укрыла ошь сшрасней обншель,
 И дѣль мнрснхъ спокойннй, строгнй зрншель,
 Я въ шншннѣ образоваль мой умъ.
 Въ часы, когда кругомъ дремала брашья,
 Я раскрываль мннвшнхъ лѣшъ скрнжаль.
 И предо мной изъ вѣковаго праха
 Прошекшн являлнся вѣка.
 Я проннкаль ума безстрастннмъ окомъ
 Въ причнны шайнны безсмертннхъ дѣль,
 Величья царствъ, ихъ славы, ихъ паденья;
 И — вѣрь мнѣ сынъ, — краеугольннй камень,
 На немъ же царствъ блаженство, и Царей
 Спокойшвіе, ешь вѣра. Горе! Горе!
 Когда народъ пошопчеть свой законъ,
 Но троекратное Моварху горе,
 Кошь презрншь онъ свяшую предковъ вѣру!

Ө Е Н О Г Е Н Ъ.

Такъ, горе имъ! Но можешь бышь молва,
 До насъ дошедшая, несправедлнва.

М Е О Д І Й.

Горе

Власнншелю, кошь могъ его народъ
 Преступнныя предполагать въ немъ мысли.
 Какъ древо не роднтся безъ зерна,
 Такъ нѣшь молвы безъ правды и причнны.

Ө Е Н О Г Е Н Ъ .

Но сонмъ бояръ, блюшитель древнихъ правъ,
Посредникъ сей межъ власи и народа,
Димитрію преповой станешъ.

М е о д і й .

Нѣтъ!

Когда Господь, безумемъ властелина
Казнишь народъ; тогда и сонмъ бояръ,
Презранный рабъ богопротивной власи,
Содѣйствуешь падеію страны.

Ө Е Н О Г Е Н Ъ .

Ужели всѣми обули страсти?
Пускай изъ нихъ возстанешъ мужъ одинъ;
Пусть усыпленные раскроешъ очи,
Пусть задремавшую разбудишь честь,
И встрепенутся бодрою душою.

М е о д і й .

Коль въ страшный часъ неумолимой казни
Господь на милость преклоняетъ гнѣвъ,
Не грѣшника рукъ вручаетъ Онъ
Спасенія таинственный сосудъ.
Не имъ, рабамъ житейскихъ заблужденій
Благовѣститъ Великаго дѣла!
Нѣтъ; — чистая, безгрѣшная рука
Небеснымъ громомъ управляешь досшойна!

Ө Е Н О Г Е Н Ъ .

Отшельнику въ его смиренной кельѣ
Оружіе всеобщихъ мольбы;
Инаго нѣтъ.

М е о д і й.

Мольбамъ доступенъ Богъ ;

Но пастыри врученнаго намъ стада
Его , ошь злобы вшоргшихся волковъ
Не охраняють смиренною молишвой !
Когда настаетъ грозный день ошвѣта ,
Не спросить ли Господь , за чѣмъ , безпечны ,
Овецъ его не сохранили мы ?

Ө е н о г е н ь .

Чшожь дѣлать намъ? Кинжалъ — свершишель
мести ,
Не изощренъ для рукъ монаха.

М е о д і й.

Кинжалъ? — Господь ошпринумъ шопъ народъ,
Который самъ , судья своекорыстный ,
Елеемъ умащенную главу
Зоветь на судъ. — Народъ , младенецъ слабый ;
Ему нужна опора и лоза ,
И мѣры нѣтъ его желаньямъ дѣпскимъ.
Его ничтожный умъ не постигаешь
Намѣреній обширныхъ , на вѣкахъ
Основанныхъ. — Живеть онъ для *сегодня* ,
А завтра въ мракѣ скрышо ошь него.
И горе , горе , если онъ дерзнетъ
Распоргнуть дѣль священную завѣсу !
Внезапнымъ , яркимъ свѣпомъ ослѣпленъ ,
Глаза неволью вновь закроеть онъ
И головой ударится о камень !

Кпожь Ангельскимъ облекся саномъ , пошь
 Власшителя блюдешь изъ нѣдръ пустыни ;
 И если онъ , власшитель , разорвешъ
 Густую ткань таинственной свящныи ,
 Тогда опшельникъ грозно възспаешъ ,
 Высоко знамя вѣры подымаешъ ,
 И мощный , грозный , силою Креста
 Свящую кровь Спасителя Христа
 Онъ нечестивой кровью выкупаешъ .

Ө Е Н О Г Е Н Ъ .

Но она разтворилъ ли врага небесъ
 Убийствомъ оскверненною рукою ?

М Е О Д І Й .

Богъ справедливый ей укажешъ путь
 Въ безбожіемъ исполненную грудь .
 Я дряхль и сѣдъ ; рука моя невозможешъ
 Поднятъ меча ; но возрази мнѣ силу
 Давно минувшихъ , юношескихъ лѣтъ ,
 И сокрушенный Голаевъ падешъ . —
 Я жь , слабый старецъ . —

Ө Е Н О Г Е Н Ъ .

Опче , юнь и свѣжь

Я , не причастень робости и страха .
 Душа моя не знаешъ свѣшскихъ узъ ;
 Числа , какъ чистъ младенецъ въ колыбели ,
 Сильна какъ мужъ ! — Моя опчизна — келья ;
 Иной не знаю ! — Слава , — въ небесахъ ;
 Награда сладкая , — пѣнecъ спрадальца !
 Благослови сляжашъ его .

М е т о д і й.

Мой сынъ,
Изъ устъ твоихъ вѣщаетъ Божій гласъ;
Но испытай себя; тяжель и шрудень
Твой будешь путь.

О в н о г е н ь.

Благослови овецъ!

М е т о д і й.

Господь Израиля на брань свяшую
Давида новаго благословиць,
Не я. — Иди; молишвою и бдѣньемъ
На славный подвигъ укрѣпи себя;
Потомъ, мой сынъ, въ моей смиренной кельѣ
Услышишь старца дряхлаго совѣтъ.
Самъ Богъ шебѣ изъ устъ моихъ вѣщаетъ. —
И да узнають поздніе вѣка,
Что не убійцы дерзкая рука,
Но Божій гнѣвъ ошступника караешь!

Александръ Шишковъ 2й.

Сила вдохновенія.

(Посвящено С. Д. Нечаеву)

Когда Поэтъ, любимецъ вдохновенья;
Въ жару души возвышенной, порой
Со звономъ струнь сливаешь голосъ свой,
Исполненный святаго пѣснопѣнья —
Земныхъ оковъ слагая тяжкій грузъ,
Онъ, мысляю могущій, величавый,

Слѣдишь вѣка давно минувшей славы,
 Нешлѣнные для памяти и Музы;
 Онъ зришь пошъ край, ни кѣмъ ненавѣстимый,
 Гдѣ шихъ ушрашъ оцѣпенѣлый сонъ,
 Гдѣ свѣшлый брегъ, споль нѣкогда любимый,
 Могильными холмама заселенъ, —
 И, полный весь прекрасныхъ впечатлѣній,
 Въ восшоргѣ думъ онъ рвешся и кипишь,
 И пламенемъ Поэзіи горишь
 Его младый неукропимый Геній.
 Такъ мрачная, лешучая волна,
 Когда лежишь надъ моремъ шипина,
 Безропотно волнуется у брега;
 И — вдругъ ревешъ, и мчѣтся, и кипишь,
 Когда во мглѣ бушуя налетишь
 Полночный вихрь осеняго набѣга. . . .

Таковъ Поэшь, власшитель гордыхъ думъ,
 Пѣвецъ боговъ, любви и вдохновенья,
 Когда живой восшоргъ самозабвенья
 Воспламенишь его мужалый умъ!
 Когда въ мечшахъ высокихъ пламенѣя
 Предъ нимъ вдали, какъ свѣшлый призракъ сна,
 Въ пустынной мглѣ задумчиво драхлѣя,
 Прояснишся свяшая старина!

Высокій даръ! . . Онъ силою могучей
 Боляна взоръ и струны разпаяля,
 Когда пѣвецъ предъ смертію лешучей
 Богашырей ошважныхъ восцѣвляль;

Внимая пѣснь его въ туманѣ ночи,
 Младый боець, взлелѣванный войной,
 На вражій станъ вперля соколы очи,
 Дыша огнемъ отваги боевой!
 Ужь дневный лучъ по небесамъ играешъ,
 Позолотивъ восточные края. —

А рать еще въ безмолвіи внимаешъ
 Военный гимнъ Бояна — соловья;
 Боянь умолкъ. Опважныя дружины
 Громяшъ враговъ въ пожарѣ бранныхъ сѣчь;
 Ошь шопома коней дрожатъ равнины,
 Въ крови скользишъ по звонкимъ лапамъ мечь!
 Погибнулъ врагъ. Надъ пепелищемъ стана,
 Блѣднѣя, день на небесахъ погасъ, —
 И льется вновь пѣснь вѣщаго Бояна,
 Какъ лебедя, въ часъ смерти, сладкій гласъ. . .

Но гдѣ же ты, пѣвецъ красгорѣчивый?
 Или съ кучею развалинъ тѣхъ въковъ
 Какъ метеоръ въ долину молчаливой,
 Какъ тѣнь исчезъ и игы, краса пѣцовъ?
 Замолкъ твой гласъ со звукомъ гуслей дивныхъ,
 Но въ пѣсняхъ Музъ онъ внятень, онъ знакомъ,
 Онъ слышався въ развалинахъ пустынныхъ,
 Въ мечтахъ души, и ночью надъ Днѣпромъ!
 Тамъ въ шшинѣ, когда дуброва дремлешъ
 Среди нѣмой, полночной темноты,
 Младой пѣвецъ ему уныло внемлешъ,
 Какъ звуку лиръ съ небесной высоты, —

И пламенный восторгъ его объемлешь,
И на душу слепящую мечты. . . .

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Такъ пѣлъ и ты, нашъ Геній величавый,
Взмелѣнный на Камскихъ берегахъ,
Незыблемый пошомокъ громкой славы,
Божественный Державинъ въ сѣдинахъ. . .
Увѣнчанный безсмертіемъ высокимъ,
При пѣсняхъ Музы кончая голосъ свой,
Какъ бури шумъ, съ волненіемъ глубокимъ
Ты оплетѣлъ изъ области земной;
Но пѣснь швол, какъ прелесть дѣвы Рая,
Цвѣтешь въ вѣкахъ нешлѣнной красою;
Ей юноша задумчиво внимая,
Исполненъ весь Поэзіи святой.
Онъ силился постичь въ пылу желанья,
Съ таинственной надеждою похвалъ,
Высокихъ думъ прекрасныя созданья,
И лучшихъ благъ счастливый идеаль!
Въ немъ бьется грудь; съ отвагой возникаешь
Въ душѣ порывъ неукротимыхъ силъ. —
Трепещешь онъ. . . и духомъ улетаешь
Къ сіянію божественныхъ свѣшилъ.

Ө. Алексѣевъ.

П Р О З А.

Отрывокъ изъ повѣсти Маріама,

основанной на истинномъ происшествіи.

(Американскій жидъ обращается въ Христіанскую вѣру завѣщаніемъ умирающей единственкой дочери, до- шоль тайно исповѣдовавшей Христа).

Маріама поблѣднѣла, и съ торже- ственнымъ видомъ опвѣчала: и одна- кожъ любезный родитель мой, такая любовь есть идолопоклонство и мило- сердому Небу должно разорвать узы ея; иначе льстивый свѣтъ ея довелъ бы тебя до вѣчнаго мрака. “Послѣ сихъ словъ, приподнявшись на ложъ своею и взглянувъ на отца съ выраженіемъ, которое никогда имъ не было забыто, она сказала: „любишьли ты меня? не для себя только, но и безъ отношенія къ самому себѣ? можешь ли любовь твою принять отъ меня одну торже- ственную просьбу и свято исполнишь ее? можешь ли любовь сія простишь оскорбленіе, нанесенное дражайшему чув- ству души твоей? можешь ли ты при- небречь все, кромъ просьбы сей, и пой, которая умоляетъ тебя?“

Исаакъ былъ приведенъ въ смущеніе; ибо хотя голосъ Маріамы былъ твердъ и видъ ея ясенъ, какъ лунное сіяніе на безоблачномъ небѣ, но ему казалось, что умъ ея блуждалъ въ болѣзненномъ отсутствіи. Въ сію мину-ту онъ вспомнилъ о несчастномъ союзѣ, котораго онъ былъ виною и велѣвъ Коръ выйти изъ комнаты, ошвѣт-свовалъ: возлюбленная моя Маріама, любовь моя къ тебѣ сильнѣе всякихъ искушеній и можешь предпринять все и гораздо болѣе, нежели ты думаешь; — объяви мнѣ желаніе свое — я обещаю исполнить его, въ чемъ бы оно ни со-стояло. Все что успокоишь тебя, сдѣ-лаешь и меня счастливымъ. Успокойся, дочь моя! мы будемъ говорить о зем-ныхъ предпріятіяхъ и земной надеждѣ, когда здоровье возвратишь тебя къ обыкновеннымъ занятіямъ твоимъ.

„Я спокойна, родителъ мой, прер-вала Маріама, какъ спокойны тѣ, ко-торые, стоя на краю вѣчности, ду-мають только о вѣчномъ. Благодарю тебя отъ всей души моей за обѣщаніе твое, обѣщаніе для испрошенія копо-раго только и молила я о жизни и вре-мени.“ шупъ вынувъ изъ подъизголовья маленькое Евангеліе и подавая его Иса-аку и сжимая руку его въ своихъ, она воскликнула: „прими сію священную

книгу, любезный родитель, и пусть
будешь она для тебя наставленіемъ,
совѣщаніемъ, утѣшеніемъ! Милосердаго
Бога молю, да содѣлается камень прет-
кновения Израиля твоимъ спасеніемъ,
да научилъ тебя Свяшій Духъ въ-
ришь, чтишь и повиновашься! . . . Лю-
безной, доброй, безцѣнной опецъ мой!
помни, что мы общались умирающей
дочери твоей. Изъ любви къ ней не
произноси болѣе хуленій на Іисуса На-
зарянина! Онъ обѣщанный Мессія! —
Онъ Искупитель человѣковъ!»

Упомянутая волненіемъ чувства и
силою, съ которою она произнесла сло-
ва сіи, Маріама упала на ложе свое.
Холодная рука смерти была на ней; а
природа, казалось, еще спорила съ по-
слѣднимъ непреодолимымъ своимъ по-
бѣдителемъ. Исаакъ, который стоялъ
на колѣнахъ подле Маріамы и держалъ
въ рукѣ своей завѣщанный даръ ея, былъ
столь же неподвиженъ, сколько и она.
Невыразимо - болѣзненный взоръ его
успрямился на умирающую; дикой спонь
вырвался изъ его груди.

Только сей спонь могъ возвратитъ
минушно Маріаму къ жизни. Она еще
разъ открыла глаза свои, протянула
холодную руку и обняла ея своего
опца, какъ будто бы для того, чтобъ
сказать ему: послѣдняя земная любовь

моя принадлежишь тебѣ. Потомъ тихо сложила руки крестомъ на груди своей, и взглянувъ на небо съ видомъ, озареннымъ крошкимъ благочесніемъ и съ улыбкою надежды, она произнесла: опецъ, обратишь опъ меня ко Христу: Исусъ, сынъ Давидовъ пріиди скорѣе! Съ сими словами окриленный духъ ея ошлетѣлъ къ Богу.

Исаакъ, пораженный, неподвижный, смотрѣлъ въ безмолвномъ опчаяніи на помертвѣлые уста Маріамы, какъ будто еще ожидая краснорѣчія ихъ. Ужасная тишина, царшвовавшая вокругъ его, не прерываемая ни единымъ вздохомъ, ни единымъ шпенаніемъ привела его въ чувство; но это чувство было, какъ ужасный сонъ или какъ видѣніе безумнаго, для котораго воображеніе осуществляетъ призраки. Еще смотрѣлъ онъ на Маріаму, еще держалъ въ рукахъ своихъ книгу, съ копорою въ мысляхъ его соединялись послѣднія слова его дочери.

Но что такое были слова сіи? — исповѣданіе опсшупницы! . . . . Маріама опсшупница!!! . . . но сія небесная улыбка, съ копорою она встрѣшила смерть, могла ли бытъ улыбкою опсшупницы? могла ли она споль спокойно идти на судъ къ своему Богу? Нѣтъ! нѣтъ, нушь лучше Христіанство будешь

Истинною, пусть падеть Израиль предъ побѣдою Христа! но да не будетъ проклятія надъ послѣднею дочерью Давидовой крови! Такія мысли мучили Исаака; холодный потъ капалъ съ лица его; со слонами глубочайшей горести звалъ онъ свящую дочь свою; но увы! то была истина! Ничто уже не могло измѣнить милой улыбки шой, кошерая прежде сего всегда отвѣчала на призывы его.

извлечено изъ Англійскаго журнала.

*** а.

.....

Л и с т о к ъ

изъ дорожныхъ записокъ Р. О. на возвратномъ пути изъ Парижа въ отечество. —

Г. Мосбахъ.

Герцогство Баденское гористо, но очень воздѣлано, очень плодоносно. На холмахъ дома, въ нихъ шрудолобіе — ручныя издѣлія; по ребрамъ живописныхъ горъ свѣшиваются, какъ разпещренные ковры, нивы, виноградники и сады; во глубинѣ овраговъ ручьи подчинены механикѣ. Герцогство непространно, и болѣе длинно, нежели ши-

роко. Мы видѣли рѣку *Некеръ*, бѣгущую къ Рейну: она впадаетъ въ него у Мангейма.

Не далеко отъ Мосбаха есть древній замокъ Графа Г. на горѣ *Zwingenberg*. Этотъ замокъ считали вмѣстѣлицемъ разныхъ тайноостей, составлявшихъ завѣтное храненіе древнѣйшихъ рыцарскихъ повареществъ и брашскихъ обществъ.

Было время, когда природа въ Европѣ была еще дика, лѣса пространны, дороги трудны, города рѣдки. Развитие физической силы преобладало дѣятельности — воевали! Понятіе о славы было косвенно. Всякій наездъ для разоренія сосѣдственнаго замка считался воинскимъ подвигомъ; всякій частный бой приносилъ славу. Такъ шло до *изобрѣтенія пороха*, и даже послѣ онаго. — Это время можно назвать царствомъ *тѣлесной силы*. Соединенная съ ловкостью въ управленіи конемъ и копьемъ, она составляла все достоинство благороднѣйшаго изъ сословій — рыцарства. Разумѣется, что науки, я не говорю уже о художествахъ, были тогда еще только въ зародышахъ неразвернутыхъ.

Въ оградахъ уединенныхъ обителей монастырскихъ таился слабый свѣтъ ученія. Знаменнѣйшіе Бароны и даже высшія сословія не умѣли подписывать

своего имени, любили пестроту въ домахъ, лсовыя охоты и рыцарскія спранспивованія. И между тѣмъ, какъ *сила и твердость* сославляли характеръ *Сѣвера*, разслабленіе и мягкость свойственныя уже перезрѣвшимъ плодамъ; были удѣломъ Воспока. Давно, и вѣроятно постепенно осѣдая, разрушилось сданіе гражданственности и высокаго просвѣщенія въ Индіи. Стихошворныя поэмы, ея *Вѣды* — книги наукъ и законовъ и самое символическое Богословіе свидѣшельствуютъ о томъ, чѣмъ она была нѣкогда. *Египетъ*, славившійся дивною мудросшію, также угасъ, невѣривъ Испоріи всѣхъ подробностей своего прехожденія и упадка. Последнее хранилище ума, открытій и таинствъ, облеченныхъ буквою, *Александрійская Библіотена* сожжена или разрушена, если достоверно о семь преданіе. Наконецъ и спѣны великаго града Константинова пали. — Тогда науки, Философія, свѣтская и духовная, и познанія свойствъ и таинствъ природы хранились, какъ отдѣльныя части разшистыхъ томовъ великаго сочиненія между *мудрыми*: такъ называли людей, предпочитавшихъ всему уединенное извѣдываніе силъ и двѣспвій натуры въ изученіи Медицины, въ наблюденіи печенія звѣздъ и въ опытка-

ни и тѣхъ началъ, изъ коихъ должно составляться общественное благоденствіе челоуѣка и челоуѣчества. Воспокохвалился таковыми мужами. Между цѣмъ, еще въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ нѣдрахъ града Давидова явился залогъ, привлекавшій вниманіе Христіанскаго міра. Къ гробу Христову спѣшили Короли и Герцоги, на челѣ своихъ ополченій; ѣхали воинственные рыцари, поодиначкѣ и дружинами, и ягнулись толпы пилигримовъ.

Это время великодушныхъ пожертвованій, трудовъ, перенесенныхъ съ перпвнѣемъ и блисшашельныхъ выходовъ рыцарскихъ. Но вошли Востокъ, возвращаясь изъ дальнихъ, многолѣтнихъ походовъ въ дома свои, привозили съ собою, подъ закрытіемъ тайны, познанія, начала наукъ и понятія, которыя Европа принимала безъ разбора съ любоохопностію юноши. Тутъ произошло спранные сполценіе, такъ сказать, обломковъ наукъ, разностороннихъ понятій, явившихъ полуобъясненныхъ и гѣроглифовъ, почти неразгаданныхъ. Тайны Жрецовъ Египетскихъ, преданія Маговъ Персидскихъ, нѣкопорыя идеи Сабейзма, и ошъ нихъ вѣрваніе во вліяніе звѣздъ, понятія Брамимовъ, осшатки давняго ученія *Друидовъ*, кошорые, еще во времена язы-

чества, имѣли священное уваженіе къ *тройственному* числу, и, по словамъ *Страбона*, *Діодора* и другихъ, вѣрили, что земля *возродится посредствомъ воды и огня*; наконецъ ученіе *Аристотеля*, умозрительные шолки *Платониковъ* и созерцательность мыслишелей, упражнявшихся въ таинствахъ *Θεургіи*, все сіе въ часяхъ, отрывкахъ и полупонятіяхъ, изъ разныхъ странъ свѣта, мало помалу передадось Европѣ.

Такимъ образомъ, при зашпахующемъ шумѣ военномъ, люди стали склоняться къ занятіямъ болѣе уединеннымъ. Званіе *ученаго* начало уже пріобрѣтать уваженіе. Около сего времени, какъ говоритъ преданіе, появились опышквашели *великой тайны возобновленія вещей*. Паденіе челошвка слишкомъ ощушительнo. Всѣ народы, всѣ религіи соглашались въ шомъ, что родъ челошвешкій низродился или ннзпалъ съ нѣкою нравешвенною вышшюю. Вся природа, какъ говоритъ и само Писаніе, совоздыхаетъ съ челошвкомъ и жаждетъ возрожденія. Къ сему - шо важному переходу, изъ уничиженія къ первобышнему достоинству, искали *великаго ключа* мудрые и *Философы Герметическіе*. Они домогались водворить низпадшаго въ средошочіе силъ и поз-

наній и ввесли опять челоуѣка въ верховный санъ Царя напуры. Ихъ дѣло называлось *великою работою*. — Испытуя напуру, и приводя различныя вещества въ состояніе солей, они отыскивали тайну такъ называемаго *философическаго камня*, облагораживающаго металлы, омывающаго проказу прирожденнаго грѣха. Другіе, заимствуя свои начала изъ духовной и умственной природы челоуѣка, усиливались ввести его въ ту *великую гармонию*, изъ коей онъ выспунилъ и спалъ бѣдень и несчастливъ, осуепясь заботами, недоспойными его высокаго назначенія. — Обрабатывая разсѣянные камни сердца челоуѣковъ, — они имѣли цѣлю спроеііе *великаго храма* — (спроеііе нравственной порядка вещей) —, въ коемъ (какъ въ созданіи мудрости, силы и красоты) *истина* могла бы сіяшь свѣтомъ чистѣйшимъ, имѣшь алтарь поспояннѣйшій.

Таковы основанія нѣкопрыхъ рыцарскихъ товариществъ и преимущественно *рыцарей Храма Розоваго креста и Кавалеровъ Шотландскихъ*. — Всѣ ихъ гаданія изображались въ символахъ. И самая *Геральдика* — наука древнихъ Герольдовъ — (составленіе гербовъ по извѣстнымъ правиламъ) имѣла основаніемъ нѣкую таинственность,

утрашившую для насъ всю важность
съ печеніемъ времени. —

Въ замкѣ Г* любопытныя посѣщи-
тели находятъ еще на древнихъ стѣнахъ
начертанія Іероглифическія, возбуж-
дающія рядъ мыслей, которыя изобра-
жены здѣсь только слегка и мимохо-
домъ.

Федоръ Глинка.

И А У К И.

Историческіе матеріалы.

О кончинѣ Царевича Димитрія.

(Издатель осмѣлился исключить вступленіе, содержащее въ себѣ слишкомъ лестный отзывъ о его статьѣ (1), къ коей сія служитъ дополненіемъ).

Въ Х помѣ Истории Государства Россійскаго на 138 страницѣ напечатано: „собрать Духовенство“ (Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный съ Окольничимъ Клещенинымъ и Дьякомъ Вылузгинымъ, отъ Царя Феодора Ивановича, изслѣдовашь о кончинѣ Царевича Димитрія, въ Угличѣ) „и гражданъ, оны спросилъ у нихъ: *какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія, Нагихъ, закололъ самъ себя?* Единомышленно, единогласно — Иноки, Священники, мужи и жены, старцы и юноши — ошвъштвовали: *Царевичъ убиенъ своими рабами, Михайломъ*

---

(1) См. Московскаго Вѣстника 1829 года, части III спашью объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія.

„*Витяговскимъ съ клеветами, по волю*
 „*Бориса Годунова.*“ Въ 239 примѣчаніи,
 къ симъ словамъ покойный Г. Исторіо-
 графъ ссылается на Никоновскую и Рѣ-
 стовскую лѣтописи. Последней мы не
 имѣемъ; а въ первой — части VIII на
 страницѣ 19 — дѣйствительно вопъ
 чло: „Князь же Василей начашъ ро-
 „спрашивати града Углича всѣхъ людей,
 „како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ“
 (Царевичъ Димитрій); „они же вопяху
 „все единогласно, иноки, священницы,
 „мужие и жены старыя и юнше, чло
 „убиень бысть опъ рабъ своихъ, опъ
 „Михаила Битяговского по повелѣнію
 „Бориса Годунова съ его совѣшники;“
 но въ сей же самой лѣтописи выше, на
 страницахъ 17 и 18, объясняется убіе-
 ніе Царевича Димитрія такимъ обра-
 зомъ: „поиже злодеи Данилко Волоховъ
 „прияшъ его праведного за руку и рдчъ
 „ему, сие у себя Государя новое оже-
 „рельцо. Онже ему отвѣща и глаголя
 „шихимъ гласомъ, и подя ему выю
 „свою и рече ему, сие естъ старое оже-
 „релье; онѣже окаянии свою аки змя
 „ужами жаломъ, колну ножемъ правед-
 „ного по шее и не-захвати ему горша-
 „ни. Сия же кормилица“ (Ирина Тучкова,
 а не *Жданова*, какъ напечатано въ
 Исторіи Государства Россійскаго, на
 страницѣ 132 уномянушаго шона)

„видя пагубу государя его, паде на немъ
 „и нача кричати, шопъ же окаянный
 „Данилко поверже ножъ свои побеже.
 „Союзникижъ ево Данилко Бишиговской
 „да Микишко Качаловъ начаша еѣ биши
 „едва живу осшавиша, праведногоже у
 „ней опниша, и заклаша аки агньца
 „не скверна, юнца осмольшна (2).“ Въ
 семь повѣспованіи двѣ лжи: 1.) Воло-
 ховъ назывался Осипомъ, а не Дани-
 ломъ (3); 2) сама кормилица Тучкова,

(2) Въ лѣтописи о многихъ мяшежахъ на стра-
 ницѣ 23 описано сіе обстоятельство исправ-
 нѣе, а именно: „шойже злодѣй Данилко“ (не
 Осипъ) „Волоховъ пріять ево праведнаго за
 руку, и рече ему: сіе у тебя Государя новое
 ожерельце. Онъ же ему отвѣща, и подя ему
 шею свою и рече ему: сіе естъ старое ожерелье.
 Онъ же окаянный аки змѣя ужали жалою кольну
 ножемъ праведнаго по шеѣ и не захвати ему
 горшани. Сія же кормилица, видя пагубу Госу-
 даря, паде на немъ и нача кричати. Той же
 окаянный Данилко Бишиговской, да Никитка
 Качаловъ начаша еѣ биши и едва живу осшави-
 ша, праведнаго же у ней опнише и заколоша
 аки агнца нескверна, юнца осмольшна.“

(3) Въ слѣдственномъ дѣлѣ о убіеніи Царевича
 Димитрія Іоанновича, произведенномъ въ Угли-
 чѣ, по повелѣнію Государя Царя Феодора Іоан-
 новича, Бояриномъ Княземъ Василиемъ Инови-
 чемъ Шуйскимъ, Окольничимъ Андреемъ Петро-
 вичемъ Клешнинимъ и Дьякомъ Елизаріемъ Вы-
 лузгинимъ — напечатанномъ въ собраніи Го-
 сударственныхъ грамотъ и договоровъ II. 103:
 „и для онъ чевѣ“ (слѣдователи спрашивали Ми-

въ своемъ допросѣ, опшюдь не показала, что бы ее били (4); и одна испи-на, что при умерщвленіи Царевича не было совсѣмъ Михайла Бишняговскаго; послѣднею ясно доказываеиъся ложь перваго изъ приведенныхъ нами лѣтно-писныхъ извѣстій. Можно ли же, имѣя предъ собою слѣдственное дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія — гдѣ допросы подписаны руками допрашиваемыхъ, (5) — ссылаиъся на упомянутыя лживыя сказанія людей неизвѣстныхъ, краснослововъ, которые одобривають еще слова свои упоиъребленіемъ Свя-

---

хайла Нагова) „велѣлъ убиши Михаила Бишняговскаго и Михайлова сына Данила и Микиту Качалова и Данила Трешьякова и Осипа Волохова и Посадцкихъ людей, и Михайловыхъ людей Бишняговскаго и Осиповыхъ Волохова.“

(4) Въ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 108: „и Жданова жена“ (мужъ ея назывался Жданомъ) „Тучкова, Царевичева кормилица, Орина сказала, что ходила Царевичъ Дмитреи въ субошу по двору, игралъ зжильцы ножикомъ и она штого не уберегла, какъ пришла на Царевича болѣзнь черная; а у него втѣ поры былъ ножъ в рукахъ и онъ ножемъ покололся и она Царевича взяла к себѣ на руки и у неѣ Царевича на рукахъ и не стало.“ Вошь все показаніе Тучковой.

(5) См. слѣдственное дѣло, показанное выше въ N. 3.

ценнаго писанія еще (6)? „Испина
 „пѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ украшен-
 „нѣе, и пѣмъ милѣе, чѣмъ простѣе;
 „на правду мало словъ, гласишь ста-
 „рая пословица,“ писалъ къ намъ не-
 давно одинъ изъ почтеннѣйшихъ блю-
 стителей дѣиспытанія.

Въ томъ же X томѣ Исторіи Госу-
 дарства Россійскаго на страницахъ 139
 и 140 напечатано: „сію нелѣпость“ (что
 Царевичъ Димитрій, начавъ играть съ
 жильцами на дворѣ ножемъ въ пычку,
 получилъ припадокъ черной болѣзни, —
 копорюю онъ одержимъ былъ прежде, —
 и проткнулъ себѣ горло ножемъ) „у-
 „твердили своею подписью Воскресен-
 „скій Архимандритъ Θεодоритъ, два
 „Игумена и Духовникъ Нагихъ.“ Здѣсь

---

(6) Напримѣръ въ Никоновской лѣтописи VIII.
 16. 17: „и виде дьяволъ въ единого ошь вихъ“
 (братій и друзей Клешиина) „предстоящимъ“
 (въ лѣтописи о многихъ мятежахъ стр. 22:
 „предстоящихъ“) „рекомыи Михаило Битягов-
 ского, и якоже воиде сатана во Юду Скаріот-
 ского иде ко Юдеомъ глаголя, что ми хочешѣ
 даши и я вамъ предамъ Исуса, они же поста-
 виша ему придесятъ сребряникъ, онже искаша
 времени хотя предаши Исуса, тако и сии ока-
 янный Михайлъ“. . . „Сияжъ okayнная мамка
 „Волохова речъ праведному“ (Царевичу Димит-
 рію) „леснию, аки змя прельспивъ Еву. . .“
 Тоже самое и въ лѣтописи о многихъ мяте-
 жехъ на стр. 22. 23.

оказывается уже вѣчно особенное со стороны покойнаго Г. Исторіографа: для чего умолчалъ онъ о подписи роднаго дяди Царевича, Григорія Феодоровича Нагаго, брата вдовствующей Царицы Маріи? Вошь что о семь въ слѣдственномъ дѣлѣ: „и Григорей Феодоровъ сынъ „Нагово въ розпросе сказалъ: что дѣялось шѣмъ обычаемъ, Маія въ 15 день, „въ субботу, повѣхали они, Михайло „братъ ево, да онъ Григорей, к себѣ „на подворье, обѣдашь; и полко они „пришли на подворье, ажно зазвонили „въ колокола, и они чаели, что заго- „рѣлося; и прибежали на дворъ, ажно „Царевичъ Дмитрей лежишь, набрушил- „ся самъ ножемъ въ падучей болѣзни, „что и прежь того болѣзнь была, а „какъ они пришли, а Царевичъ ещо живъ „былъ и при нихъ преставился. А Ми- „хайло Бишняговской былъ у себя на по- „дворье и прискакалъ къ Царице на „дворъ, и на дворъ прибежали многие „люди посадцкіе и посошные и почали „говорить, не вѣдомо хто, что буд- „то зарѣзали Царевича Дмитрея, Миха- „йловъ сынъ Бишняговского Данило, да „Осипъ Волоховъ, да Микиша Качаловъ; „а Михайло Бишняговской учалъ разгова- „ривать, и Посадцкіе люди кинулися за „Михайломъ Бишняговскимъ, и Михайло „убѣжалъ въ брусеную избу на дворъ,

„и посадцкіе люди выломали двери и
 „Михайла выволокли, и шупь ево уби-
 „ли до смерти, а Данила Трешьякова
 „шупь же съ Михайломъ убили вмѣстѣ;
 „а сына Михайлова Данила Бишняговского
 „и Микишу Качалова убили въ Дьячье
 „въ Розрядной избѣ; а Осипа Волохова
 „привели к Царице вверхъ к церкви
 „к Спасу, и шупь ево передъ Цари-
 „цею убили до смерти; а людей Ми-
 „хайловыхъ Бишняговского чешырехъ
 „человѣкъ и Осиповыхъ Волохова дву
 „человѣкъ, и посадскихъ людей трехъ
 „человѣкъ, гдѣ ково изымали убили
 „чернью не вѣдомо гдѣ; и шово онъ не
 „вѣдаетъ про што шѣхъ людей побили.
 „А людей они посадцкихъ збирали для
 „Князя Василья Ивановича Шуйского да
 „для Ондрѣя Пешровича Клешнина, да
 „Елизарья Вылузгина; а блюлись отъ
 „Государя опалы, чшобъ што Царевн-
 „чева шѣла не украмъ; а въ колоколь
 „де-и звонилъ учалъ понамарь Огур-
 „цомъ зовушъ. А вчерась де во втор-
 „никъ, Маія въ 19 день“ (ошибка; дол-
 „жно бы сказашъ: *въ 18*) „брашъ ево
 „Михайло Нагой велѣлъ городовому при-
 „казцику Русину Ракову збирати ножи,
 „и велѣлъ курячью кровь кровавиши, да
 „велѣлъ палицу желѣзную добышъ; и
 „шѣ ножи и палицу велѣлъ брашъ ево
 „Михайло Нагой покласи на шѣ люди,

„которые побиты, на Осипа Волохова,
 „да на Дани... на Михайлова сына Биля-
 „говского, да на Микишу на Качалова,
 „да на Данила на Третьякова, для того,
 „что де будущее шѣ люди Царевича
 „Дмитрея зарѣзали.“ Къ подлинному до-
 „просу руки приложены такъ: „къмъ
 „рвчем Григорей руку ложил; а вшѣ
 „поры былъ у спросу воскресенской
 „Архимарилъ Теодорилъ и къмъ рвчем и
 „руку приложил; къмъ рвчем ошведу-
 „ховной Григорья Нагово Цареконстан-
 „тиновской попъ Богданъ руку прило-
 „жил“ (7).

Сіе показаніе Нагаго, допросы Царе-
 вичевыхъ кормилицы Ирины Тучковой
 и постельницы Марьи Колобовой (8),
 не подозрѣваемыхъ ни въ какихъ свя-
 зяхъ съ Борисомъ Теодоровичемъ Году-
 новымъ и бывшихъ самовидицами кон-
 чины Димитрія — также объявленіе
 мальчиковъ жильцовъ, игравшихъ тог-
 да съ Димитріемъ, изъ коихъ одинъ былъ

(7) Изъ свидѣств. дѣл. (выше № 3) стр. 104. 105.

(8) См. выше № 4. Въ свидѣств. дѣл. (выше № 3) стр. 108: „а постельница Самоилова жена Марья“ (Колобова см. ниже № 9) „сказала: Царевичъ Дмитрей ходилъ в субботу по двору и шѣшилъ зжильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черной недугъ, и его бросило о землю; а у него былъ ножикъ в рукахъ, и онъ шѣмъ ножикомъ самъ поколоса.“

сынъ Тучковой, а другій Колобовой, означенныхъ выше (9), даюшь неоспоримую силу испитымъ нижеслѣдующимъ словамъ мамки Царевичевой Василисы Волоховой и Угличскаго городского прикащика Русина Ракова, а именно:

„И вдова Василиса Волохова в розпросе сказала, что разболѣлся Царевичъ Дмипрей в среду нынѣшняго 99“ (17099^г 1601) „году, Маія въ 12 день, падучею болѣзнью і в пятницу де-и ему маленько спало полегче, и Царица де-и его Марья взяла с собою к обѣдне, и ои обѣдни пришлопчи, велѣла ему на дворъ погулять; а на завтрее, в субботу пришлопчи ои обѣдни, Царица велѣла Царевичю на дворъ ипшипчь гулять; а с Царевичемъ были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькие робяшка жилцы, да постелница Марья Самоилова, а игралъ Царевичъ ножикомъ, и шущъ на Царевича пришла опянь шажъ черная болѣзнь, и

---

(9) Въ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 107. 108: „а жилцы Царевичевы, которые играли съ Царевичемъ Петрушка Самоиловъ сынъ Колобова, Бажъко Неждановъ сынъ Тучковъ, Івашко Ивановъ сынъ Красенского, Гришка Ондаревъ сынъ Козловского, сказали: игралъ де Царевичъ в шычку ножикомъ с ними на заднемъ дворѣ и пришла на него болѣзнь падучей недугъ и набросился на ножъ.“

„бросило его о землю, и пушъ Царе-
 „вичь самъ себя ножомъ покололъ в гор-
 „ло, и било его долго, да пушо его и
 „не спало. А и прежь того, сего году
 „в великое говѣнье, шажъ надъ нимъ
 „болѣзнь была падучей недугъ, и онъ
 „покололъ сваею“ (свайкою) „и машерь
 „свою Царицу Марью; а в другорядъ на
 „него была шажъ болѣзнь передъ Вели-
 „кимъ днемъ“ (Пасхою) „и Царевичъ
 „объялъ руки Ондрѣевъ дочкѣ Нагово,
 „одва у него Ондрѣеву дочъ Нагово он-
 „нели; и какъ Царевичъ в болѣзни в
 „чорной поколодся ножомъ, и Царица
 „Марья збежала на дворъ и почала еѣ
 „Василису Царица Марья биши сама по-
 „льномъ, и голову еи пробилла во мно-
 „гихъ мѣспехъ, и почала еи Василисе
 „приговаривашъ, чшо будиосе сынъ еѣ
 „Василисинъ Осипъ с Михайловымъ сы-
 „номъ Бишяговского, да Микиша Кача-
 „ловъ Царевича Дмитрея зарѣзали“ (10);
 „и она Василиса почала еи бишь челомъ,
 „чшобъ велѣла Царица дани сыскъ пра-
 „ведной, а сынъ еѣ и на дворѣ не бы-

(10) Михайль Нагой одинъ только въ довростъ
 показаль: „а Царевича зарѣз. . .“ (прочіе бук-
 вы стерлись) „Осипъ Волоховъ, да Микиша Кача-
 ловъ, да Данило Бишяговской;“ но ни гдѣ не
 упомянуль объ имени Бориса Годунова и о по-
 дозрѣніи на него, см. слѣдствен. дѣл. (выше
 N. 3) стр. 103.

„валъ; и Царица де велѣла еѣ шѣмъ жѣ
 „польномъ бити по бокомъ Григорью
 „Нагово, и шущъ еѣ полко чюшъ живу
 „покинули замершва, и почали звонили
 „у Спаса въ колокола, и многие люди
 „посадцкіе і вѣякіе люди прибежали на
 „дворъ; и Царица де Марья велѣла еѣ
 „Василису взяти посадцкимъ людемъ,
 „и мужики де еѣ взяли и еѣ ободрали
 „и просповолосу еѣ держали передъ
 „Царицею; и прибѣжала де на дворъ Ми-
 „хаило Биляговской, и почалъ былъ
 „разговаривать Посадцкимъ людемъ и
 „Михаилу Нагому, и Царица де Марья и
 „Михаило Нагой велѣли убити Михаила
 „Биляговского и Михайлова сына, и Ми-
 „кишу Качалова, и Данила Трѣпьякова;
 „а говорила де Царица миру, шо де ду-
 „шегубцы Царевичю. А сынъ еѣ“ (Воло-
 ховой) „Осипъ вѣшъ поры былъ у себя;
 „и какъ почалъ шумъ бышъ великой,
 „и сынъ еѣ Осипъ прибежалъ к Михаилу
 „лове женѣ Биляговского, и шущъ его
 „и поймали посадцкіе люди и привели
 „его ещо жива передъ Царицу, и Михаилу
 „лову жену Биляговского з дочерми пе-
 „редъ Царицужъ привели; и Царица де
 „миру молыла, шо де-и убойца Царевичю
 „сынъ еѣ Осипъ Волоховъ, и сына еѣ
 „Осипа шущъ до смерши и убили; а
 „убивъ и прохоткали, что надъ зайцемъ.
 „А человекъ сына его, Васкою звали,

„и онъ кинулся и палъ на сынѣ еѣ на
 „Осипе, чѣлобъ его не убили до смерти,
 „и челоуѣка его Васку шупожъ надъ сы-
 „номъ еѣ убили; а другоу челоуѣка Ва-
 „силисина убили, чѣло увидель Василису,
 „чѣло она простоволоса синоишѣ, и онъ
 „на неѣ положиль свою шапку, и по-
 „садцкіе люди за шо его убили до смер-
 „пижѣ. Да была жоночка уродливая у
 „Михайла у Бишяговского, и хаживала
 „опѣ Михайла к Ондрѣю“ (Александрови-
 „чичу) „к Натому, и сказали про неѣ
 „Царице Марѣе, и Царица еи велѣла при-
 „ходишѣ для пошѣхи, и ша жоночка при-
 „ходила к Царице; и какъ Царевичю смерть
 „стала, и Царица и шу жоночку, после,
 „шого два дни спустиа, велѣла добышѣ
 „и велѣла ее убишижѣ, чѣло будѣшѣ ша
 „жоночка Царевича порѣшила“ (11).

Просьба вышеозначеннаго Ракова (12):
 „Великому господину пресвешейшему

(11) Изъ слѣд. дѣл. (выше N. 3) стр. 106. 107.
 И такъ били не Тучкову, кормилицу Царевича,
 а мамку его Волохову, и не Даниль Бишягов-
 скій съ Качаловымъ, а Царица Марія съ бра-
 томъ своимъ Григоріемъ Натимъ; какъ же пола-
 гашѣся на краснослововъ - лѣтописцевъ, кошо-
 рые слушались и въ именахъ и въ событіяхъ.
 См. выше.

(12) Слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 121:
 а ему“ (Геласію) „шое челоуѣчю даль на
 Углече городской приказчикъ Русинъ Раковъ,
 и такъ шамъ была еще и духовная особа. До-

„Минпрополипу Галасею Сарскому и Па-
 „донскому и Крупицкому биешь челомъ
 „и плачеца Углицкой городовои прика-
 „щикъ Русинець Раковъ. Вынешнемъ
 „Государь въ 99 году Маія въ 15 день,
 „въ субботу, на шестомъ часу дни“
 (въ десятомъ по полуночи) „шешился,
 „Государь, Царевичъ у себя на дворе а
 „жилцы своими сробляшки, шыхаль, Го-
 „сударь, ножемъ, и вшепоры на него
 „пришла падучая немочь, и зашибло,
 „Государь, его о землю и учало ево би-
 „ши, да какъ де ево било, вшепоры
 „онъ покололся ножемъ самъ и опъ во“
 (опъ того) „Государь и умеръ. И учюль,
 „Государь, язь въ горѣде звонъ, и язь,
 „Государь, прибежалъ на звонъ, ажно
 „въ городѣ многіе люди и на дворе на
 „Царевичъ; а Михаило Бишяговской, да
 „сынъ ево Данило, да Микиша Качаловъ,
 „да Осипъ Волоховъ, да Данило Третья-
 „ковъ, да ихъ люди лежанъ побиты;
 „и я, Государь, прибѣжалъ къ Спасу, и
 „меня, Государь, Михаило да Григорей
 „Нагые изымали; а Михаило, Государь,
 „Нагой мершьво пиянъ; и привели, Го-
 „сударь, меня къ цолованью, и од-

просъ Русина Ракова, въ слѣдствен. дѣл. на стр.
 206 сходный въ главномъ съ сею просью, не
 помѣтили мы здѣсь для того, что нѣсколько
 строкъ изъ него вырвано и нѣсколько словъ
 оны вѣтхости наглядилось.

„ново, Государь, дни велели мнѣ крестъ
 „шестья цоловать, буде ты нашъ. А
 „Михайла Бишяговсково, да и сына ево
 „велель убишь язъ: (Михайль Нагой);
 „а Микишу Качалова, да Осипа Волохова,
 „да Данила Трешьякова, да и людей ихъ
 „велель побить яже для шово, что
 „они у меня отымали Михайла Бишя-
 „говсково сыномъ. И после, Государь,
 „шово въ первой вшорникъ“ (Майя 18)
 „вечеру приказаль Михайло человекъу
 „своему Тимохе, велель принести кура
 „живои, въ другомъ часу ночи“ (въ де-
 „сяномъ по полудни) „вшоль въ Дьячью
 „избу; а меня послаль въ рядъ ножевъ
 „имать и я съ собою взяль Посацково
 „человекъа Кондрашу Оловянишника, и
 „взяль въ ряду два ножа, у Фили у дехшяр-
 „ника ножъ а другой ножъ у посацковожъ
 „человекъа у Василья у Ильина, а ножъ
 „мнѣ далъ да саблю Григорей Нагой; и
 „послаль меня Михайло Нагой на Михай-
 „ловъ дворъ Бишяговсково, да со мною
 „послаль Спасково соборнова попа Сте-
 „пана, да посацкихъ людей, Трешьяка
 „Вораженкина, да Кондрашу Оловяниш-
 „ника, а велель мнѣ искаши въ Михай-
 „лове повалуше“: (спальной?) „паницы
 „железной, и язъ нашель и къ нему
 „привесь; и онъ, Государь, меня пос-
 „лаль въ Дьячью избу, и велель мнѣ
 „взять спорожа Овдокима, да взяль

„язъ посацково человекъ Васку Малаее-
 „ева ; да мнѣ же велѣль , изъ Диячьи
 „избы въ чюлане курицу зарѣзалъ и
 „кровь въ пазъ выпустилъ , и ножи и
 „палицу кровью измазали , и Михаило
 „мнѣ Нагой приказалъ класши къ Ми-
 „хайлу Бишяговскому ножъ , сыну ево
 „ножь , Микише Качалову ножъ , Осипу
 „Волохову палицу , Данилу Трещьякову“
 (о кошоромъ въ лѣтописяхъ и неупо-
 минается) „саблю , Михайлову человеку
 „Бишяговскому Ивану Кузмину само-
 „паль“ (писполешъ , или ружье съ зам-
 „комъ) „Михайловужь человекъ Павлу
 „ножь , Василисину человекъ Васке са-
 „мопаль ; а велѣль , Государь , убиши
 „Михаило Нагой Михаила Бишяговского
 „и сыномъ по недружбе , многожды съ
 „нимъ бранивался про Осударево дѣло ,
 „и въ пошъ день съ нимъ бранился о
 „посохе ,“ (рекрупахъ) „что велѣль съ
 „нихъ взять посохи пядесятъ человекъ
 „подъ городъ подъ Гулли ,“ (подвижное
 укрѣпленіе , возимое при войскѣ) „и онъ“ ,
 (Михайль Нагой) „Государь , посохи не
 „далъ , и Михаило , Государь , Нагой на-
 „пился пьянь , да велѣль убиши Михаи-
 „ла Бишяговского и сыномъ ; а Микиша
 „Качаловъ , да Осипъ Волоховъ , да Да-
 „нило Трещьяковъ , да и ихъ люди , уча-
 „ли опшимають , и онъ ихъ велѣль по-
 „биши шуцожь , Пресветѣиши Государь

„Митрополишь! самъ пожалуй, а Осударю буди печалникъ, что бы мнѣ ходоу Государеву, подле виноватыхъ, въ опале не бысть въ казни; Государь пресвѣтѣйши Митрополишь, смилуйся пожалуй!“ (13).

Для чего же приказалъ Михайль Нагой положить упомянутое оружіе на пѣла убитыхъ по его вѣльнью? „и Русинъ Раковъ сказалъ“ (въ своемъ допросѣ, шеперь изгладившемся нѣскольکو ошь вѣдхоспи) „что вѣльъ ем . . . . ханло Нагойно побитыхъ лю . . . . . лицу, и сабли и самоп . . . . . ши . . . . . того, что будно се шѣ люди Царевича Димитрия убили“ (14).

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ рѣчей слѣдственнаго дѣла объ убіеніи Царевича Димитрія и лѣшописныхъ обнаруживаются вотъ какія обстоятельствова:

(13) Изъ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 21, 22, смотр. также ниже N. 21. Вотъ и еще свидѣтельство, что Михайль Нагой былъ пьянъ, когда случилась кончина Царевичева; въ просьбѣ разсыльщиколь Угличскихъ къ Царю Феодору Ивановичу того же дѣла (выше N. 3) на стр. 118: „и прискочилъ, Государь, съ ево двора к Царице на дворъ Михайло Нагой пьянъ на конѣ. . . . . Сей братъ Царицынь заперся во всѣхъ доносимыхъ на него приказаніяхъ, см. въ томъ же дѣлѣ стр. 103.

(14) Изъ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 106. Означенныя точками слова изгладилсь.

Маія 12 дня 1591 года, въ среду, занемогъ Царевичъ Димитрій Іоанновичъ прежнюю своею падучею болѣзнію; а въ пятницу (Маія 14) сдѣлалось ему полегче. Мать его, Царица Марія (урожденная Нагая) пошла съ нимъ къ обѣднѣ, и, возвратившись, дозволила ему погулять на дворѣ. На другой день (Маія 15), пришедши опѣ обѣдни, она пустила его опять на дворѣ прогулянься съ мамкою Василисою Волоховою, кормилицею Ирвиною Тучковою и постельницею Марьею Колобовою. На заднемъ дворѣ (если не прежде) явились къ Царевичу четыре мальчика, жильцы: Пепръ Колобовъ, Бажень Тучковъ, Иванъ Красевскій, Григорій Козловскій (15) и

---

(15) Слѣдствен. дѣл. (выше № 3) на стр. 108: „и Князь Василен“ (Шуйскій) „и Ондръи“ (Клешнинъ) „и Елизарей“ (Вьлузгинъ) „спрашивали жильцовъ Пепрушки Колобова стоварыщи“ (см. выше № 9): „да Осипъ Василисинъ сынъ Волоховъ, да Данило Михайловъ сынъ Биляговскаго вѣ поры за Царевичемъ былили? И жильцы Пепрушка Колобовъ стоварыщи сказали: были за Царевичемъ вѣ поры шолко они четыре человекки жильцовъ да кормилица, да постельница“ (по этому и мамка Волохова находилась въ опдаленіи, что видно изъ словъ Тучковой *не уберегла*, см. выше № 4); „а Осипа Волохова и Данила Михайлова сына Биляговскаго вѣ поры за Царевичемъ не было и за Царевичемъ нехаживали.“

спали съ нимъ играшь ножемъ въ пычку (16). Вдругъ падучая болѣзнь ударила опять Царевича; онъ упалъ и напнулся горломъ на ножъ, держимый имъ въ рукахъ; но уязвилъ себя не очень сильно: ибо Григорій Нагой заспалъ его еще живаго. Кормилица, вскрикнувъ, взяла, бьющагося и опъ раны и опъ падучей болѣзни, Димитрія къ себѣ на руки. Услышавъ крикъ выбѣжала Царица на дворъ и (вмѣсто Тучковой, дѣйствительно виноватой по неоспоримости) начала бить полнымъ мамку Василису Волохову, каѣпля сына ея Осипа въ убійствѣ Царевича. Ударили въ набашъ на колокольнѣ Спасской соборной церкви (17), сбѣжался народъ;

---

(16) Игра въ пычку простонародныхъ мальчишекъ: очертятъ маленькое пространство на землѣ и бросаютъ въ оное пычка ножикъ (какъ свайку въ кольцо); кто не попадетъ, тотъ подвергается какой нибудь повинности игры.

(17) По чьему сперва приказанію, точно неизвѣстно; вотъ что въ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) на стр. 109: „и Царя Коспьянтиновском пономарь, вдовой попъ Феодосъ Овонасевъ сынъ, прозвище Огурецъ, в розпросе сказала: какъ Царевича Дмитрея не спало, а онъ втѣ поры былъ дома, и зазвонилъ в городе у Спаса сторожъ Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ онъ себя з двора побежалъ в городъ; и какъ прибежалъ к церкви к Спасу и к. му встрѣчу бежишь кормового дворца стряпчей

приѣхали и братья Царицыны: пьяный Михайлъ и Григорій, Нагіе. Изъ нихъ первый имѣлъ личное неудовольствіе на Михайла Бишяговскаго, блюстителя города и дворца Царицына (18); а оба родовое на Бориса Годунова (19). Время

Субота Протопоповъ, і велѣлъ ему у Спаса в колоколь звонити, да ударилъ его вшею і велѣлъ ему сидно звонити; а говорилъ ему Субота передъ Григорьемъ Нагимъ, а сказала, что ему велѣла звонить Царица Марья и онъ по тому и звонилъ в колоколь.“ Вѣроятно она же приказала звонить и Кузнецову.

(18) Никон, VIII. 17: „и велѣ“ (Годуновъ) „имѣ“ (Михайлу Бишяговскому съ сыномъ и Качалову) „вѣдати на Углече все,“ тоже и въ дѣл. о многомятеж. стр. 22. См. еще выше просьбу Ракова. Субота Протопоповъ, на очной ставкѣ съ Огурцомъ показала: „и Михайло Нагой велѣлъ убити Михайла Бишяговскаго; а была у нихъ межъ собою прежь того брань за то, что Михайло Нагой у Михайла у Бишяговскаго прашивалъ сверхъ Государева указу денегъ ис казны и Михайло ему отказалъ“ . . . изъ слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 109. Въ показаніи подьячаго (то есть помощника Дьякова) Третьячка Десятого (того же дѣла на стр. 117): „и я Третьячко вшоль в-ызбу“ (розрядную Дьячью) „ажно коробенка моя розломана, а вынято изъ неѣ Государевыхъ денегъ двадцать рублевъ, что были приготовлены на Царицынъ и на Царевичевъ расходъ;“ слѣдственно Дьякъ Бишяговскій, какъ начальникъ, завѣдывалъ и дворцомъ.

(19) Въ степенной книгѣ Лашухина (см. Истор. Госуд. Рос. IX. примѣч. 618): „Царь Іоаннъ Вас. приязнаешъ себѣ въ послѣднес супруже-

удобное къ опмщенію наспуюило шѣмъ болѣе, что прибѣжавшій Дьякъ спалъ

спло дѣву, именовъ Марію, дщерь Вельможи нѣкоего, Теодора Нагаго; и шако сей Теодоръ, да братъ его Аванасій начаша наносиши Царю на Бориса Годунова, яко онъ Борисъ у него Государя въ близости пребываетъ; а за оскорбленіе Царево“ (за какое? Въ той же степенной книгѣ Лапухина, Истор. Госуд. Рос. IX примѣч. бѣ: „въ то же убо время нѣкто ближій отъ вельможъ Царевыхъ“ — Іоанна Василіевича — „Борисъ Теод. Годуновъ дерзнулъ вйти во внутреннія крѣвы Царевы просити отъ узвменія благовѣрнаго Царевича Іоанна“ — умерщвленнаго тогда нечаянно отцемъ своимъ — „ . . . Видѣвъ же сіе дерзновеііе Борисово, Государь наполнися ярости велиіі на него гнѣвъ возложи и испязаніе многое сотвори и люшыми ранами его узви“) „достойную честь ему неприноситъ и не доброхотствуешь. Тогда Государь пайи на Бориса возярився и внезапно пріиде къ нему на дворъ, мяше въ себя, яко истинна сушь реченная о немъ. Въ то время Борисъ велимъ спрахомъ объять, и едва отъ немощи своей изыде во стрѣшеніе Царю. Государь же вопрошаше Бориса о скорби его; и со гнѣвомъ на него взираше, раны же своя показати ему велаше. Онъ же повелѣніе Государево исполняешь и болѣзненныя своя раны Царю обнажаетъ, яко отъ тяжести шоя скорби на обоихъ (бокахъ) и на персеяхъ заволоки себѣ сотвори, изъ нихъ же всегда гной исхождаше; и шѣмъ болѣзни своей облегченіе пріимаше. Тогда Государь видѣвъ оболгана Бориса; и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитель моя извы Велікія Перми кулецакого чина человекъ, именуе-

утоваривашь бѣснующійся народъ. Царица и пьяный братъ ея не усумнились провозгласить упомянушаго Биляговскаго участникомъ, а сына его Данила шоварищемъ Осипа Волохова въ убіеніи Царевича, содѣянномъ по наученію (будто) Бориса Годунова; Михайлъ же Нагой вельмъ умертвившъ мнимыхъ виновниковъ. Оспервенившаяся чернь кинулась за Дьякомъ; выломала двери у брусной избы, гдѣ онъ заперся съ Даниломъ Третьяковымъ; и убила ихъ обоихъ. Тогда мяшежники бросились въ Дьячью разрядную избу (или канцелярію, гдѣ нѣкогда присутствовалъ убитый Дьякъ) за Даниломъ Биляговскимъ, умертвили его, Никипу Качалова и другихъ, вспутившихся за Дьяка и мамку, а Осипа Волохова убили въ церкви при Царицѣ Маріи (20). Три дни спустя послѣ се-

---

мый Спрогановъ“ . . . „Обогателю же Феодору Нагихъ“ (ощцу Михайлову и Григоріеву) „тому же лекарю Спрогановыхъ повелъ Государь въ тѣхъ же мѣстѣхъ, на бокахъ (и персехъ) за обоганіе его заволоки сотворити и кроить“ (безъ) „болѣзни.“

(20) Въ показаніи Воскресенскаго Архимандрита Феодорита, слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 110: „а Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ при Архимарите при Феодорите и при Игумене Совашѣ, къ церкви къ Спасу передъ Царицу толко чюшь жива, и шюшь ево передъ Царицею прибили до смерти.“

го происшествія (Маія 18), Михаилъ Нагой , ожидая Шуйскаго съ поварищами , понялъ ясно всю важность своего пресупленія , и , спрашась месни правительства , взялся за хилпростъ , дабы оправдась себя , то естъ , убвдилъ городского Угличскаго прикащика , Русина Ракова , набрасть разнаго оружія , велѣлъ заколотъ курицу , намазатъ оное ея кровью (21) и разкласъ на шѣла умерщвленныхъ народомъ , для доказательства , что они убили Царевича .

---

(21) Въ дополненіе къ упомянутому выше въ просьбѣ Русина Ракова , слѣдствен. дѣл. (выше N. 3) стр. 116 : „а Дьячьи избы спорожъ Овдокимко Михайловъ сказалъ : какъ побили Михаила Бяжоговскаго и сына его иныхъ людей в субботу , и послѣ того , при дни спустя , во вшорникъ слышели про Князя Василья и про Андрѣя и про Елизарья . и пришедъ въ Дьячью избу городской приказчикъ Русинъ Раковъ , да Михайловъ человекъ Нагово Тимоха , а принесъ Тимоха курицу живую , да два самопала , да пяшь ножель , да палицу желѣзную і велѣли ему Овдокиму курицу зарѣзати , и онъ Овдокимко курицу зарѣзалъ , и кровь спустилъ в пазъ , и тою кровью велѣли мазати самопалы , и ножи , и палицу , посадцкому человекъ Васке Малаевеу , и посадцкой человекъ Васка и мазалъ и ножи и палицу . А Васка Малаевъ сказалъ , что онъ с Русиномъ с Раковымъ пицали и палицу и ножи кровью куречью мазалъ , и шѣ ножи и пицали и палицу на побитыхъ людех Русинъ Раковъ положилъ.“

Дѣлая се распоряженіе Михаилъ Нагой, вѣроятно, былъ опять пьянъ: ибо презвѣый хитрецъ — сколь ни безразсудный — не приказалъ бы мазать кровью палицу и самопалы, зная, что Царевичъ зарѣзанъ, и положить палицу на плечо Осипа Волохова, подозрѣваемаго въ зарѣзаніи Царевича.

Вопль происшедшій, которое наши дипломаты переименовали совершенно новыми своими преданіями, желая, можетъ быть, доказать святость Царевича Димитрія и не понимая того, что она утвердилась не ложью и не клеветкою; но непобѣдимъ его мощей и чудесами, отъ нихъ производившимися. Сими преданіями послѣдовали новыя дѣписатели: Князь Хилковъ (22), Князь Щербатовъ (23), Голицковъ (24) и даже ученый Миллеръ (25). Пустякъ ихъ можно еще сколько нибудь извинить незнаніемъ вышеозначеннаго слѣдственнаго дѣла; но чѣмъ оправдываются тѣ, кои имѣя оное передъ глазами своими, руководствуясь даже имъ,

(22) См. его Ядро Россійской Исторіи кн. IV. т. IV стр. 257.

(23) См. его Россійскую Исторію XI. 294—297.

(24) См. его Дополненіе къ дѣніямъ Петра Великаго I. 36. 37.

(25) См. его Sammlung Russischer Geschichte V. 52—54.

опытались порочить — или участіемъ въ богопрошивномъ убіеніи Царственнаго опрока, или сокрытіемъ сего убіенія — память Годунова и Шуйскаго, нѣкогда знаменитыхъ вельможъ и послѣ достойныхъ Царей Россіи? тѣ, кои дерзнули употребить на счетъ ихъ бранныя слова, оскорбительныя даже и частному, сколько нибудь значущему, чловѣку? Какого, наилучшаго Государя въ свѣтѣ, память можетъ остаться послѣ сего невредимою? Долгъ благонамѣреннаго Россіянина есть уважать законныхъ Самодержцевъ своихъ, даже и по ихъ кончинѣ.

Николай Арцыбшевъ.

К Р И Т И К А.

Русскія Книги.

Нищій соч. А. Подолинскаго (повѣсть въ стихахъ). Спб. въ Тип. К. Гинце 1830 въ 8-ку 45. с.

Молодые писатели, стремясь къ успѣхамъ, увлекаясь пылкимъ, но не яснымъ еще чувствомъ, обыкновенно выбираютъ для себя предметы великіе, разительные, страшные, коихъ одно легкое очертаніе, можешь ужь, кажется, произвешъ эффектъ, общаешь снискашь громкую славу. — Въ этомъ признались предъ публикою многіе великіе художники, обезсмертившіе себя впоследствии чудесными твореніями. Едва ли, осмѣливается сказать рецензентъ, не такая же причина побудила Г-на Подолинскаго воспѣшь Исторію Нищаго. —

Юноша влюбился въ дѣвушку Аньолу, и получилъ безмольный отказъ. Вдругъ въ пустынь встрѣчается онъ съ нею, непримѣченный, и слышитъ звукъ поцѣлул. Въ бѣшенствѣ свергаетъ онъ соперника съ утеса. Это былъ родной братъ его. Преступника посадили въ шенвицу; Аньола умерла съ печали, но нѣжная мать чувствовала къ нему прежнюю любовь и утѣшала въ несчастіи. Вскорѣ умерла и она. Узника черезъ нѣсколько лѣтъ освободили Французы, но

онъ покакому-то внушенію на могилѣ любезнаго семейства, принужденъ былъ оставить отчизну, и сталъ жить милоспынею.

Вошъ содержаніе повѣсти, — но Шильонской Узникъ Байрона и Жуковскаго спойшь на такой высотѣ, къ которой приблизиться трудно, и такъ знакомъ читателямъ, что они, отдавая справедливость таланту автора, не могутъ быть не взыскашелями; это сравненіе очень не выгодно, согласился всякой, и сильное по другому масштабу теперь можетъ показаться слабымъ, что и случилось съ ужасомъ и раскаяніемъ нашего Испанца. — Ошчепливый прозаикъ спроситъ также, какъ братъ не зналъ ничего о любви брата? за чѣмъ свиданіе любовниковъ произошло въ пустынь? отъ чего мать умерла такъ скоро? почему сонъ покойниковъ шревожило присутствіе убійцы прощеннаго ими? почему родилась въ немъ такая мысль? почему онъ, желая возвратиться въ отечество, не исполняетъ своего желанія и послѣ долговременнаго отсутствія, и проч. — Нтъ! гораздо лучше сдѣлалъ бы Авторъ, еслибъ послушавшись совѣта Вѣстника Европы, оставилъ эти страшныя преступленія на судъ гражданской, и воспѣвалъ намъ стихія, вѣжныя чувства, къ чему онъ гораздо способнѣе; стихи его звучны, показываютъ знаніе языка, чувство, — напрымръ:

Освобожденный преступникъ приходитъ на могилу матери, —

. . . Уже креспы

Полураспались ; но кусты
 Живыми розами цвѣли ,
 Надъ влажнымъ лономъ той земли ,
 Гдѣ былъ зарытъ Аньолы прахъ ;
 Мечпаль была ? Но въ ихъ листьяхъ
 Мнѣ вѣялъ духъ нездѣшнихъ розъ ;
 Казалось , Ангель перенесъ
 Изъ рая ихъ — и не роса —
 На нихъ горитъ его слеза !
 Надъ брашомъ шемной кипарисъ
 Надгробной зеленью повисъ
 И былъ онъ къ розамъ наклонень ,
 И запахъ розы принялъ онъ. —

Могила матери моей ,
 Густою сѣнью вѣшвей ,
 Роскошно лворъ остиная ;
 Онъ вѣтви къ брашу проспираль
 И мнѣ казалось : это мать
 Хошѣла милаго обнять !
 О для чегожь главу мою
 Не принялъ ты подъ сѣнь швою !
 Помыслилъ я — и шяжело
 Мнѣ спало вдругъ ; склонивъ чело ,
 Я къ гробу матери припаль ,
 И жарко , жарко лобызаль
 Сырую землю — но она ,
 Казалось вдвое холодна ,

О еслибъ землю ту пробить
 Я могъ слезами, можешь бышь,
 Онъ бь какъ пламя пошекли,
 И въ самомъ прахѣ жизнь зажгли!

Н. Н.

Четыре времени года Русскаго поселянина. Сельская Поэма Федора Слѣпушкина. СПб. Въ Тип. Деп. вн. торговли. 1830. въ 8-ку 80 с. съ виньеткою.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читательницъ о новыхъ *упражненіяхъ* нашего почтеннаго крестьянина-грамаши. — Въ нихъ, какъ и въ первыхъ опытахъ нѣтъ ничего пішического, особеннаго, блестящаго, ибо авторъ имѣетъ только *общія, обыкновенныя* впечатлѣнія и познанія о своемъ предметѣ, и предлагаетъ ихъ въ мѣрной, спокойной прозѣ, сряду, безъ выбору, но онѣ имѣютъ свое достоинство: *четыре времени года* пріятны для Русскаго лирическаго, какъ доказательство развивающагося образованія въ его ошечествѣ, какъ книга, которая современемъ будетъ имѣть бѣльшій кругъ дѣйствія между поселянами, когда умножатся грамошныя. Они поймутъ ее, и скажутъ, что она написана складно, а между тѣмъ образованные звуки проникнутъ далеко, возбуждуть эс-

пешическое чувство, умиляшь душу, ославяшь
благія сѣмена. . . .

И такъ не разбирая лишптературно, мы
замѣшимъ только автору, чшобъ онъ удерживался отъ употребленія словъ и оборотовъ
книжныхъ, высокихъ, изысканныхъ, кои часто перемѣшиваются у него съ простыми, и производя
непріятное впечатлѣніе въ читателя. Чшобъ указать ему на сіи неумѣстныя слова,
и вмѣстѣ познакомить читателей нашихъ съ четырьмя временами года, предлагаемъ отрывокъ
изъ 1 части, весны.

Вошь нарядился и лужокъ,
Какъ красна дѣвица къ вѣнчанью;
Долина, роща и лѣсокъ
Махали въ ясной день къ гулянью,
Повсюду ароматный цѣтъ
Въ красѣ чудесно развивался.
Ни Соломонъ во славу лѣтъ
Въ шакою шкань не облакался.
Тогда всѣ праздничныи обѣды
Въ домахъ селяне стоговоряють;
Для мирныхъ дружескихъ бесѣдъ,
Сосѣдъ сосѣда зазываютъ;
Бредушь тихонько на ручей,
Подъ тѣнъ развѣсистыхъ вѣтвей,
Ведутъ рассказы другъ со другомъ.
Глядяшь: идутъ веселымъ кругомъ
Широкимъ и цвѣтнымъ лужкомъ

Молодки, дѣвицы *рядкомъ*
 Идутъ, одна другой *милье*,
 Румянецъ *розана* алѣе
 Играетъ *нѣжно* на щекахъ;
Дышатъ уборы ихъ цвѣтныя
 Подъ вѣтеркомъ у нихъ въ косахъ!
 Поютъ все про весну *златую*,
 О счастья милыхъ жениховъ,
 И про ворчанье стариковъ,
 И про свекровь и маму родную.
 Къ своимъ *возлюбленнымъ* женамъ
 Спятъ *супруги* молодые,
 И съ ними парни удалые
 Къ *дѣвкамъ* милымъ *красотамъ*!
 И подходя съ шушливымъ словомъ,
 Кружась рѣзвымъ хороводомъ,
 Подъ ладъ свирѣли и рожка
 На диво спляшутъ козачка!
 Тутъ съюютъ просо, макъ срываютъ,
 Невѣсть по сердцу выбираютъ;
 Лишь солнце за мѣсь, — и ночью
 Пѣвецъ свиститъ въ кустахъ ракиша,
Лазурь небесъ туманомъ *скрыта*,
 Присѣли пташки на покой,
 На гибкихъ вѣточкахъ качались,
 Лишь дергачи перекликались;
 Во ржи кричатъ перепела,
 Все тихо. *Находила* мгла,
 Тогда народъ веселымъ *стремь*

Идешь прилечь съ покоемъ.
 Весенній новый день капишь ;
 Лишь шолько солнце появилось ,
 Вдругъ небо тучей обложилось ,
И стръ отъ запада крушишь !
 И низко ласточки лешають ,
 Хвостами курицы махають ,
 Рыча быкъ въ землю бьешь ногой , —
 И гуль несешся громовой !
 По небу молнія звилася ,
 Пыль въ полѣ поднялась столбомъ !
 Со прескомъ разразился громъ !
 И дождь изъ тучи порывался.
Дарить богатство онъ полямъ ,
Льетъ сладость жаждущимъ цвѣтамъ ;
Испили класы золотые.
 Осимой потугнѣль загонъ ,
 Пшеница , просо , греча , ленъ ,
 И всѣ посѣвы яровые
 Опъ влаги зрѣють и распушь ,
И земледѣльцы счастья ждуть. —

Жаль, что издашеть желая щеголяшь изданіемъ, долженъ былъ назначить большую цѣну: стихосворенія Слѣпушкина должно печатать на самой простой бумагѣ, и продавать копѣекъ по сороку, дабы всякому крещьянину, мѣщанину, легко было пробрѣсти ихъ. N. N.

*Слогъ Г. Полеваго въ Грамматическомъ
отношеніи. — Нѣчто о мѣстахъ ча-
стицъ.*

Г. Полевой, разбирая XII й томъ Исторіи Государства Россійскаго, сказалъ рѣшительно, что слогъ Карамзина не можетъ служить образцемъ въ наше время (Телеграфъ 1829. года). Такой приговоръ, совершенно противоположный общему мнѣнію, надлежало подкрѣпить доказательствами. Г. Полевой сего не сдѣлалъ: но вслѣдъ за критикою напечаталъ III томъ своей Исторіи Русскаго народа. Всѣ ожидали сочиненія образцоваго — и всѣ обманулись жестоко. Не въ правѣ ли леперь — мы, читатели, строго судить Автора, который самъ судить другихъ слишкомъ строго? Не только въ правѣ, но и должны и обязаны: иначе допустимъ самоуправство въ область Литтературы. И такъ начнемъ разборъ съ первой страницы предисловія; но прежде припомнимъ нѣкоторыя правила, переданныя намъ учителями нашими.

„Великое искусство — умѣть располагать слова; и знаніе Грамматики предполагаетъ основательное познаніе Логики. Немногія науки требуютъ большаго глубокомыслія. Люди, судящіе поверхностно, презираютъ Грамматику, почитая ее наукою дѣтскою: но сія дѣтская наука дѣлается предметомъ философскихъ изслѣдованій въ зрѣ-

лая лѣта наши. Только незнанію Грамматики должно приписать великое множество грубыхъ ошибокъ, которыми ошличаются нѣкоторые писатели.“

„Слогъ всегда имѣетъ отношеніе къ тому, какъ мыслишь писатель. Это картина идей, рождающихся въ умѣ его, и образъ, какъ онѣ рождаются. По сей-то причинѣ часто бываетъ весьма шрудно отдѣлить слогъ отъ мыслей.“

„По общему признанію, основное качество слога есть ясность. Ясность столь необходима для всѣхъ родовъ сочиненій, что никакое другое достоинство не можетъ замѣнить недостапка оной. И такъ старайшесь прежде всего, чтобы васъ понимали и легко и ясно. Не довольно того, что можно разумѣть васъ (говоритъ Квинтилианъ): надобно сдѣлать такъ, чтобы не лзя было не понять вашей рѣчи.“

„Чтобы извинить недостапокъ ясности, нѣкоторые ссылаются на шрудность предмета. Извиненія такого рода допустить невозможно: ибо что понимаешь ясно, то можешь, если захочешь приложить шрудъ, и выразить вразумительно. Навротивъ никогда не должно писать о томъ, чего ясно не понимаешь.“

„Ясность требуетъ вниманія во первыхъ къ каждому слову и къ каждому члену періода, во вторыхъ къ строенію цѣлаго періода.“

„Помните правила Грамматики; не пренебрегайте малѣйшею нешочностію, малѣйшею дусмысленностію; помѣщайте сколько возможно ближе другъ къ другу слова и члены періода, имѣющіе ближайшее между собою отношеніе — и вы будете выражаться ясно.“

„Другое весьма важное качество хорошо составленнаго періода есть единство. Если во всякомъ сочиненіи одна мысль должна господствовать, одна мысль должна быть душою, связью цѣлаго; то еще болѣе слѣдуешь наблюдать сіе въ одномъ и томъ-же періодѣ. Періодъ можешь состоять изъ частей: но сіи части должны производить *единое* впечатлѣніе. Для сего необходимо помнить два правила: первое, чтобы предметы и дѣйствія перемѣнялись сколько можно рѣже; второе, чтобы мысли, имѣющія слабую связь между собою, не были соединяемы въ одинъ періодъ.“

„Въ періодѣ, дурно составленномъ, нѣтъ возможности разставить знаки препинанія. Не запятыя, не точки и полуточки (точки съ запятою) раздѣляютъ мысли писателя: онѣ служатъ только указаніемъ раздѣленій, которыя обозначаются самими выраженіями. Пунктуация будетъ правильна, если періодъ правиленъ.“ (Извлечено изъ уроковъ Блера).

Теперь начнемъ.

„Есть различіе между проснымъ, врожденнымъ челоѣку желаніемъ знать прошедшее, и пѣмъ испытующимъ спремленіемъ челоѣческаго ума, кошорое поставило въ ряду другихъ познаний нашихъ Исторію.“

Стремленіе бываешь *внезапное, необузданное* или другое-какое: но *испытующее стремленіе* невозможно. Авторъ хотѣлъ сказать: *стремленіе испытующаго ума*. — Равнымъ образомъ не лзя соединить идеи *спремленія* съ идеею *поставленія*: спремленіемъ или силою спремленія можно *сдвинуть, опрокинуть* что-либо.

„Всѣ знанія, всѣ науки начинаются въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ челоѣческаго духа. Такъ и въ просномъ желаніи знать прошедшее должна была заключаться Исторія.“

Сей періодъ надлежало связать союзами *но посліку . . . то и*: иначе онъ пропифорѣчншь первому. — Потомъ: что значнть выраженіе *науки нагннаются въ дѣйствіяхъ духа*? Ибо такова основа перваго предложенія. — Далѣе: если *всѣ науки только это нагннаются*, то какимъ образомъ Исторія *уже заключається*? — Передъ словомъ *такъ* должно стоять двоеточіе, а не точка: ибо здѣсь оканчивается часть періода, а не періодъ.

„Но знанія и науки находятся въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ нашей умственной способности, какъ шворенія природы въ сѣменахъ и

„зародышахъ; время развиваетъ ихъ: цѣлыя вѣка по-
 „требны для развитія умственныхъ сѣменъ, све-
 „мыхъ человѣкомъ.“

Въ противоположность предшествовавшему, сей періодъ слѣдовало начать словами: *но въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ.* — Опять: *науки въ дѣйствіяхъ умственной способности.* И какая это способность? Способности ума различны. — Знанія и науки находятся въ дѣйствіяхъ умственной способности, какъ творенія природы находятся въ сѣменахъ и зародышахъ. Не находятся, а развѣ скрываются, заключены и п. п. — *Время развиваетъ ихъ.* Чшо? Знанія и науки? Сѣмена и зародыши? *Цѣлыя вѣка потребны для развитія умственныхъ сѣменъ, свемыхъ человекомъ.* Слово *умственный* значитъ *умомъ постигаемый, воображаемый:* и такъ что такое *умственный сѣмена?* *Умственный сѣмена* или *сѣмена ума* суть первоначальныя дѣйствія умственной способности, первыя дѣйствія *человѣческаго духа* врожденное *человѣку* желаніе *познавать* — освѣчаетъ Авторъ. По крайней мѣрѣ это слѣдуетъ изъ предыдущаго. — Знаки препинанія разставивъ невозможно: ибо періодъ дурно связанъ.

„Мы ошибемся, если будемъ смѣшивать пер-
 „вое дѣйствіе *человѣческаго ума* съ полнымъ его
 „развитіемъ.“

Кто-же будетъ такъ простъ? — Придемъ къ чему отнести мѣстоименіе *его*? Къ *дѣйствію* или къ *уму*?

„Способности человека, в самом несовершенном ихъ состояніи, содержатъ уже въ себѣ идеи и вѣрованія всякаго рода.“

Безъ союза *однакожъ* мысль сія противорѣчитъ первой; при томъ она есть повтореніе прежде-сказанной: *всѣ науки начинаются въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ теловѣческаго духа. — Ихъ состояніи. Надлежало: своему состояніи. — Уже въ себѣ. Спало бытъ прежде содержали въ чемъ-другомъ? Авторъ хотѣлъ сказать: уже содержатъ въ себѣ или уже въ самомъ несовершенномъ состояніи своемъ содержатъ въ себѣ. — Еще: какимъ образомъ способности содержатъ идеи и вѣрованія? Откуда взялись вѣрованія, когда о нихъ говорено не было?*

„Въ самомъ первомъ порывѣ ума все есть у человека, все чѣмъ можешь онъ познавать истины, въ себѣ самомъ, вокругъ себя, выше себя.“

И такъ не умъ познаешь истины, а что-то находящееся въ порывѣ ума. Что-же это такое? *Инстинктъ ума, живущій въ порывѣ ума* — какъ можно догадываться изъ нижеслѣдующаго періода. — Послѣ словъ *у человека* надлежало поставить *тире*: ибо тушь подразумѣвается повтораемый глаголь *есть*.

„Умственный инстинктъ соприкасаясь всему, ко всему прилагается; но человекъ не начинаеть задачами и рѣшеніемъ оныхъ: въ началѣ онъ безусловно видитъ, чувствуетъ, понимаетъ, вѣ-

„ришь; произволь умственной его дѣятельности
„смѣшивается, сливается съ предметами, кошо-
„рые приближаетъ къ себѣ, расцвѣчивается, шакъ
„скажешь, ихъ цвѣтами.“

Умственный инстинктъ, соприкасаясь всему, ко всему прилагается. Не значить ли это: инстинктъ ума ко всѣмъ вещамъ и прикасается и прилагается; а всѣ вещи къ инстинкту сему только — что прикасаются! — *Но человекъ не нагинаятъ задагами.* Если не начинаешь, то что же дѣлаешь? Авторъ хотѣлъ сказать: *нагинаятъ не задагами.* — *Въ нагаль онъ безусловно видитъ, чувствуетъ, понимаетъ, вѣритъ.* А впоследствии подь условіями? Вѣришь — можешь быть: но чувствуетъ всегда безъ условій. Припомъ надлежало написать *внагаль*: ибо здѣсь это слово есть нарѣчіе. — Что такое произволь дѣятельности ума? Какимъ образомъ произволь сей приближаетъ къ себѣ предметы? Какъ смѣшивается, сливается съ ними, расцвѣчивается ихъ цвѣтами? Куда отнести выраженіе *такъ сказать* — къ предшествующему слову или къ послѣдующему? Попробуемъ перевести Автора. Слѣдую внутреннему побужденію, человекъ стремится познавать все его окружающее. Однако *внагаль онъ еще не размышляетъ, а просто видитъ, чувствуетъ и вѣритъ.* Онъ дѣйствуетъ умомъ, но такъ какъ ему самому захочется: и эта своевольная дѣятельность заставляетъ умъ человеческій прибли-

жать къ себѣ предметы, смѣшиваться, сливаться съ ними, и принимать на себя цвѣта ихъ. Такъ ли?

„Потомъ наступаетъ другой періодъ умственной дѣятельности, когда она входитъ въ самое себя, и взявъ самое себя за предметъ своихъ дѣйствій, пребудешь опчета о томъ, что мыслила, какъ и для чего такимъ образомъ мыслла, какъ и для чего мыслишь.“

Умственная дѣятельность, то есть воображаемая дѣятельность, входитъ сама въ себя; эта дѣятельность беретъ сама себя, то есть дѣятельность-же, за предметъ своихъ дѣйствій; эта дѣятельность требуетъ ответа о томъ, что мыслила — у кого, не сказано; эта дѣятельность мыслила и мыслить!! Право не хорошо. Блеръ, разбирая одного Авшора, говоритъ: „онъ никогда не довольствуется выраженіями ясными и простыми. Ему всегда хочется придашь мысли своей какую-то важность. Онъ собираетъ множество словъ, чтобы сказать то, что можно выразить однимъ словомъ.“ Не лучше ли бь было, еслибъ и Г. Полевой выразился попростѣе.

„Тогда преобращается въ задачу то, что прежде было для человѣка положительно; чело-вѣкъ дѣйствуетъ методически тамъ, гдѣ прежде повиновался инстинкту, замѣщаетъ непосредственное вдохновеніе постепенными понятіями и врожденныя вѣрованія системами.“

Опять по-же многословіе. — Не лучше ли *обращается, вмѣсто преобразуется, и замѣняетъ вмѣсто замѣщаетъ?* Что такое *непосредственное вдохновеніе?*

„Мысленіе творить знаніе, науку, тамъ, гдѣ произвольность спавила вѣрованіе.“

Должно сказать *мысленіе*: ибо отглаголь- нныя на *іе* удерживаютъ согласную перваго лица. *Мышлю, мыслишь, мыслиль* — *мысленіе, помы- шленіе*, а не *помысленіе*. — Или передъ словомъ *тамъ* или послѣ онаго должно уничтожишь за- пясую.

„Такъ бываетъ въ человѣкѣ, такъ и въ родѣ „человѣческомъ.“

Лучше бы: такъ бываетъ съ однимъ человѣ- комъ, такъ и съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ.

„Вездѣ съ самаго начала непосредственное, „такъ сказать, откровеніе разоблачаетъ для ум- „свенной способности шайны бышя, освѣщаетъ „его, какъ бы свыше, свѣтомъ чудеснымъ, и на- „лагаетъ на него знаменіе вѣчныхъ истинъ.“

Вездѣ. Авторъ хотѣлъ сказать *у всѣхъ на- родовъ*. — *Съ самаго начала.* Чего? Авторъ хо- тѣлъ сказать *вначалѣ*. — *Непосредственное, такъ сказать, откровеніе.* Куда отнести выраженіе *такъ сказать?* Надлежало переставишь слова, или: *такъ сказать откровеніе непосредственное*, или: *откровеніе такъ сказать непосредственное.* *Откровеніе разоблачаетъ по-же, что разоблаченіе*

*открываетъ. — Разоблачаетъ тайны бытія. Эшо что шо поболѣ произвола умственной дѣятельности, который смѣшивается съ предметамъ. Пришомъ, непосредственное ошкровеніе шайнъ бытія совершается самимъ Богомъ, и выше всякой земной Философіи: какъ-же можно сравнивашь оное съ младенчествомъ ума человѣческаго? — Освѣщаетъ его. Кого? — Какъ бы свыше. А въ самомъ дѣлѣ снизу или сбоку? — И налагаетъ на него. На кого? — Налагаетъ знаменіе вѣрныхъ истинъ. Чшо эшо шакое? — По расположенію словъ цѣлаго періода выходимъ: *Внаталъ у всѣхъ народовъ что-то похожее на непосредственное откровеніе объясняетъ тайны бытія; и люди думаютъ, будто гудесный свѣтъ сей исходитъ свыше, будто все то вѣчныя истины, тому они вѣрятъ. Эшо ли хотѣлъ сказашь Авшоръ?**

„Прежде всякихъ системъ, родъ человѣческой мыслишь, и посредствомъ силъ, коими онъ одаренъ, достигаетъ истинъ существенныхъ, не дожидаясь позднихъ пособій Философіи, кошорая развиваетъ въ послѣдствіи начало, и являетъ его въ полномъ блескѣ жизни, созидавая систему, науку.“

Прежде всякихъ системъ, родъ теловѣческой мыслить. А попомъ что дѣлаешь? — И посредствомъ силъ, коими онъ одаренъ. Слово онъ лишнее. — Родъ теловѣческой мыслить и достигаетъ

истинъ существенныхъ , не дожидаясь пособій Философiи. Но что же и Философiя, какъ не наука достигать истинъ существенныхъ? Сверхъ того здѣсь Авторъ противорѣчилъ сказанному самимъ имъ прежде, что *интелъ*, слѣд. прежде всякихъ системъ, *теловѣкъ* имѣеть недостаточныя познанiя о вещахъ его окружающихъ, слѣд. не достигаетъ истинъ существенныхъ. — Философiя развивается въ послѣдствiи *натало*. Какое начало? Въ какомъ послѣдствiи? Какъ? — И являетъ его. Кого? — Въ полномъ блескѣ жизни. Блещитъ ли жизнь? — Раздѣливъ сей перiодъ на предложенiя, найдемъ: что *родъ-теловѣтескiй* мыслитъ, прежде нежели изобрѣтаетъ системы; *родъ теловѣтескiй* одаренъ какими-то силами; *родъ теловѣтескiй* достигаетъ истинъ существенныхъ; *родъ теловѣтескiй* не дожидается позднихъ пособiй Философiи; Философiя развивается въ какомъ-то послѣдствiи какое-то *натало*; Философiя являетъ что-то, кажется *натало*, въ полномъ блескѣ жизни; Философiя создаетъ систему, науку. Такiе перiоды погрѣшаютъ проливъ единства.

„Весьма важно знать такую постепенность ,
 „понятiй *человѣка*: она объясняетъ для насъ
 „природу нашу, и подлѣ самой колыбели ума
 „спавишь свѣтъ и величiе, въ шоже время пока-
 „зывая правильную постепенность въ дальнѣй-
 „шемъ ходѣ его.“

Такою постепенностью понятій. Авторъ хотѣлъ сказать эту постепенность познаній. — Но почему весьма важно знать эту постепенность понятій? Потому-де, что она объясняетъ для насъ природу нашу; потому что она ставитъ свѣтъ и велигіе подлѣ колыбели ума; потому что она показываетъ правильную постепенность въ дальнѣйшемъ ходѣ гѣмъ-то. Не понимаю!

„Сія истины, сказанныя однимъ изъ новѣйшихъ мыслителей, непреложны для Исторіи всякаго знанія человеческого: онѣ непреложны для Исторіи самого человѣка, вообще и частно.“

Сія истины. Какія? Если во всемъ сказанномъ и находятся истины: то онѣ изложены такъ неясно, такъ сбивчиво, что всякому покажется ложью. — Можно ли говорить: *непреложный для него? Непреложный вообще и частно? Исторія всякаго знанія человеческого?*

„Мы видимъ послѣ сего, какъ опредѣляется дѣйствіе ержденнаго любопытства, удовлетворяемаго простымъ рассказомъ на развалинахъ прошедшаго, безъ сужденій и размысленій, оспъ дѣйствія умственной воли познавать прошедшее, для удовлетворенія коего Философія созидаетъ Исторію, вдохновенную умомъ въщательницу, прошекшаго, богиню, по мнѣнію древнихъ, пишущую на алмазныхъ скрижаляхъ событія въковъ минувшихъ.“

Послѣ сего. Авторъ хотѣлъ сказать: изъ сего, изъ сказаннаго или что-нибудь подобное. — Какъ отдѣляется. Авторъ хотѣлъ сказать: тѣмъ отличается. — Простой рассказъ на развалинахъ прошедшаго. Что это? Что за развалины прошедшаго? — Куда отнести слова безъ сужденій и размысленій? — Что такое умственная воля? Дѣйствіе умственной воли познавать прошедшее? — Для удовлетворенія коего? Чего? Прошедшаго? Дѣйствія умственной воли? — Что значить вдохновенная умою? — Куда отнести выраженіе по мнѣнію древнихъ? Оно между запятыми. — Не угодно ли сей періодъ раздѣлишь на предложенія? Мы видимъ послѣ того-то слѣдующее: дѣйствіе врожденнаго любопытства отдѣляется отъ дѣйствія умственной воли познавать прошедшее; дѣйствіе врожденнаго любопытства удовлетворяется простымъ рассказомъ на развалинахъ прошедшаго; сіе дѣйствіе врожденнаго любопытства удовлетворяется безъ сужденій и размысленій, или простой рассказъ на развалинахъ прошедшаго не имѣетъ сужденій и размысленій; для удовлетворенія дѣйствія умственной воли познавать прошедшее, Философія создаетъ Исторію; Исторія есть вѣщательница протекшаго, вдохновенная умою; Исторія есть богиня, по мнѣнію Древнихъ; Исторія на алмазнымъ скрижалѣхъ пишетъ событія вѣковъ минувшихъ!!

„Послѣ перваго мгновенія бытія, человекъ имѣлъ уже прошедшее, имѣлъ и повѣствоваль „Исторію его.“

Бытія. Чьего? — *Исторію его.* Чью? — И что это за Исторія перваго мгновенія? И кому повѣствоваль человекъ сію Исторію?

„Но она сливалась со всѣми образами слова: „являлась Поэзією, казалась Вѣрою, была Закономъ.“

Что такое *обарзы* или *образа слова*? *Поэзія, Вѣра, законъ* — отвѣчаетъ Авторъ. Мудрено! — И эта Исторія перваго мгновенія бытія, кошорую человекъ повѣствоваль кому-по пошчасъ по прошествіи перваго мгновенія бытія своего — эта *Исторія* являлась на свѣтъ *въ видѣ Поэзіи*, но человекъ казалась *Вѣрою*, а въ самомъ дѣлѣ была *Закономъ*!

„Обнимая всѣ другія вѣдѣнія, Исторія вмѣщала въ себѣ все разнообразіе оныхъ, въ шопремя когда опытъ казался человекъ единственннмъ вождемъ всякаго познанія.“

Здѣсь говорится, что нѣкогда *опытъ* служилъ человекъ единственнымъ вождемъ всякаго познанія: а передъ симъ птвердили о простомъ врожденномъ желаніи знать, объ идеяхъ и вѣрованіяхъ, о порывѣ ума, объ умственномъ инстинктѣ, о произволѣ умственной дѣятельности, о непосредственномъ вдохновеніи, о непосредственномъ такъ сказать откровеніи, о дѣйствіи

врожденнаго любопытства. Не уже ли всё сіи выраженія значащъ одно и то-же?

„Но когда другія знанія, Поэзія, Вѣра, отдѣлились отъ Исторіи, человѣкъ началъ обрѣ-
касть ей собственыя ея предѣлы, и рѣшился
„образовать изъ Исторіи отдѣльное знаніе.“

Вошъ въ чемъ дѣло: *Поэзія и Вѣра* вздумали, да и *отдѣлились* отъ Исторіи; тогда *человѣкъ началъ обрѣкать* Исторіи собственыя ея предѣ-
лы; и, видя что дѣлать болѣе нечего, *рѣшился образовать* изъ Исторіи *отдѣльное знаніе*. Это вѣрно какая-нибудь аллегорія!

Но довольно! Хотите ли знать, что *думала* сказашъ Авторъ *на трехъ страницахъ*, разобран-
ныхъ нами? Вошъ что: начала наукъ должно ис-
касть во врожденномъ человѣку желаніи познавать; но сіе желаніе бываешъ источникомъ познаній
невѣрныхъ и сбивчивыхъ. Науки являющся тогда
только, когда человѣкъ начинаешъ повѣрять свои
познанія, начинаешъ разсматривать самого себя.
Таково начало и ходъ самой Исторіи. Исторію
породило любопытство знать прошедшее: но од-
на Философія возвела ее на степень науки.

И въ эсихъ шрехъ первыхъ страницахъ Пре-
дисловія не нашлось ни одного періода, ни одной
отдѣльной фразы безъ ошибокъ или противъ Грам-
матики или противъ Логики! Но, скажущъ, мо-
жетъ бытъ самая Исторія хорошо написана. Од-
на разница: изложеніе большею частію вразуми-

шельно, ибо самый предметъ удобопоняшенъ. Однакожь, чтобы не упрекнули насъ въ приговоръ, не основанномъ на доказательствѣхъ, выпишемъ нѣсколько мѣстъ и изъ Исторіи.

Стран. 25. „За Юграми живешь народъ Са-
„ядъ; за нимъ-же находишься путь непроходимый,
„пропастями, снѣгомъ и льдомъ, который ве-
„детъ къ горамъ Лукоморья, возвышающимся до
„небесъ.“

31. „Пространство земель, которое мы на-
„вали мѣстомъ дѣйствія Скандинавскихъ пришель-
„цевъ IX-го вѣка, то, что нынѣ разумемъ мы подъ
„названіемъ Европейской Россіи, на Западъ при-
„мыкается къ Европѣ; Скандинавія, Германія,
„Греція, три великія части Европы, изъ коихъ
„развивался міръ Европейскихъ обществъ Древня-
„го и Средняго времени, суть страны, примыка-
„ющія къ нему Европу.“

88. „Посланники ко Двору Цареградскому,
„въ виду коихъ Императоръ былъ поднимаемъ къ
„самому пошолку зданія, на хитроустроенномъ
„золотомъ тронѣ своемъ, при раболѣпн царь-
„дворцевъ, при рыканіи золотыхъ львовъ, видѣли
„въ немъ нѣчто великое, могущественное.“

89. „Предавался распутству, бѣгал по горо-
„ду съ шушми, одѣтыми въ священническія ризы;
„приказовъ даже сломать вѣстовыя башни, увѣ-
„домлявшія о движеніяхъ варваровъ, Михаилъ съ

„ужасомъ услышаль о появленіи врага, до того
„неслыханнаго.“

103. „Аскольдъ похороненъ былъ на горѣ,
„гдѣ въ послѣдствіи стояли вежи Угровъ, и Киев-
„лянинъ Олма имѣлъ домъ, воздвигнувъ церковь
„во имя Чудотворца Николая, на самой могилѣ
„Аскольда.“

189. „Но единоедержавіе, сіе единственное спа-
„сительное средство образовати полудикій народъ,
„самъ ли Святославъ умѣлъ его присвоить себѣ?“

210. „Императоръ Іоаннъ Цимисхій уже не
„существовалъ, погибшій отъ яда, поднесеннаго
„ему злодѣемъ. Въ лѣта зрѣлой юности, Василій
„и Константинъ, дѣти Романа, приняли прав-
„леніе; но опекунство надъ ними не кончилось
„смертію Цимисхія. Человѣкъ, ничтожный, но
„хитрый, умѣлъ овладѣть умами царственныхъ
„юношей, и правилъ государствомъ еще 12 лѣтъ
„Василій, храбрый и благоразумный, зналъ только
„забавы дворскія; Константинъ навсегда остался
„Государемъ только по сѣту. Въ это время, Сараци-
„ны усилились въ Азіи, гдѣ два полководца Греческіе
„буншовали, и думали даже о багряницѣ царской.
„Булгары, не спрашась юнаго Царя, приобрѣти-
„шаго въ послѣдствіи своими побѣдами прозваніе
„ужаса Булгаровъ, ободрились, возстали, дѣлали
„набѣги даже до самыхъ стѣнъ Царьграда.“

213. „Богемія, Венгрія подверглись ихъ вла-
„сти (власти Папъ), и тѣмъ болѣе дорожили

„и Папа и Папріархъ Русью, обращеніе коей мо-
„гло покорить Сѣверъ Скиескій Риму и Царьграду.“

242. „Ночью приблизились они къ шашру
„Бориса, который пѣлъ заушреню и былъ пора-
„женъ копьями, когда молился за Свяшополка и
„легъ на одръ свой.“

250. „Болеславъ опмщаль покушеніе Руссовъ
„на Польшу, возводилъ союзника на престоль, и
„мстилъ за побіеніе Помяковъ едва ли не пошому
„шолько, что завиятъ былъ своими честолобивыми
„свошеніями съ Германскимъ Имперашоромъ.“

253. „Не смѣемъ объяснять смерти прехъ
„сыновъ *Владиміровыхъ* мщеніемъ за смерть Яро-
„полка, отъ челоуѣка, признаннаго уже за сына
„*Владиміромъ*, и, вѣрешіе, находимъ причину
„смерши Бориса и Гатба въ какой-нибудь личной
„ненависти къ симъ Князьямъ: они были люби-
„мые дѣти *Владиміра*, а Свяшополка онъ не лю-
„билъ. Въ эшомъ признаешся льшописецъ.“

263. „Лѣшописн молчашъ *однакожъ объ эшомъ*;
„но въ 1037 г. говорятъ онѣ, что Ярославъ „за-
„ложилъ церковь Св. Софіи и Митрополью“ —
„учредилъ, кажется, надобно чиншашъ, ибо не-
„медленно подъ 1039 г. мы находимъ уже Мит-
„рополиша *Осодемпта*, и его можемъ почешъ
„первымъ владыкою, или Митрополишомъ Кіев-
„скимъ.“

А вошь образцы перевода съ Французскаго.
См. Дополненія къ Исторіи.

286. „Самое извѣстное донынѣ географическое дѣленіе Европейской Россіи есть дѣленіе на три полосы: сѣверную, среднюю и южную.“

288. „Плодоноснѣйшая изъ всѣхъ здѣсь земля есть земля иловатая, лежащая на почвѣ глинистой, да и самая безплодная, смѣшанная съ камнями; глинистая, въ срединѣ Финляндіи земля приносишь плодъ при обработкѣ и сшараніи.“

289. „Нечувствительнѣе воздымается на сію плоскость, которая у Калуги имѣетъ только 2 футовъ возвышенія, идя къ западной части Твери, возвышеннѣйшей точкѣ изъ всей Европейской Россіи; отсюда опускаешься ко Пскову, гдѣ образуется наклонность къ Балтійскимъ землямъ и Смоленску, составляя самую южную часть уклона сей высошы. Волга, Днѣпръ и Двина текутъ отъ разныхъ сторонъ Алаунскаго возвышенія въ моря Каспійское, Черное и Балтійское.“

209. „Тверь, какъ мѣсто возвышеннѣйшее, не болотисто, и, хотя достаточнo снабжено водою, сухое.“

Такъ ли писалъ Сочинитель Исторіи Государства Россійскаго!

Замѣшимъ отдѣльно нѣкоторыя выраженія.
 XV. Горящее поле воображенія. облачь облака. —
 XVI. Образовать объемъ Исторіи. — XIX.
 Дѣйствица переходовъ челоѳчествва. — Создается

знаніе. XX. Воодушевлять прошедшее. — Ваксель бышій. — XXII. Слезя по безднѣ вѣчно-сти. — XXXIX. Мы родные съ нашимъ языкомъ, каждою буквою нашихъ памятниковъ. — XLVI. Доказательства убѣжденія. L. 43. 49. Обозримъ. — LXXX. Заняшь несообразно много мѣста. — 10. Недостатки въ жизни, 19. Сжигая поля, зарѣзывая священниковъ. — 19. Сохраняшь побѣгу на лодки. — 24. Огромныя рѣки — явленія. — 31. Обломки пародовъ. — 66. Пролеживаешь. 89. Приводишь въ омерзѣніе свою память. — 95. 337. Окрестъ Селуня. — 212. Сильно устремился зацѣпишь власть свою. — 220. Садясь въ корабль. — 240. Скаandinavскія лѣтописи исполнены бредней касательно Руси. — 250. Мстятъ кровь. — 288. Сосна, пихша и лиственница здѣсь шугемны. — 294. Дубъ шугемень. — 298. Ячмень повсюдѣнь, — 300. Плодородіе порядочное — и пр. и пр.

Покажемъ нѣкоторыя ошибки противъ Ортографіи. XXIV. пройти. XXVI. найдти. Неправильные глаголы сіи не возможно сдѣлать правильными: для чего-же затруднять правописаніе впаиваніемъ буквы, несуществующей въ произношенія? Г. Полевой пробовалъ и прежде *поправлять* слова; напр. онъ писалъ *вынлль* вмѣсто *вынулъ* (Телегр. 1828. N. 2 стр. 202 и другія). — LXXXVII. Самые-же источники. 25. Занимъ-же, 34а. Любоію-же. . . Союзъ же не долж-

но было соединяшь съ предыдущимъ словомъ: ибо во всѣхъ сихъ случаяхъ онъ есть противоположный и замѣняетъ *а*, *но*. См. ниже. — 5. Природа угрюма и не привѣтлива. . Слѣдовало написать *непривѣтлива*: ибо частица *не* отдѣляется тогда только, когда бываетъ союзомъ. См. ниже. — 80. Законы, будучи *неписанными* законами, но обычаями. . . Здѣсь, напрошивъ, слѣдовало отдѣлить частицу *не*. — 88. 90. 94. 95, Царяградскій По этому должно писать *злашлюбецъ*, *землѣлецъ*, *книгъпродавецъ*? И если Авторъ уже непременно хочетъ ввести *свое* правописаніе, въ противность обще принятому, то для чего же онъ самъ другія сложныя слова пишетъ иначе? Напр. почему онъ пишетъ Архангелогородскій (291), а не Аргангелогородскій? — 152. Изъ за-моря. Два предлога рядомъ прежде писали раздѣльно (изъ за моря, изъ подъ камня), потомъ предлоги стали соединять чертою (изъ-за моря, изъ-подъ камня); нынѣ Г. Полевой соединяетъ предлогъ съ существительнымъ. Можно ли принять сіе соединеніе за особое существительное? Не лзя: ибо оно имѣетъ форму одного родительнаго падежа. Можно ли называть оное нарѣчіемъ и писать соединенно съ обоими предлогами? Но между предлогомъ и существительнымъ можетъ быть вставлено прилагательное, напр. изъ-за Балійскаго моря, изъ-за темнаго лѣсу. И такъ лучше слѣдовать общему

упоупребленію — соединяшь предлоги между собою. — 289. Ни что иное — вмѣсто: не что иное, или лучше: не иное что. — 294. Посю сторону. Это нынѣ прощонародное выраженіе значишь: *по сію* сторону. И такъ не слѣдовало соединяшь словъ *по* и *сю*. — 303. Во все. Эти два слова напрашивъ должно было соединить въ одно: ибо они составляютъ нарѣчіе.

Но чтобы сдѣлать разборъ нашъ болѣе полезнымъ, я намѣренъ обратишь вниманіе молодыхъ писателей нашихъ на погрѣшности расположенія словъ — погрѣшности нынѣ весьма общія. Предѣлы сташы сей не позволяють мнѣ начертать полной теоріи словорасположенія: а потому я ограничусь указаніемъ только на мѣста союзовъ — такой части рѣчи, о кошорой Грамматикки наши дають понятія весьма неточныя и недостаточныя.

Учители Русскаго языка увѣряють, что *уже, еще, не* и подобныя слова суть нарѣчія. Это можеть быть и правда: но всегда ли? Что есть нарѣчіе? Слово, ограничивающее, опредѣляющее качества; слѣд. не предполагающее никакой новой мысли, просто дополняющее глаголь или прилагательное. Что есть союзъ? Слово выражающее отношеніе двухъ мыслей, двухъ предложеній; слѣд. предполагающее всегда другую мысль, имѣющую связь съ первою.